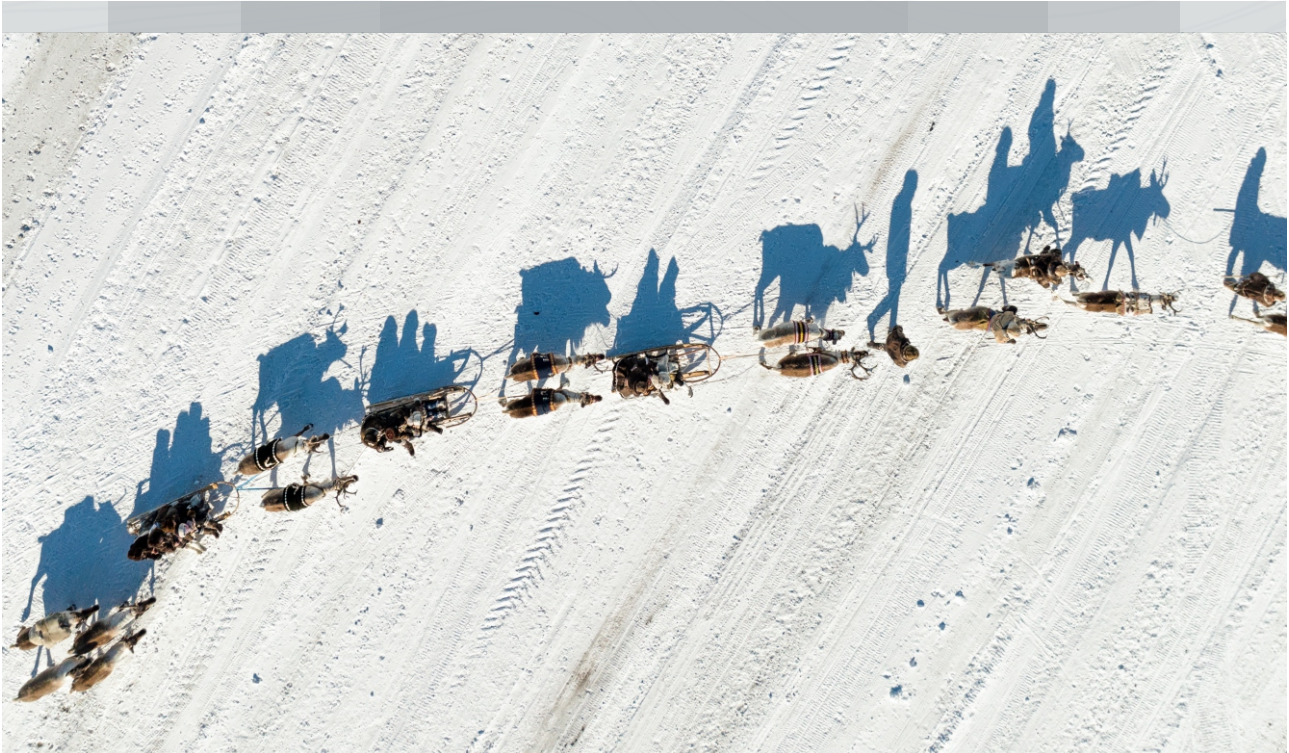

ARCTIC XXI CENTURY

АРКТИКА XXI ВЕК

TOM VOL. 14 № 1/ 2026

АВТОР ФОТОГРАФИЙ: ОЛЯ ФОКС

Научный журнал

Периодическое издание

Издается с 2013 года

До 16.09.2024 года журнал издавался под названием «Арктика XXI век. Гуманитарные науки»

Периодичность: 4 раза в год

Тираж: 25 экз., распространяется бесплатно

DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378>

Арктика XXI век – периодический рецензируемый журнал, посвященный актуальным проблемам изучения языков народов Севера и Арктики. Журнал публикует оригинальные научные исследования мирового уровня, отражающие современные тенденции в лингвистике и смежных дисциплинах.

Миссия журнала – содействие развитию и популяризации исследований, а также освещение ключевых достижений мировой науки в области возрождения, сохранения и развития языков народов Севера и Арктики.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

С 2025 года журнал публикует новейшие результаты междисциплинарных исследований российских и зарубежных ученых. Тематика охватывает широкий спектр областей, включая историю языка, лингвистическую палеонтологию, лингвистическую экологию, социолингвистику, антропологическую лингвистику, когнитивную лингвистику, ономастиологию, лингвогеографию и другие смежные дисциплины.

Целевая аудитория: научные работники, преподаватели вузов, аспиранты, магистранты и соискатели ученых степеней доктора и кандидата наук, а также российские и зарубежные ученые.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *Н. В. Малышева*, д.филол.н., СВФУ, Якутск, Россия

Заместитель главного редактора: *Л. С. Заморщикова*, к.филол.н., СВФУ, Якутск, Россия

Ответственный секретарь: *А. В. Тимофеева*, СВФУ, Якутск, Россия

Члены редакционной коллегии:

Л. Гренобль, Ph.D., Университет Чикаго, Чикаго, США; *Ч. Месарош*, Ph.D., Институт этнологии, Будапешт, Венгрия; *Я. Эфендиев*, Ph.D., Техасский университет, Техас, США; *М. Ууганбаяр*, Ph.D., Национальный университет Монголии, Улан-Батор, Монголия; *Т. Загарпэрэнлэй*, Ph.D., Национальный университет Монголии, Улан-Батор, Монголия; *С. Ж. Тажимаева*, д.филол.н., Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан; *А. М. Фазылжан*, к.филол.н., Институт языкознания им. А. Байтурсынова, Алматы, Казахстан; *К. К. Уметов*, к.филол.н., Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек, Кыргызстан; *С. А. Мызников*, д.филол.н., член-корреспондент РАН, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; *А. Н. Биткеева*, д.филол.н., Институт языкознания РАН, Москва, Россия; *Д. А. Функ*, д.ист.н., Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; *Н. Б. Кошкарева*, д.филол.н., Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия; *А. А. Петров*, д.филол.н., РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; *Н. И. Данилова*, д.филол.н., ИГиИПМНС СО РАН, Якутск, Россия; *О. А. Мельничук*, д.филол.н., Северо-Восточный федеральный университет, Якутск, Россия; *В. Ю. Гусев*, к.филол.н., Институт языкознания РАН, Москва, Россия; *В. Г. Белолюбская*, к.филол.н., Северо-Восточный федеральный университет, Якутск, Россия; *А. А. Ярзуткина*, к.ист.н., Чукотский филиал СВФУ, Анадырь, Россия

ISSN: 3034-7378 (печатная версия), 3034-7386 (онлайн-версия)

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова».

Адрес учредителя и издателя: 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677027, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 27, кабинет 508

Тел./факс: +7 (4112) 40-38-75

Сайт <https://www.arcticjournal.ru>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-88190 от 16 сентября 2024 г.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Academic periodical

Published since 2013

Until 16.09.2024 the Journal was published under the name «Arctic XXI century. Humanitarian sciences»

Publication frequency: 4 times a year

Circulation: 25 copies, free distribution

DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378>

Arctic XXI Century is a peer-reviewed periodical focusing on current issues in the study of languages of the peoples of the North and the Arctic. The Journal publishes high-quality original research reflecting contemporary trends in linguistics and related disciplines.

The Journal's mission is to promote and advance scholarly research while spotlighting significant global progress in the revitalization, preservation, and development of Northern and Arctic Indigenous languages.

The periodical is included into the system of Russian Index of Science Citation (RISC).

Since 2025, the Journal has been publishing the latest findings from interdisciplinary research conducted by Russian and international scholars. Its scope covers a wide array of fields, including historical linguistics, linguistic paleontology, ecolinguistics, sociolinguistics, anthropological linguistics, cognitive linguistics, onomasiology, linguistic geography, and other related disciplines.

The Journal serves researchers, university professors, postgraduate students (Ph.D. candidates), master's students, and scholars pursuing doctoral (Dr. hab.) and candidate of sciences (Ph.D.) degrees, as well as the broader Russian and international scientific community.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *Ninel V. Malysheva*, Dr. Sci. (Philol.), NEFU, Yakutsk, Russia

Deputy Editor-in-Chief: *Liudmila S. Zamorshchikova*, Cand. Sci. (Philol.), NEFU, Yakutsk, Russia

Executive editor: *Aitalina V. Timofeeva*, NEFU, Yakutsk, Russia

Lenore Grenoble, Ph.D., University of Chicago, Chicago, USA; *Csaba Mészáros*, Ph.D., Institute of Ethnology, Budapest, Hungary; *Yalchin Efendiev*, Ph.D., Texas A&M University, Texas, USA; *Myagmarsuren Uuganbayar*, Ph.D., National University of Mongolia, Ulan-Bator, Mongolia; *Tumenbayar Zagarperenley*, Ph.D., National University of Mongolia, Ulan-Bator, Mongolia; *Saule Zh. Tazhibaeva*, Dr. Sci. (Philol.), L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; *Anar M. Fazylzhan*, Cand. Sci. (Philol.), Institute of Linguistics named after A. Baitursunuly, Almaty, Kazakhstan; *Kenzhebay K. Umetov*, Cand. Sci. (Philol.), Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan; *Sergey A. Myznikov*, Dr. Sci. (Philol.), corresponding member of the Academy of Sciences, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia; *Aysa N. Bitkeeva*, Dr. Sci. (Philol.), Institute for Linguistic Studies of the RAS, Moscow, Russia; *Dmitriy A. Funk*, Dr. Sci. (Hist.), Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; *Natalia B. Koshkareva*, Dr. Sci. (Philol.), Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russia; *Aleksandr A. Petrov*, Dr. Sci. (Philol.), Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia; *Nadezhda I. Danilova*, Dr. Sci. (Philol.), IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia; *Olga A. Melnichuk*, Dr. Sci. (Philol.), NEFU, Yakutsk, Russia; *Valentin Yu. Gusev*, Cand. Sci. (Philol.), Institute for Linguistic Studies of the RAS, Moscow, Russia; *Varvara G. Belolyubskaya*, Cand. Sci. (Philol.), NEFU, Yakutsk, Russia; *Anastasia A. Yarzutkina*, Cand. Sci. (Hist.), Chukotka branch of NEFU, Anadyr, Russia

ISSN: 3034-7378 (Print), 3034-7386 (Online)

The founder and publisher is the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «M.K. Ammosov North-Eastern Federal University».

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo St., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 508 office, 27 Oyunsokogo St., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677027

Telephone/Fax: +7 (4112) 40-38-75

Website <https://www.arcticjournal.ru>

Accreditation certificate ПИ № ФЦ77-88190 on September, 16, 2024 by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вахтин Н. Б.</i> Перспективы социолингвистического изучения города в Якутии	5
<i>Головацкая Т. П.</i> Закономерности и вариативность использования лексических заимствований в учебных текстах на эскимосском языке в период становления письменности	31
<i>Иванищева О. Н., Лян М.</i> Пословицы кильдинского саамского языка как отражение менталитета народа	48
<i>Лемская В. М., Попов М. А.</i> Чулымские тексты, собранные С. Е. Маловым в 1908 г.: лингвистические и историко-этнографические особенности сказания о Малафее	63
<i>Маклашова Е. Г.</i> Этнокультурная уязвимость как измерение цифрового неравенства (социологическое исследование в Республике Саха (Якутия))	87
<i>Мальшева Н. В., Федорова С. А., Турантаева Н. В., Шамаев А. Н.</i> К вопросу об этногенезе долган (на материале лингвистических и генетических данных)	106
<i>Токмашев Д. М.</i> О сложных случаях этимологизации русских заимствований в телеутском языке	120
<i>Функ Д. А.</i> Антрополог и словарь. Опыт составления словаря шорского языка.....	142

CONTENTS

<i>Vakhtin N. B.</i> Prospects for sociolinguistic study of the city in Yakutia.....	5
<i>Golovatskaya T. P.</i> Patterns and variability of the use of lexical borrowings in Eskimo educational texts during the formation of the written language	31
<i>Ivanishcheva O. N., Liang M.</i> Proverbs of the Kildin Saami language as a reflection of the people's mentality.....	48
<i>Lemskaya V. M., Popov M. A.</i> Chulym texts collected by S. E. Malov in 1908: linguistic and historical-ethnographic features of the narrative about Malafei	63
<i>Maklashova E. G.</i> Ethnocultural vulnerability as a dimension of digital inequality (a sociological study in the Republic of Sakha (Yakutia)).....	87
<i>Malysheva N. V., Fedorova S. A., Turantaeva N. V., Shamaev A. N.</i> On the ethnogenesis of the Dolgans (based on linguistic and genetic data).....	106
<i>Tokmashev D. M.</i> On problematic cases of Russian loanwords' etymology in Teleut.....	120
<i>Funk D. A.</i> Anthropologist and dictionary: experience in compiling a Shor language dictionary.....	142

УДК 81

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-5-30>*Оригинальная научная статья*

Перспективы социолингвистического изучения города в Якутии

Н. Б. Вахтин

Европейский университет в Санкт-Петербурге,

Санкт-Петербург, Россия

 nvakhtin@gmail.com

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются возможные направления социолингвистических исследований города применительно к Республике Саха (Якутия) и прежде всего к ее столице. Якутскими специалистами в этой области сделано много, однако имеющиеся публикации относятся преимущественно к количественной социологии и социолингвистике, что позволяет получить общую картину, но не раскрывает механизмы языковых процессов. Следующим шагом в развитии должны стать исследования, проведенные качественными методами – глубинными интервью и включенным наблюдением. Это даст возможность перейти к изучению таких тем, как индивидуальное и групповое двуязычие, языковой ландшафт городского пространства, социолингвистические исследования диаспор, языковые контакты, переключение и смешение кодов, выбор языка в двуязычной ситуации и подобных. Описание каждой из этих тем сопровождается обширной библиографией, включающей как классические теоретические работы, так и современные публикации якутских специалистов. В статье также кратко охарактеризованы методологические проблемы исследования перечисленных тем: соотношение и ограничения количественных и качественных методов, этические вопросы публикации собранных материалов, проблема влияния исследователя на собираемый материал, необходимость работы с реальными записями устной речи, разграничение научного и нормативного подходов к изучаемым явлениям, вопросы анонимизации данных, соблюдения этических норм при работе с информантами, а также сложности фиксации и интерпретации спонтанной устной речи в условиях городского двуязычия, включая проблему «парадокса наблюдателя», этические ограничения при сборе полевого материала, необходимость верификации полученных данных и разработку репрезентативной выборки.

© Вахтин Н. Б., 2026

Ключевые слова: социолингвистика города, Республика Саха (Якутия), двуязычие, языковой ландшафт, диаспоры, языковые контакты, переключение кодов, выбор языка, качественные методы, методология полевых исследований
Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках реализации проекта «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» №25-78-30006 от 22.05.2025 г.

Для цитирования: Вахтин Н.Б. Перспективы социолингвистического изучения города в Якутии. *Арктика XXI век*. 2026;14(1):5–30. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-5-30>

Original article

Prospects for sociolinguistic study of the city in Yakutia

Nikolay B. Vakhtin

European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia

 nvakhtin@gmail.com

Abstract

This article examines potential directions for urban sociolinguistic research in the Republic of Sakha (Yakutia), with a primary focus on its capital. Yakut specialists have accomplished a great deal in this area; however, existing publications are largely situated within quantitative sociology and sociolinguistics, providing a general overview without revealing the underlying mechanisms of linguistic processes. The next logical step in the field should be qualitative research employing in-depth interviews and participant observation. This will enable the exploration of topics such as individual and group bilingualism, the linguistic landscape of urban space, sociolinguistic studies of diasporas, language contact, code-switching and code-mixing, language choice in bilingual situations, and the like. Each of these topics is discussed alongside an extensive bibliography that includes both classic theoretical works and recent publications by Yakut scholars. The article also briefly addresses methodological challenges in researching these themes: the relationship and limitations of quantitative and qualitative methods, ethical issues related to publishing collected materials, the problem of researcher influence on the data, the need to work with authentic recordings of spoken language, the distinction between scientific and normative approaches to the phenomena under study, issues of data anonymization, adherence to ethical standards when working with informants, as well as the difficulties of recording and interpreting spontaneous spoken language in an urban bilingual environment, including the “observer’s paradox”, ethical constraints in fieldwork, the need for data verification, and the development of a representative.

Keywords: urban sociolinguistics, Republic of Sakha (Yakutia), bilingualism, linguistic landscape, diasporas, language contact, code-switching, language choice, qualitative methods, fieldwork methodology

Funding. Research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation “Languages and Cultures of the Peoples of the North and the Arctic of the Russian Federation: Comprehensive socio-humanitarian research (on the basis of big data)” No 25-78-30006 (22.05.2025)

For citation: Vakhtin N.B. Prospects for sociolinguistic study of the city in Yakutia. *Arctic XXI Century*. 2026;14(1):5–30 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-5-30>

Введение

Тема социалингвистических исследований города для отечественной науки одновременно и традиционная, и новая. Подобные исследования начались около ста лет назад, в 1920-е годы, когда были разработаны полезные методики и получены интересные результаты (см. работы С. Карцевского, Б. Ларина, Г. Данилова, В. Волошинова, Е. Поливанова [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]). Однако вскоре эти исследования оказались практически под запретом: к концу 1930-х годов «единственно марксистским» направлением советского языкознания было признано одиозное «учение Марра», а в 1950 году, после выхода в свет брошюры Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», всякая лингвистика в СССР вообще прекратилась – к счастью, не очень надолго.

Взлеты и падения социалингвистики в России описаны достаточно подробно; можно сослаться и на книги В.М. Алпатова [10; 11; 12], детально разбирающие историю отечественной лингвистики в XX веке, и на учебники [13, с. 238; 14, с. 19–24], и на более новые публикации [15; 16; 17; 18; 19].

Цель настоящей статьи – описать некоторые темы в рамках социалингвистики города, которые могут представлять интерес в современных городах Республики Саха (Якутия), прежде всего в Якутске, и изложить базовые методологические принципы таких исследований.

Двуязычие якутских городов

Основной интерес для социалингвистики города в Якутии представляет двуязычный характер якутских городов, прежде всего – столицы [20; 21; 22; 23; 24; 25]. Дву- и многоязычие широко распространено в современном мире: большинство людей на Земле с детства владеет более чем одним языком, и можно сказать, что в каком-то смысле двуязычие – это норма. Однако систематических исследований двуязычных

языковых ситуаций недостаточно, поэтому разноаспектные описания реальной языковой ситуации двуязычного города представляют не только практический, но и значительный теоретический интерес.

Для подобного описания необходимы некоторые термины, прежде всего следующие.

(1) *Индивидуальное двуязычие*: один человек регулярно использует два языка в повседневном общении.

По типу формирования можно выделить *естественное* (раннее) двуязычие: усвоение двух языков происходит с раннего возраста в естественной среде, например, в семье с родителями, у которых разные родные языки; и *искусственное* (позднее) двуязычие: человек целенаправленно изучает второй язык, например, в школе или после переезда в другую языковую среду.

По уровню владения языками двуязычие может быть *симметричное* (сбалансированное), когда человек в равной степени владеет обоими языками, и *асимметричное* (несбалансированное), когда один из языков освоен лучше, чем другой.

По способу использования языков можно выделить *активное* двуязычие: человек регулярно и активно использует оба языка в общении, *пассивное* двуязычие: человек хорошо понимает оба языка, но в повседневном общении использует только один из них.

(2) *Групповое двуязычие*: некое сообщество более или менее регулярно пользуется двумя языками. Подразделяется на *двустороннее* и *одностороннее*: в первом случае вся группа владеет обоими языками, во втором – общим для всей группы является один язык, а часть группы владеет еще и вторым; *прогрессивное* (растет число людей, владеющих одним из двух языков) и *регрессивное* (сокращается число людей, владеющих одним из двух языков); *остаточное* (второй язык выходит из употребления); *симметричное* (два языка социально и функционально равноправны¹); *асимметричное* (языки не равноправны социально или функционально); *частичное* (большинство населения одноязычно, но есть небольшие территории, где население говорит на двух языках) [26].

В Республике Саха (Якутия) в плане исследования языковой ситуации сделано уже довольно много. Одной из первых публикаций

¹ *Социальное равноправие* – обоими языкам пользуются примерно одни и те же социальные группы (мужчины и женщины, пожилые и молодые, образованные и менее образованные, горожане и сельские жители, и т.п.). *Функциональное равноправие* – оба языка используются в одинаковом наборе функций (на обоих есть письменность и примерно равное количество текстов, на обоих можно говорить в общественном месте, оба преподаются в школе, и т.п.).

о двуязычии была книга Т. Аргуновой [27], за которой последовала работа В. Роббека и П. Слепцова [28] и некоторые другие [29; 30; 31; 32]. Основное направление этих исследований – количественная социолингвистика: ставились задачи выяснить, в каком улусе сколько процентов населения говорит на каком языке? и как люди к этим языкам относятся. В некоторых исследованиях речь идет о влиянии русского языка на якутский или якутского на русский, в основном в письменных текстах. Исследуется влияние федеральных образовательных стандартов на преподавание языка, вытеснение или сохранение якутского под влиянием русского, описывается ситуация в Якутии по сравнению с другими республиками РФ.

Все это важные и интересные вопросы, однако это не все, чем может и должна заниматься социолингвистика в городе.

Результаты и обсуждение

Языковой ландшафт

Интересная тема – звуковые и визуальные формы существования языков в городском пространстве, так называемый языковой ландшафт². Это – любые указатели, рекламные щиты и плакаты, объявления, граффити, таблички с названиями улиц, районов, населенных пунктов, а также вывески и витрины магазинов, кафе, парикмахерских, отделений банков и других коммерческих заведений; ценники, меню и объявления внутри заведений; административные указания внутри торговых центров и различного рода временные или постоянные таблички; рекламные объявления, в том числе временная нелегальная реклама, рекламные листовки на столбах и стенах, написанные от руки объявления. И, конечно, звуковая реклама, радиообъявления, звуковое дублирование сигналов светофора на пешеходных переходах, и т.п.

Город постоянно говорит с нами – прежде всего письменно; и тут интересно, на каких языках говорит двуязычный город. При исследовании языкового ландшафта обычно обращают внимание на то, какие языки используются в визуальных сообщениях, и где они представлены; кто отправитель сообщений, и на кого они направлены; какие языки из существующих в городе не представлены в языковом ландшафте; как именно представлены языки (графика, цвет, типы шрифтов, рисунки); как набор представленных языков и их иерархия меняется во времени; наконец, как в городском пространстве сталкиваются и взаимодействуют

² В сентябре 2025 года в Якутске прошло обсуждение этой проблематики, см. <https://jour-ykt.ru/2024/09/17/yazykovoj-landshaft-yakutska-i-proekt-prosveshhayushhij-marshrut/> (дата обращения 08.12.2025).

официальная языковая политика «сверху» (официальные вывески и объявления) и «народная» языковая политика снизу (неформальные, рукописные объявления).

При исследовании языковых ландшафтов важно помнить, что письменная коммуникация должна рассматриваться как часть коммуникативного процесса, связанного с социальными условиями, в которых он протекает: у любой вывески, рекламы или объявления есть отправитель, адресат, контекст и так далее [33]. При этом важно, чтобы материал исследования был собран в районах города разного социального типа: с современной застройкой и со старой; более богатых и более бедных; населенных преимущественно мигрантами или преимущественно местными жителями, и так далее.

Методы фиксации элементов языкового ландшафта могут быть разными: от фотографирования (с обязательной записью места и времени фотографии) до специальных мобильных приложений типа *LinguaSnapp*³, когда сделанная фотография надписи автоматически привязывается к карте города.

Исследования языкового ландшафта – это один из подходов к миграционным исследованиям, поэтому они не должны ограничиваться только якутским и русским языками, но должны учитывать и другие языки – языки мигрантов. Это позволяет узнать, как распределены языки в двуязычном городе – официально и реально; какие отношения складываются между мигрантами и принимающей стороной; что считается уместным в публичном городском пространстве, а что недопустимым; какие существуют ограничения на письменную коммуникацию на языках мигрантов, и так далее.

Подобные исследования вдвойне интересны для Якутска, потому что Якутск изначально двуязычный город: здесь можно видеть не только как взаимодействуют якутский и русский языки, но и как «местные» языки взаимодействуют с многочисленными языками мигрантов (см. ниже об исследовании диаспор).

В качестве теоретической литературы по этой теме можно порекомендовать книгу А. Пенникук и Е. Оцуи [34], а также статьи В. Барановой, К. Федоровой, Т. Голиковой, Г. Габдрахмановой [35; 36; 37]. Эта тема изучалась в разных городах и странах; для России прежде всего следует упомянуть статьи [38; 39; 40; 41]. Довольно много исследований языкового ландшафта было проведено и в Якутии [42; 43; 44; 45; 46; 47; 48; 49; 50].

³ *LinguaSnapp*. Режим доступа: <https://www.linguasnapp.uni-hamburg.de/projekt/app.html> (дата обращения 06.12.2025)

Исследования диаспор

Как правило, говоря о Якутии и Якутске, исследователи обращают внимание на взаимодействие якутского и русского языков [51; 52; 53]. Однако ситуация здесь гораздо богаче. По переписи 2020 года в Якутии родным назвали⁴: киргизский – 9 907 чел., таджикский – 5 148 чел., бурятский – 4 115 чел., армянский – 3 363 чел., узбекский – 2 821 чел., украинский – 2 419 чел., татарский – 1 662 чел., азербайджанский – 1 333 чел.⁵ Всего – 30 768 человек [54; 55].

То есть для 30 с лишним тысяч населения республики родными являются языки «некоренного» населения. Это – так называемые *диаспоры* (от греч. *διασπορά* ‘рассеяние’), которые определяются как *часть народа, проживающая вне страны своего происхождения, образующая сплоченные и устойчивые этнические группы в стране проживания, и имеющая социальные институты*⁶ (то есть нормы и принципы, регулирующие поведение) для поддержания и развития своей идентичности и общности [56].

Иначе говоря, члены диаспоры – это те, кто живут далеко от дома, не полностью включились в принимающее общество (сохраняют некоторые привычки, особенности поведения, предпочтения, социальные нормы), обладают соответствующим этническим самосознанием и собираются рано или поздно вернуться домой.

Социолингвистические исследования диаспор сегодня очень популярны [57; 58; 59; 60; 61; 62; 63; 64]. Исследования диаспор выходят за пределы социолингвистики: это могут быть не только исследования представлений о языке и его реальном использовании или исследования лингвистических биографий членов диаспоры (откуда знают тот или иной язык, когда и где выучили), но и исследования особенностей поведения (пища, одежда, манеры и т.п.), религиозных норм членов диаспор и соотношение этих факторов с использованием того или иного языка.

Языковые контакты

В любой дву- или многоязычной среде всегда возникает вопрос о том, что такое контакты между языками. Как справедливо пишет Бригитта

⁴ По базе данных Ю.Б. Корякова «Этно-языковой состав населенных пунктов России. Перепись 2020/21 года». Режим доступа: <http://lingvarium.org/russia/Census2021.shtml> (дата обращения: 08.12.2026).

⁵ Не учтены языки, которые назвали родными менее 1000 человек, а также английский, французский, немецкий, китайский и т.п. иностранные языки.

⁶ Социальные институты – система взаимосвязанных норм, которые опираются на коллективно разделяемые ценности, свойственные тому или иному обществу или той или иной социальной группе, и обобщаются как способы действия, мышления и чувствования.

Пакендорф, «...принципиально важно, что [контактирующие] языки меняются через поведение их носителей: либо потому, что носители разных языков контактируют и, следовательно, обладают некоторым знанием обоих (или нескольких) языков, либо потому, что два или более языка могут контактировать в сознании одного носителя. «Языковой контакт» – это лишь условное обозначение сложных психолингвистических и социалингвистических ситуаций» [65, с. 24–25].

Разные авторы используют разные термины для описания языковых контактов. Так, в классической работе Вайнрайха (1953) в случае содержательных заимствований (слов) используются термины *язык-источник* и *язык-получатель*, а в случаях структурного влияния (заимствование конструкций) – термины *язык-модель* и *язык-реплика*. Другие авторы говорят о *языке-доноре*, о *первичном* и *вторичном* коде, и так далее. Наиболее удачной представляется терминология, которую использует Бригитта Пакендорф в своей диссертации о контактах якутского языка: «Перенос языковых элементов из одного языка в другой будет называться *копированием*, язык, с которого копируется элемент, – *языком-моделью*, а язык, осуществляющий копирование, – *языком-реципиентом*. С социокультурной точки зрения, язык, на котором говорят внутри сообщества и который символизирует идентичность этого сообщества, будет называться *внутригрупповым языком*, а язык, используемый для общения с другими речевыми сообществами, будет называться *внегрупповым языком*. Копирование может включать как перенос единиц формы и значения (например, морфем или лексем), которые будут называться *содержательными копиями*, так и перенос языковых моделей, которые будут называться *схематическими копиями*. Наконец, масштабная реструктуризация языка-реципиента под влиянием языка-модели будет называться *метатипией* [65, с. 45]⁷.

Важным аспектом исследования языковых контактов является изучение переключения и смешения кодов⁸. Двуязычные люди часто смешивают языки: часть фразы говорится на одном языке, часть на другом. Если говорящие пользуются попеременно, то одним, то другим языком, то говорят о *переключении* кодов. Если языки смешиваются внутри слова или внутри простого предложения, то говорят о *смешении* кодов. Случаи подобных переключений есть практически везде, где распространено групповое двуязычие, например:

⁷ О типах контакта и различных терминах, используемых лингвистами для описания языкового контакта, можно прочитать в параграфах 1.2.2.1. и 1.2.2.2 указанной диссертации Б. Пакендорф [65].

⁸ Библиографию и обзор терминов см. [73].

*русско-китайское смешение кодов*⁹:

(1) Как же вы не знаете? Это ж *nimen zhuanye* [ваша специальность]
Тут идет речь о *haochi de dongxi* [о вкуностях]

*русско-татское смешение кодов*¹⁰:

(2) **etot maslo-re gotovit** mi-st-eni bā'de in-e

этот масло-OBL готовить PREF-делать-2л потом этот-OBL
mi-fikārd-eni dege-iš **obratno** be **kāstrul'a b'ez voda**

PREF-лить-2л снова-SUF обратно LOC кастрюля без воды

‘Готовишь это масло, потом ставишь его, наливаешь обратно в
кастрюлю без воды.’

Теоретически у двуязычного человека есть три варианта: он может говорить либо на одном языке, либо на втором, либо перескакивать с одного на другой, постоянно их смешивая. В последнем случае говорят либо о переключении и/или смешении кодов, либо о возникновении нового кода, «третьего языка» [66].

Аналогичные примеры можно привести и для якутско-русского переключения¹¹:

(3) *Но стоит он ынырык-ынырык дорого*

Айюючэ, заинтриговал!»

Он вообще по ходу акаары

В одной из работ, посвященной языку мессенджеров, встретился такой пример переключения кодов (из sms-сообщения от молодой женщины к ее подруге)¹²:

(4) *Душтанан баран успейдаан баттахпын куурдубатым, фен
если что с собой*

‘После душа не успела высушить волосы, фен если что с собой.’

Нужно подчеркнуть, однако, что публикаций по данному аспекту якутско-русского двуязычия очень немного.

Теоретические подходы к исследованию языковых контактов (включая переключение кодов) см. в классических статьях У. Вайнрайха [67], в книге Р. Лепаж и А. Табуре-Келлера [68], а также в более

⁹ Пример из [70].

¹⁰ Пример из доклада М.-Э. А. Винклер «Контакты азербайджанского и митагиджалганского (татского) в Дербентском районе: некоторые явления в грамматике и лексике» (Москва, 2025).

¹¹ Примеры из тезиса доклада: Киприянова Е.И. Якутизмы в СМИ // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012». – М.: МАКС Пресс, 2012. Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/structure_27_1901.htm (дата обращения: 05.12.2026).

¹² Пример из доклада А.М. Афонской (Научная школа молодых ученых, СВФУ, Якутск, 2025).

новых публикациях [69; 70; 71; 72; 73; 74]. В области языковых контактов обычно исследуются такие темы, как заимствования лексики (старые и новые, укоренившиеся и воспринимаемые как чужие слова), фонетическая и морфологическая адаптация заимствованных слов, калькирование¹³ и др. Изучаются также структурные влияния одного языка на другой (заимствование синтаксических конструкций, морфологической структуры слова и др.), вплоть до уподобления структуре другого языка, или появлении нового, смешанного языкового варианта.

Как описывать переключение и смешение кодов

Рассмотрим один пример смешения для двух близкородственных языком: белорусского и русского¹⁴:

(5) Правильно по-белорусски: *яна́ гандлю́е кве́ткамі*

(6) Правильно по-русски: *она́ торгует цве́тами*

(7) Реальная речь жителя Минска: *яна́ таргу́е цв'а́там'и*

Предложение (7) фонетически, скорее, белорусское (русские слова произносятся на белорусский манер), лексически – смешанное, морфологически – то белорусское, то русское. Как анализировать и описывать подобные случаи?

Существует два подхода к описанию подобных явлений.

Первый подход. Классическая теория тут – подход Кэрл Майерс-Скоттон [69], которая выделяет в подобных случаях матричный язык (*matrix language*) и вставленный язык (*embedded language*). Принимается, что в каждом данном отрезке текста один язык является матричным, второй – вставленным. На матричном языке говорящий произносит служебные морфемы, на вставленном – лексические элементы. Иначе говоря, грамматика в подобных случаях всегда на матричном языке, все остальное может быть на вставленном. По ходу речи матричный и вставленный языки могут меняться местами, но мы всегда знаем, что в каждый данный момент человек говорит на одном языке и вставляет части из другого. Независимо от того, что происходит в сознании говорящего, в нашем анализе языки разделены. Эта теория имеет большую объяснительную силу, однако есть довольно много случаев, когда она работает плохо, так как непонятно, почему (или зачем) человек смешивает языки.

Второй подход начинался именно с коллекционирования примеров, на которых теория Майерс-Скоттон плохо работает или вовсе не

¹³ Калькирование – перевод заимствованного слова по элементам, например, русск. *правописание* – из греческого *orthos* ‘правильно’ + *grapho* ‘пишу’, или русск. *небоскреб* – из англ. *skyscraper* (*sky* ‘небо’, *scrape* ‘скрести’).

¹⁴ Пример из диссертации: Лисковец И.В. Русский и белорусский языки в Минске: проблемы двуязычия и отношения к языку. Дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург. 2006.

работает. Приведенный выше пример русско-белорусского смешения относится к таким случаям: вряд ли мы можем ответить на вопрос, почему (или с какой целью) говорящий «путает языки»: ведь у того, кто произнес предложение (3), на самом деле *в репертуаре нет ни чистого русского, ни чистого белорусского*, то есть ему нечего смешивать. Пионерами второго подхода стали Р. Лепаж и А. Табуре-Келлер [68], а также П. Майскен [75] и Й. Матрас [74]. Майскен ввел термин **конгруэнтная лексикализация**: ситуация, когда у двух взаимодействующих языков есть общая грамматическая структура (или общий фрагмент грамматической структуры), которая может быть заполнена лексически элементами из любого языка, с любой фонетикой. Если у двух очень разных языков, например, русского и якутского, возможен одинаковый порядок слов в простом предложении – например SOV – то предложение *Петя Васю ударил* и *Петя Васяны охсубута* можно трактовать как конгруэнтную лексикализацию. А то и по-якутски скажут *Петя охсубута Васяны*¹⁵, копируя русский порядок слов.

Для этого подхода принимается, что в сознании человека существует одна языковая (грамматическая) система, состоящая из двух вариантов: в примерах выше нет отдельного русского и отдельного белорусского языков, а есть возможность различных выборов в рамках единой системы. Методологически это, таким образом, – уход от восприятия языка при двуязычии как отдельной изолированной системы и переход к восприятию двух языков как общего ресурса для практической речевой деятельности. Подчеркну, что этот подход хорошо работает не только для близкородственных языков, но и в случае с разными языками, как русский и якутский.

Выбор языка

В двуязычной ситуации перед любым двуязычным говорящим всегда стоит выбор: на каком языке говорить? В этой связи интересно понять, как и почему двуязычные люди выбирают тот или иной язык. Существует несколько факторов, которые на этот выбор влияют, и прежде всего – собеседник, место и тема разговора.

Если **собеседник** одноязычный, то выбора нет: говорить приходится на языке собеседника. Если же у собеседника те же два языка, что у говорящего, то вступают в действие другие факторы:

– это может быть **привычка** говорить именно с этим человеком на том или ином языке (например, в семье человек говорит по-русски, но с бабушкой всегда по-якутски); интересно понять, как и почему эта привычка сложилась.

¹⁵ Перевод на якутский сделан русско-якутским переводчиком: <https://www.webtran.ru/translate/yakut/> (дата обращения: 08.12.2025).

– это может быть **место**, где происходит разговор: общественное место или семья, школа или магазин, работа или транспорт. В разных городах и даже в разных районах города могут существовать разные «неписанные правила», где именно уместно говорить на каком из двух языков. Интересно понять, чем обусловлены такие неписанные правила.

– это может быть **тема** разговора: есть такие темы, на которые «принято» говорить по-русски, а есть такие, на которые «как-то лучше получается» по-якутски. Здесь также интересно понять, почему принято говорить именно так.

Совокупность этих признаков (место разговора, тема разговора и участники разговора) Джошуа Фишман назвал **домен**: это более или менее стандартный, привычный контекст, в котором один язык (или один языковой вариант) предпочтительнее другого.

Теоретические подходы к исследованию опираются на классические работы Джошуа Фишмана [76], Моники Хеллер [77] и других.

Замечания о методологии исследований

Об источнике материала

Довольно часто авторы публикаций о якутско-русских языковых контактах, сами двуязычные люди, опираются для подбора примеров на собственную интуицию и память. Это может привести к тому, что материал сведется к общеизвестным стереотипам. Так, из статьи в статью о якутско-русском языковом смешении кочуют одни и те же примеры якутских слов, часто вставляемых в русскую речь: *модун* ‘сильный’, *талба* ‘хороший, добротный’, *амсай* ‘попробуй’, *махтал* ‘спасибо’. Такое «автоописание» может служить полезным первым шагом, но нужно помнить об ограниченности этого метода: в реальности таких слов наверняка больше, однако, чтобы их выявить и описать, нужны записи реальной речи конкретных двуязычных людей в бытовой обстановке. Такие записи – обязательная основа исследования. Современная техника позволяет вести запись речи в самых разных ситуациях, быстро расшифровывать и обрабатывать такие записи [78].

Об этике

При работе с такими записями важно не забывать об *этической* стороне дела. В российском законодательстве нет статьи, которая регулировала бы запись речи без согласия собеседника (например, телефонного разговора). И тем не менее этически здесь есть не все просто: использовать и тем более публиковать записи чужой речи нужно с большой осторожностью. Главный принцип тут – «не навреди»: реальные записи должны быть анонимизированы, то есть говорящие должны быть обозначены, например, как *м, р, ок. 45* (мужчина, русский, около 45 лет)

или *ж, я, 50* (женщина, якутка, 50 лет); реальные ситуации общения также должны быть описаны так, чтобы затруднить идентификацию говорящих. Поскольку лингвистов (и социолингвистов) обычно интересуют конкретные языковые формы, а не содержание речи, публикация не целых текстов, а фрагментов речи (фонетической записи отдельных слов, словосочетаний, частей предложения) помогает обеспечить анонимность.

О «парадоксе наблюдателя»

При записи речи и сам факт записи, и присутствие исследователя неизбежно оказывают влияние на то, как информанты говорят: люди, увидев диктофон, начинают следить за собой, и их речь меняется. В зависимости от того, кто ведет запись, меняется и то, какой язык выберут двуязычные информанты. В свое время Уильям Лабов сформулировал эту проблему так: «Мы должны наблюдать, как люди говорят, когда за ними не наблюдают». Поэтому в ситуациях, когда это возможно этически, записи предпочтительно вести скрытно, а если это по каким-то причинам невозможно, это обстоятельство необходимо учитывать, например – дать информанту время привыкнуть к диктофону, расслабиться и перестать думать о том, что его речь записывают.

Количественные и качественные методы

Количественные методы предполагают использование анкет и вопросников типа «На каком языке вы говорите дома?» или «На каком языке вы говорите с друзьями?» Ответы суммируются, подсчитываются проценты, и получается таблица (табл. 1) [79] вроде следующей:

Таблица 1

Использование языка молодыми людьми Якутии в различных ситуациях, %

Table 1

Language use by young people in Yakutia in various situations, %

	Якутский язык	Русский язык	Русский и якутский языки
Общественные места	18	28	54
Работа	16	37	47
Учеба	16	39	45
Круг друзей	53	5	42
Семья	85	4	11

Как и любые количественные методы, эти цифры позволяют увидеть, что в какой-то точке общей картины есть нечто интересное, но не дают ответа на вопрос, что именно и, главное, *почему*. В данном случае мы видим, что респонденты в 16% случаев сказали, что говорят на работе по-якутски, и они же в 53% случаев – что говорят по-якутски с друзьями. Это интересно, здесь явно что-то есть – но что? Респонденты не дружат с теми, с кем вместе работают? Работодатели запрещают использовать якутский язык? Друзья не говорят по-русски?

Из этой же таблицы видно, что 18% молодых людей говорит в общественных местах по-якутски, а 28% – по-русски. Почему? Потому что эти 28% не знают якутского? А эти 18% – не знают русского? Или причина в чем-то другом? 54% ответили, что говорят в общественных местах по-русски и/или по-якутски. Что это значит? От чего это зависит? Или они смешивают языки? Или со знакомыми говорят по-якутски, а с незнакомыми – по-русски?

На все эти вопросы помогают ответить *качественные методы*, которые включают прежде всего интервью – по возможности долгие, по два-три часа, во время которых исследователь спокойно и не торопясь выясняет все интересующие его подробности, не столько задавая вопросы, сколько незаметно направляя разговор в нужную сторону. Таких интервью должно быть два-три десятка, то есть нужно быть готовым к тому, что на исследование уйдет много времени.

Научный и нормативный подход

При исследовании двуязычия, языковых контактов, смешения и переключения кодов необходимо четко различать *описание* явления и *отношение* к этому явлению. Это сложно, особенно если речь идет о родном языке: человеку трудно отделить позицию исследователя, задача которого – объективно описать свой объект, от позиции носителя языка, который, естественно, оценивает речь эстетически: красиво или уродливо, правильно или неправильно, хорошо или плохо. Однако прежде чем «бороться за чистоту языка», нужно знать, что реально происходит с устной речью двуязычных людей в городе Якутске. Описать языковую реальность – это и есть задача науки, и только следующий шаг – оценка: хорошо или плохо, поддерживать или бороться против.

Эти два принципиально разных подхода актуальны для всех перечисленных тем, и не только для них – от исследований исчезающих языков КМНС до двуязычия в городе, от языкового ландшафта до диаспор. Научный подход не предполагает оценки, нормативный – предполагает. Изучая языковой ландшафт города, можно «бороться с засильем английского» (или русского) языка – а можно изучать причины именно

такого положения вещей. Исследуя заимствования, можно возмущаться обилием иностранных слов в якутском (или в русском) языке, а можно попытаться понять, что это означает и о чем свидетельствует. Исследуя языковой сдвиг, можно сокрушаться, что молодежь не говорит по-юкагирски или по-чукотски и активно пропагандировать эти языки, а можно описывать реальную ситуацию и пытаться понять, как именно и почему происходит языковой сдвиг.

Во всех трех случаях первый подход – это взгляд активиста (очень нужный и полезный), второй – взгляд исследователя. Их не следует смешивать: это разные виды деятельности.

Заключение

Таким образом, языковая ситуация в городах Республики Саха (Якутия) дает богатый выбор социолингвистических тем исследования и позволяет применить к конкретному материалу разработанные в мировой науке методики. По многим из этих тем в Якутии уже много сделано, однако представляется, что впереди еще немало интересных исследований и публикаций, важных как с практической, так и с теоретической точки зрения.

Сокращения

см. – смотри

греч. – греческий

ок. – около

КМНС – коренные малочисленные народы Севера

Литература

1. Волошинов В.Н. *Марксизм и философия языка*. Ленинград: Прибой. 1929.
2. Данилов Г.К. Черты речевого стиля рабочего. *Литература и марксизм*. 1931;(1):101–107.
3. Данилов Г.К. Язык общественного класса (по данным говора мест. Белик Полтавского округа). *Ученые записки РАНИОН*. 1929;(3):163–194.
4. Карцевский С.И. *Язык, война и революция*. Берлин. 1923.
5. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города. *Русская речь*. Л. 1928;(3):61–75.
6. Ларин Б.А. Об изучении языка города. *Язык и литература*. 1931;(7).
7. Поливанов Е.Д. *О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка*. Москва: Наука. 1968.
8. Поливанов Е.Д. Фонетика интеллигентского языка. *За марксистское языкознание*. 1931:139–151.

9. Поливанов Е.Д. О блатном языке учащихся и о «славянском языке» революции. *За марксистское языкознание*. 1931:161–172.

10. Алпатов В.М. *150 языков и политика: 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства*. Москва: Крафт. 2000.

11. Алпатов В.М. *Волошинов, Бахтин и лингвистика*. Москва: Языки славянской культуры. 2005.

12. Алпатов В.М. *История одного мифа. Марр и марризм*. Москва: УРСС. 2004.

13. Беликов В.И., Крысин Л.П. *Социолингвистика: учебник для вузов*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет. 2001.

14. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. *Социолингвистика и социология языка. Учебное пособие*. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия. 2004.

15. Гулида В.Б., Вахтин Н.Б. Петербургская социолингвистика: пятнадцать лет развития. *Вопросы языкознания*. 2010;(2):106–119.

16. Крючкова Т.Б. Развитие отечественной социолингвистики. *Социолингвистика вчера и сегодня*. 2004:8–50.

17. Надеина Т.М. Социолингвистические исследования 21 века в России: тематика и проблемы. *Актуальные вопросы современных гуманитарных и общественных наук. Сборник статей Международной научно-практической конференции*. Петрозаводск. 2022:92–123.

18. Хилханова Э.В. Российская социолингвистика в XXI веке: новые темы, подходы, методы. *Современная языковая политика в мире: теория и практика*. Москва: ИМЛИ РАН. 2022.

19. Щеглова И.В. Российская социолингвистика сегодня. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2017;(5):138–144.

20. Арутюнова Е.М. Город как фактор: языковая ситуация и восприятие проблематики этнических языков в Республике Саха (Якутия). *Историческая этнология*. 2024;9(3):458–473.

21. Биткеева А.Н., Хохолова И.С., Данилова Р.А. Языковая ситуация в промышленных районах Республики Саха (Якутия) (на материале полевых исследований 2022–2023 гг.). *Социолингвистика*. 2024;(4):41–70.

22. Васильева А.А. Язык саха в сфере государственного и муниципального управления глазами служащих и населения г. Якутска Республики Саха (Якутия). *Вестник СВФУ*. 2025;22(1):61–74.

23. Васильева Р.И. *Языковая ситуация в условиях многоязычного общества в Республике Саха (Якутия) (на материале взаимодействия якутского и русского языков в Приленье)*: Дис. ... канд. филол. наук. Якутск. 2007.

24. Данилов И.А., Иванова Н.И. Языковая дистрибуция городской повседневности саха: социолингвистическое измерение (по данным 2021 г.). *Новые исследования Тувы*. 2023;(4):301–313.

25. Данилова Р.А., Иванова Н.И. Кросскультурный анализ языковых практик и языковых установок русской молодежи и молодежи саха (на материале г. Якутска и Таттинского улуса). *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2024;4(49):187–198. DOI: <https://doi.org/10.25693/SVGV.2024.49.4.015>
26. Донгак Ч.Б. Языковая политика и проблема контактного билингвизма в национальных республиках России (на примерах республик Татарстан, Тыва и Саха (Якутия)). *Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки*. 2020;4(68):63–73.
27. Аргунова Т.В. *Якутско-русское двуязычие: социолингвистический аспект*. Якутск: Якутский научный центр СО РАН. 1992.
28. Роббек В.А., Слепцов П.А. *Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) и социолингвистические проблемы языков малочисленных народов Севера*. Якутск: Изд-во ИПМНС СО РАН. 1999.
29. Argunova T. The Interaction of Languages in the [Sakha] Republic. *Anthropology and Archeology of Eurasia*. 1994;32(4):85–90 (на англ.).
30. Ferguson J.K. The Persistence of Antiquity: Language Ideologies and Perceptions of Language Vitality among Sakha Speakers. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2022:214–227 (на англ.).
31. Ferguson J.K. “Is it bad that we try to speak two languages?”: Language Ideologies and Choices among Urban Sakha Bilingual Families. *Sibirica*. 2015;14(1):1–27 (на англ.).
32. Ferguson J.K. Code-Mixing among Sakha-Russian Bilinguals in Yakutsk: A Spectrum of Features and Shifting Indexical Fields. *Linguistic Anthropology*. 2016;26(2):141–161 (на англ.).
33. Якобсон Р. *Лингвистика и поэтика. Структурализм: «за» и «против»*. Москва: Прогресс. 1975.
34. Pennycook A., Otsuji E. Metrolingualism. *Language in the city*. London: Routledge. 2015 (на англ.).
35. Баранова В.В., Федорова К.С. Многоязычие в городе: языковая политика, дискурсы и практика. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2018;14(3):38–56.
36. Габдрахманова Г.Ф. Языковой ландшафт российского города: социогуманитарные подходы изучения. *Социологические исследования*. 2023;(2):72–82.
37. Голикова Т.А. Методология лингволандшафтных исследований в России: аналитико-тематический обзор. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия*. 2020;(4):149–166.
38. Баранова В.В., Федорова К.С. (Не)видимость и (вне)находимость: трудовые мигранты и языковой ландшафт Санкт-Петербурга. *Urban Studies and Practices*. 2017;2(1):103–121.

39. Баранова В.В., Федорова К.С. Видимо-невидимо: миграция и трансформация языкового ландшафта Санкт-Петербурга. *Laboratorium*. 2020;(1): 48–80.
40. Богатырева П.Д., Бадмацыренова Н.Б. История изучения проблем языкового ландшафта в тюрко-монгольской среде. *Восточный вектор: история, общество, государство*. 2024;(4):98–102.
41. Нагурная С.В. Двоязычие в городском языковом ландшафте (на примере г. Петрозаводска). *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2024;(45):18–31.
42. Былахырова Л.В., Собакина И.В. Взаимовлияния якутского и русского языков на территории города Вилюйска Республики Саха (Якутия). *Алтаистика*. 2022;(2):37–48.
43. Васильева А.А. Лингвистический ландшафт Якутии. *Осенние коммуникативные чтения – 2020. Сборник статей Международной научно-практической конференции*. Москва. 2022:134–140.
44. Васильева А.А., Андросова М.А. Лингвистический ландшафт Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия): анализ двуязычных вывесок образовательных учреждений. *Вестник СВФУ*. 2023;(4):51–63.
45. Заморщикова Л.С., Гадаль С., Саввинова А.Н. и др. Landscape toponymic maps: interdisciplinary approach (case of Sakha Republic, Russia). *Proceedings of 16th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM*. 2016;2(3):311–318 (на англ.).
46. Захарова Н.Е., Захарова А.Е. Исследование культурно-языкового ландшафта Анабарского улуса Республики Саха (Якутия). *Социолингвистика*. 2022;2(10):70–80. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-10-70-80>
47. Иванова Н.И. Дистрибуция языков в лингвистическом ландшафте г. Якутска: социолингвистический аспект. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2017;4(21):71–76.
48. Манчурина Л.Е. Представленность языков в визуальных текстах г. Якутска. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2024;2(47):95–110.
49. Осина А.В. Лексико-семантические группы эргонимов-якутизмов (на материале названий торговых предприятий города Якутска). *XV Международная конференция, посвященная проблемам общественных и гуманитарных наук*. Москва: Центр гуманитарных исследований «Социум». 2013:43–47.
50. Manchurina L., Samsonova M. Representation of Languages in the Linguistic Landscape of the City of Yakutsk, Republic of Sakha. *Sibirica*. 2022;21(3):128–158 (на англ.).
51. Иванова Н.И. *Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в начале XXI в. (этносоциопсихолингвистический аспект)*. Новосибирск: Наука. 2022.

52. Иванова Н.И. Динамика функций якутского и русского языков в сфере семейного общения. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2013;2(7): 94–101.
53. Иванова Н.И. Тенденции и динамика развития двуязычия в Республике Саха (Якутия): этносоциопсихолингвистический аспект. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2020;2(31):67–79.
54. Захарова А.Е., Маклашова Е.Г. Язык как ресурс витальности коренных малочисленных народов Якутии (на материалах социологических исследований). *Социолингвистика*. 2025;1(21):92–117. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-21-92-117>.
55. Кузьмина А.А. Социолингвистический аспект речевой деятельности коренных малочисленных народов Севера (на материалах Республики Саха (Якутия)). *Социолингвистика*. 2023;3(15):80–97. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-15-80-97>.
56. Биткеева А.Н. Языковая адаптация диаспоры: стратегии и перспективы развития. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2018;14(3):57–81.
57. Гаджиев К.С., Соловьев Э.Г. *Диаспоры и разделенные народы на постсоветском пространстве*. Москва. 2006.
58. Дятлов В.И. Диаспора: попытка определиться в понятиях. *Диаспоры*. 1999;(1):8–23.
59. Космарская Н.П. *Постсоветские диаспоры: история, политика, идентичность*. Москва. 2022.
60. Куцаева М.В. Языки диаспоры. *Социолингвистика*. 2024;1(17):115–121. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-17-115-121>
61. Милитарев А.Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции). *Диаспоры*. 1999;(1):24–33.
62. Семенов Ю.И. Этнос, нация, диаспора. *Этнографическое обозрение*. 2000;(2):64–74.
63. Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры. *Этнографическое обозрение*. 2000;(2):43–63.
64. Тишков В.А. *Теория и политика диаспоры*. Москва: Наука. 2021.
65. Pakendorf B. Contact in the prehistory of the Sakha (Yakuts): Linguistic and genetic perspectives. *LOT dissertation series*. Utrecht: LOT. 2007 (на англ.).
66. Головкин Е.В. Переключение кодов или новый код? *Труды факультета этнологии*. 2001;(1):298–316.
67. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. *Новое в лингвистике*. 1972;(6):25–60.
68. Le Page R.B., Tabouret-Keller A. *Acts of identity: Creole-based approaches to language and ethnicity*. Cambridge: Cambridge University Press. 1985 (на англ.).

69. Майерс-Скоттон К. Рамочная модель матричного языка и переключение кодов в речи билингвов. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021;7(453):100–109.

70. Мутылина А.Ю. О разграничении понятий «переключение» и «смешение кодов» (на примере устной речи русско-китайских билингвов в Пекине). *Вестник ИГЛУ*. 2011;1(13):52–60.

71. Осипов Б.Я., Хабаровская А.Н. Языковая ситуация в селе Сасыр Момского района и селе Березовка Среднеколымского района Республики Саха (Якутия). *Социалингвистика*. 2025;1(21):118–143. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-21-118-143>

72. Подойницына И.И. Взаимодействие языков в якутском социуме: опыт фокус-группового интервью. *Respublica Literaria*. 2024;5(3):83–103.

73. Хилханова Э.В. К вопросу о терминах «переключение кодов», «смешение кодов», «вкрапления» и критериях их разграничения. *Мир науки, культуры, образования*. 2018;2(69):668–671.

74. Matras Y. Structural outcomes of language contact. *The Cambridge Handbook of Language Contact*. Cambridge: Cambridge University Press. 2022;(2):593–617 (на англ.)

75. Muysken P. *Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing*. Cambridge: Cambridge University Press. 2000 (на англ.).

76. Фишман Дж. *Кто говорит на каком языке с кем и когда*. Санкт-Петербург: Изд-во ЕУСПб. 2012.

77. Хеллер М. *Как договориться о выборе языка в Монреале*. Санкт-Петербург: Изд-во ЕУСПб. 2015.

78. Биткеева А.Н., Хохолова И.С., Филиппова В.В. Модель языковой комфортности в городском пространстве: новые аспекты и методы исследования. *Новые исследования Тувы*. 2023;(3):151–170.

79. Никифорова С.В., Попова Л.Н. Якутско-русский билингвизм среди студентов г. Якутска. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2021;(6):31–35.

References

1. Voloshinov VN. *Marxism and the philosophy of language*. Leningrad: Priboy. 1929 (in Russian).

2. Danilov GK. Features of the worker's speech style. *Literatura i marksizm*. 1931;(1):101–107 (in Russian).

3. Danilov GK. The language of a social class (based on the dialect of the village of Belik, Poltava district). *Uchenye zapiski RANION*. 1929;(3):163–194 (in Russian).

4. Kartsevsky SI. *Language, war and revolution*. Berlin. 1923 (in Russian).

5. Larin BA. On the linguistic study of the city. *Russkaya rech'*. 1928;(3):61–75 (in Russian).
6. Larin BA. On the study of urban language. *Yazyk i literatura*. 1931;(7) (in Russian).
7. Polivanov ED. *On the phonetic features of socio-group dialects and, in particular, standard Russian*. Moscow: Nauka. 1968 (in Russian).
8. Polivanov ED. The phonetics of intelligentsia speech. *Za marksistskoe yazykoznanie*. 1931:139–151 (in Russian).
9. Polivanov ED. On the thieves' slang of students and the "Slavic language" of the revolution. *Za marksistskoe yazykoznanie*. 1931:161–172 (in Russian).
10. Alpatov VM. *150 languages and politics: 1917–2000. Sociolinguistic problems of the USSR and the post-Soviet space*. Moscow: Kraft. 2000 (in Russian).
11. Alpatov VM. *Voloshinov, Bakhtin and linguistics*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. 2005 (in Russian).
12. Alpatov VM. *The history of one myth. Marr and Marrism*. Moscow: URSS. 2004 (in Russian).
13. Belikov VI, Krysin LP. *Sociolinguistics: a university textbook*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 2001 (in Russian).
14. Vakhtin NB, Golovko EV. *Sociolinguistics and sociology of language*. Saint Petersburg: Gumanitarnaya akademiya. 2004 (in Russian).
15. Gulida VB, Vakhtin NB. *St. Petersburg sociolinguistics: fifteen years of development*. *Voprosy Yazykoznanija*. 2010;(2):106–119 (in Russian).
16. Kryuchkova TB. The development of Russian sociolinguistics. *Sotsiolingvistika vchera i segodnya*. 2004:8–50 (in Russian).
17. Nadeina TM. Sociolinguistic studies in Russia in the 21st century: themes and problems. *Current Issues in the Humanities and Social Sciences. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. 2022:92–123 (in Russian).
18. Khilkhanova EV. Russian sociolinguistics in the 21st century: new topics, approaches, and methods. *Sovremennaya yazykovaya politika v mire: teoriya i praktika*. Moscow: IMLI RAN. 2022 (in Russian).
19. Shcheglova IV. Russian sociolinguistics today. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2017;(5):138–144 (in Russian).
20. Arutyunova EM. The city as a factor: language situation and perception of ethnic language issues in the Republic of Sakha (Yakutia). *Historical Ethnology*. 2024;9(3):458–473 (in Russian).
21. Bitkeeva AN, Khokholova IS, Danilova RA. Language situation in industrial regions of the Republic of Sakha (Yakutia): (on the field research 2022–2023). *Sociolinguistics*. 2024;4(20):41–70. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-20-41-70> (in Russian).

22. Vasilyeva AA. The Sakha language in state and municipal administration through the eyes of civil servants and the population of Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia). *Vestnik of NEFU*. 2025;22(1):61–74 (in Russian).

23. Vasilyeva RI. *The language situation in a multilingual society in the Republic of Sakha (Yakutia) (based on the interaction of the Yakut and Russian languages in the Lena River region)*. Candidate's dissertation (Philology). Yakutsk. 2007 (in Russian).

24. Danilov IA, Ivanova NI. Language distribution in Sakha urban everyday life: a sociolinguistic dimension (based on 2021 data). *The New Research of Tuva*. 2023;(4):301–313 (in Russian).

25. Danilova RA, Ivanova NI. Cross-cultural analysis of language practices and attitudes among Russian and Sakha youth (based on Yakutsk and Tattinsky Ulus). *North-Eastern Journal of Humanities*. 2024;4(49):187–198. DOI: <https://doi.org/10.25693/SVG.2024.49.4.015> (in Russian).

26. Dongak ChB. Language policy and the problem of contact bilingualism in the national republics of Russia (on the example of the republics of Tatarstan, Tuva, and Sakha (Yakutia)). *Vestnik of Tuvan State University. Social sciences and humanities*. 2020;4(68):63–73 (in Russian).

27. Argunova TV. *Yakut-Russian bilingualism: a sociolinguistic aspect*. Yakutsk: Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 1992 (in Russian).

28. Robbek VA, Sleptsov PA. *The language situation in the Republic of Sakha (Yakutia) and sociolinguistic problems of the languages of the indigenous small-numbered peoples of the North*. Yakutsk: Publishing House of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS. 1999 (in Russian).

29. Argunova T. The Interaction of Languages in the [Sakha] Republic. *Anthropology and Archeology of Eurasia*. 1994;32(4):85–90.

30. Ferguson JK. The Persistence of Antiquity: Language Ideologies and Perceptions of Language Vitality among Sakha Speakers. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2022:214–227.

31. Ferguson JK. “Is it bad that we try to speak two languages?”: Language Ideologies and Choices among Urban Sakha Bilingual Families. *Sibirica*. 2015;14(1):1–27.

32. Ferguson JK. Code-Mixing among Sakha–Russian Bilinguals in Yakutsk: A Spectrum of Features and Shifting Indexical Fields. *Linguistic Anthropology*. 2016;26(2):141–161.

33. Jakobson R. *Linguistics and poetics. Strukturalizm: “za” i “protiv”*. Moscow: Progress. 1975 (in Russian).

34. Pennycook A, Otsuji E. *Metrolingualism. Language in the city*. London: Routledge. 2015.

35. Baranova VV, Fedorova KS. Multilingualism in the city: language policy, discourses, and practice. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2018;14(3):38–56 (in Russian).
36. Gabdrakhmanova GF. The linguistic landscape of a Russian city: socio-humanitarian approaches to its study. *Sociological Studies*. 2023;(2):72–82 (in Russian).
37. Golikova TA. Methodology of linguistic landscape studies in Russia: an analytical and thematic review. *Herald of Tver State University. Series: Philosophy*. 2020;(4):149–166 (in Russian).
38. Baranova VV, Fedorova KS. (In)visibility and (un)findability: labor migrants and the linguistic landscape of St. Petersburg. *Urban Studies and Practices*. 2017;2(1):103–121 (in Russian).
39. Baranova VV, Fedorova KS. Visible-invisible: migration and the transformation of St. Petersburg's linguistic landscape. *Laboratorium*. 2020;(1):48–80 (in Russian).
40. Bogatyreva PD, Badmatsyrenova NB. The history of studying linguistic landscape issues in the Turkic-Mongolian environment. *Oriental Vector: History, Society, State*. 2024;(4):98–102 (in Russian).
41. Nagurnaya SV. Bilingualism in the urban linguistic landscape (the case of Petrozavodsk). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2024;(45):18–31 (in Russian).
42. Bylakhyrova LV, Sobakina IV. Mutual influence of the Yakut and Russian languages in the city of Vilyuysk, Republic of Sakha (Yakutia). *Altaistika*. 2022;(2):37–48 (in Russian).
43. Vasilyeva AA. The linguistic landscape of Yakutia. *Autumn Communication Readings – 2020. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Moscow. 2022:134–140 (in Russian).
44. Vasilyeva AA, Androsova MA. The linguistic landscape of the Neryungri district of the Republic of Sakha (Yakutia): analysis of bilingual signs of educational institutions. *Vestnik of NEFU*. 2023;(4):51–63 (in Russian).
45. Zamorshchikova LS, Gadal S, Savvinova AN, et al. Landscape toponymic maps: interdisciplinary approach (case of Sakha Republic, Russia). *Proceedings of 16th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM*. 2016;2(3):311–318.
46. Zakharova NE, Zakharova AE. Study of the cultural and linguistic landscape of the Anabar ulus of the Republic of Sakha (Yakutia). *Sociolinguistics*. 2022;2(10):70–80. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-10-70-80> (in Russian).
47. Ivanova NI. Distribution of languages in the linguistic landscape of Yakutsk: a sociolinguistic aspect. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2017;4(21):71–76 (in Russian).

48. Manchurina LE. Representation of languages in visual texts of Yakutsk. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2024;2(47):95–110 (in Russian).
49. Osina AV. Lexical-semantic groups of Yakut ergonyms (based on the names of commercial enterprises in the city of Yakutsk). *XV International Conference on Problems of Social Sciences and Humanities*. Moscow: Tsentr gumanitarnykh issledovaniy “Sotsium”. 2013:43–47 (in Russian).
50. Manchurina L, Samsonova M. Representation of Languages in the Linguistic Landscape of the City of Yakutsk, Republic of Sakha. *Sibirica*. 2022; 21(3):128–158.
51. Ivanova NI. *The language situation in the Republic of Sakha (Yakutia): the Yakut language at the beginning of the 21st century (ethno-socio-psycho-linguistic aspect)*. Novosibirsk: Nauka. 2022 (in Russian).
52. Ivanova NI. Dynamics of the functions of the Yakut and Russian languages in family communication. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2013;2(7):94–101 (in Russian).
53. Ivanova NI. Trends and dynamics of bilingualism development in the Republic of Sakha (Yakutia): the ethno-socio-psycho-linguistic aspect. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2020;2(31):67–79 (in Russian).
54. Zakharova AE, Maklashova EG. Language as a resource for the vitality of indigenous minorities in Yakutia (based on sociological research). *Sociolingvistika*. 2025;1(21):92–117. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-21-92-117> (in Russian).
55. Kuzmina AA. Sociolinguistic aspect of speech activity of the indigenous peoples of the north: (based on the materials of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Sociolinguistics*. 2023;3(15):80–97. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-15-80-97> (in Russian).
56. Bitkeeva AN. Language adaptation of diaspora: strategies and prospects for development. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2018;14(3):57–81 (in Russian).
57. Gadzhiev KS, Solovyev EG. *Diasporas and divided peoples in the post-Soviet space*. Moscow. 2006 (in Russian).
58. Dyatlov VI. Diaspora: an attempt to define the concept. *Diaspora*. 1999;(1):8–23 (in Russian).
59. Kosmarskaya NP. *Post-Soviet diasporas: history, politics, identity*. Moscow. 2022 (in Russian).
60. Kutsaeva MV. Diaspora languages. *Sociolingvistika*. 2024;1(17):115–121. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-17-115-121> (in Russian).
61. Militarev AYu. On the content of the term “diaspora” (towards the development of a definition). *Diaspora*. 1999;(1):24–33 (in Russian).
62. Semenov YuI. Ethnos, nation, diaspora. *Ethnographic Review*. 2000;(2):64–74 (in Russian).

63. Tishkov VA. The historical phenomenon of diaspora. *Ethnographic Review*. 2000;(2):43–63 (in Russian).
64. Tishkov VA. *Theory and politics of diaspora*. Moscow: Nauka. 2021 (in Russian).
65. Pakendorf B. Contact in the prehistory of the Sakha (Yakuts): Linguistic and genetic perspectives. *LOT dissertation series*. Utrecht: LOT. 2007.
66. Golovko EV. Code-switching or a new code? *Studia Ethnologica: Proceedings of the Faculty of Ethnology*. 2001;(1):298–316 (in Russian).
67. Weinreich U. Monolingualism and multilingualism. *Novoe v lingvistike*. 1972;(6):25–60 (in Russian).
68. Le Page RB, Tabouret-Keller A. *Acts of identity: Creole-based approaches to language and ethnicity*. Cambridge: Cambridge University Press. 1985.
69. Myers-Scotton C. The matrix language frame model and code-switching in bilingual speech. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;7(453):100–109 (in Russian).
70. Mutylina AYu. On the distinction between the concepts of “code-switching” and “code-mixing” (based on the oral speech of Russian-Chinese bilinguals in Beijing). *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2011;1(13):52–60 (in Russian).
71. Osipov BYa, Khabarovskaya AN. The language situation in Sasyr village, Moma district, and Beryozovka village, Srednekolymsk district, Republic of Sakha (Yakutia). *Sociolingvistika*. 2025;1(21):118–143. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-21-118-143> (In Russian).
72. Podoynitsyna II. Interaction of languages in Yakut society: the experience of focus-group interview. *Respublica Literaria*. 2024;5(3):83–103 (in Russian).
73. Khilkhanova EV. On the terms “code-switching”, “code-mixing”, “insertions” and the criteria for their differentiation. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. 2018;2(69):668–671 (in Russian).
74. Matras Y. Structural outcomes of language contact. *The Cambridge Handbook of Language Contact*. Cambridge: Cambridge University Press. 2022;(2):593–617.
75. Muysken P. *Bilingual speech: a typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press. 2000.
76. Fishman J. *Who speaks what language to whom and when*. Saint Petersburg: Published by EUSPb. 2012 (in Russian).
77. Heller M. *How to negotiate language choice in Montreal*. Saint Petersburg: Published by EUSPb. 2015 (in Russian).
78. Bitkeeva AN, Khokholova IS, Filippova VV. The model of linguistic comfort in urban space: new aspects and research methods. *The New Research of Tuva*. 2023;(3):151–170 (in Russian).

79. Nikiforova SV, Popova LN. Yakut-Russian bilingualism among students of the city of Yakutsk. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2021;(6):31–35 (in Russian).

Об авторе

ВАХТИН Николай Борисович – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Факультет антропологии; руководитель, «Центр социальных исследований Севера», Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4011-2141>, WoS ResearcherID: M-2575-2016, Scopus Author ID: 7801575469, Elibrary AuthorID: 168253, SPIN: 1353-8649, e-mail: nvakhtin@gmail.com

About the author

Nikolay B. VAKHTIN – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of Anthropology; Head, Center for Arctic Social Studies, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4011-2141>, WoS ResearcherID: M-2575-2016, Scopus Author ID: 7801575469, Elibrary AuthorID: 168253, SPIN: 1353-8649, e-mail: nvakhtin@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 09.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 19.02.2026

Принята к публикации / Accepted 02.03.2026

УДК 811:56

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-31-47>

Оригинальная научная статья

Закономерности и вариативность использования лексических заимствований в учебных текстах на эскимосском языке в период становления письменности

Т. П. Головацкая

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
 goltaya@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются лексические заимствования из русского языка, зафиксированные в учебных текстах на эскимосском языке в период 1930–1960-х годов. Указанный этап характеризуется становлением эскимосской письменности и формированием литературного языка, что сопровождалось необходимостью обозначения новых понятий, связанных с изменениями в социальной и культурной сферах. Научная проблема исследования заключается в отсутствии системного анализа авторских стратегий использования лексических заимствований в учебных текстах на эскимосском языке в период становления письменности. Цель работы состоит в выявлении и описании особенностей употребления русских заимствований в учебных изданиях на эскимосском языке указанного выше периода, а также в определении факторов, влиявших на выбор разных типов заимствований. Материалом исследования послужили учебные издания на чаплинском диалекте эскимосского языка, включая буквари, книги для чтения и школьные словари, хранящиеся в отделе национальных литератур Российской национальной библиотеки. В работе применялись описательно-аналитический метод, сопоставительный анализ и элементы статистической обработки материала. Рассматриваются структурные типы заимствований: материальные (непосредственно перенесенные из языка-источника) и переводные (созданные средствами эскимосского языка). Особое внимание уделяется сопоставлению подходов двух ведущих специалистов по эскимосскому языку – Е.С. Рубцовой и Г.А. Меновщикова. Выявлены два основных подхода к введению заимствований, анализируется хронологическая динамика употребления заимствований, выделяются основные модели изменений, включая последовательную замену одних типов другими

© Головацкая Т. П., 2026

и вариативное использование разных форм. Полученные данные позволяют уточнить представления о процессах формирования лексической нормы в эскимосском языке. Результаты могут быть использованы при разработке современных учебных пособий по эскимосскому языку и в лексикографической практике. Перспективы исследования связаны с расширением хронологических рамок анализа и сопоставлением полученных данных с материалами по другим языкам региона.

Ключевые слова: палеоазиатские языки, эскимосский язык, лексические заимствования, учебная литература, авторские стратегии, структурные типы заимствований, переводные заимствования, калькирование, динамика лексических процессов, чаплинский диалект

Для цитирования: Головацкая Т.П. Закономерности и вариативность использования лексических заимствований в учебных текстах на эскимосском языке в период становления письменности. *Арктика XXI век*. 2026;14(1):31–47. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-31-47>

Original article

Patterns and variability of the use of lexical borrowings in Eskimo educational texts during the formation of the written language

Taisya P. Golovatskaya

Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint Petersburg, Russia
 goltaya@yandex.ru

Abstract

The article analyzes lexical borrowings from Russian recorded in educational texts in the Eskimo language during the period from the 1930s to the 1960s. This period is characterized by the establishment of Eskimo writing and the formation of a literary language, which necessitated the introduction of new concepts associated with changes in the social and cultural spheres. The scientific problem addressed by the research lies in the absence of a systematic analysis of authorial strategies in the use of lexical borrowings in educational texts in the Eskimo language during the formative period of its written tradition. The aim of the study is to identify and describe the features of Russian borrowings in educational publications in the Eskimo language from the aforementioned period, as well as to determine the factors influencing the choice of different types of borrowings. The material for the study consists of educational publications in the Chaplino dialect of the Eskimo language, including primers, reading books, and school dictionaries held in the Department

of National Literatures of the Russian National Library. The study employs a descriptive-analytical method, comparative analysis, and elements of statistical data processing. The structural types of borrowings are examined: material borrowings (directly transferred from the source language) and translation borrowings (created using the resources of the Eskimo language). Special attention is paid to a comparison of the approaches of two leading scholars of the Eskimo language, E.S. Rubtsova and G.A. Menovshchikov. Two main strategies for introducing borrowings are identified, the chronological dynamics of borrowing usage are analyzed, and key patterns of change are highlighted, including the successive replacement of one type by another and the variable use of different forms. The data obtained refine our understanding of the processes involved in the formation of lexical norms in the Eskimo language. The results can be applied in the development of modern educational materials for the Eskimo language and in lexicographic practice. Future research prospects include extending the chronological scope of the analysis and comparing the findings with data from other languages of the region.

Keywords: Paleo-Asiatic languages, Eskimo language, lexical borrowings, educational literature, author's strategies, structural types of borrowings, translated borrowings, calquing, dynamics of lexical processes, Chaplin dialect

For citation: Golovatskaya T.P. Patterns and variability of the use of lexical borrowings in educational texts in the Eskimo Language during the formation of written language. *Arctic XXI Century*. 2026;14(1):31–47 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-31-47>

Введение

Настоящая работа посвящена изучению языковых контактов и лексического заимствования в младописьменных языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Объектом изучения являются лексические единицы русского происхождения, зафиксированные в учебных текстах на языке азиатских эскимосов (чаплинский диалект), издававшихся в период с 1930-х по 1960-е годы. Предмет исследования – структурные типы заимствований, их функциональные особенности в учебных текстах, а также динамика употребления различных типов заимствований в хронологической перспективе. Хронологические рамки охватывают период становления и развития эскимосской письменности, что позволяет проследить процессы формирования лексической нормы на начальном этапе существования литературного языка.

Проблематика языковых контактов имеет длительную историю изучения в отечественном и зарубежном языкознании. Теоретические основания анализа контактных явлений были заложены в трудах

И.А. Бодуэна де Куртэне [1], рассматривавшего взаимодействие языков как один из факторов языковой эволюции. Г. Шухардт [2], введший понятие «смешение языков», обосновывал тезис об отсутствии языков, свободных от иноязычных влияний. В дальнейшем вопросы языковых контактов разрабатывались У.Вайнрайхом [3], определившим «языковой контакт как попеременное использование двух или более языков одними и теми же лицами», и Э.Хаугеном [4], исследовавшим процессы заимствования в условиях двуязычия. Среди отечественных исследователей значительный вклад в разработку теории заимствования внесли Л.В. Щерба [5], А.И. Смирницкий [6], Л.П. Ефремов [7] и другие.

Вопросы классификации заимствованной лексики и критериев ее освоения в языке-реципиенте рассматривались Л.П. Крысиным [8], выделившим основные признаки интеграции иноязычных слов. Д.С. Лотте [9] разрабатывал принципы упорядочения иноязычной терминологии. О.Б. Шахрай [10] анализировал проблемы классификации заимствований в зависимости от их статуса в заимствующем языке. Типология заимствований по степени ассимиляции представлена в работах В.М. Аристовой [11].

Применительно к эскимосскому языку отдельные аспекты лексических заимствований затрагивались в трудах исследователей, занимавшихся описанием его грамматического строя и лексического состава. Г.А. Меновщиков [12] в своих грамматических описаниях и словарных работах фиксировал наличие заимствованной лексики, однако специального анализа процессов заимствования не проводил. Е.С. Рубцова [13] в предисловиях к составленным ею словарям делала отдельные замечания о характере адаптации русских слов в эскимосском языке. Н.Б. Вахтин [14] в работах, посвященных синтаксису эскимосского языка, рассматривал некоторые вопросы влияния русского языка на грамматический строй. Н.М. Емельянова [15] в статьях по лексикологии затрагивала отдельные аспекты словообразования заимствованных единиц.

В опубликованных исследованиях содержатся преимущественно отдельные наблюдения над характером заимствований, тогда как систематический анализ процессов проникновения и функционирования русской лексики в эскимосском языке проводился в диссертационном исследовании Т.П. Головацкой [16], но до настоящего времени отсутствуют публикации, специально посвященные изучению авторских стратегий использования заимствований в учебных текстах, не рассматривалась хронологическая динамика употребления различных типов заимствований в период становления письменности. Недостаточно изученными остаются вопросы, связанные с вариативностью использова-

ния материальных и переводных заимствований, а также с факторами, определявшими выбор той или иной стратегии номинации.

Результаты исследования могут быть использованы при создании исторического словаря заимствований в эскимосском языке, который зафиксировал бы динамику лексических процессов на разных этапах развития письменности. Выявленные в ходе исследования закономерности могут быть учтены при разработке современных учебно-методических комплексов по эскимосскому языку, особенно в части введения новой лексики и терминологии.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили учебные издания на чаплинском диалекте эскимосского языка, включая буквари, книги для чтения и школьные словари, хранящиеся в отделе национальных литератур Российской национальной библиотеки. В работе применялись описательно-аналитический метод, сопоставительный анализ и элементы статистической обработки материала.

Результаты и обсуждение

Создание письменности для ранее бесписьменных языков народов Севера, развернувшееся в СССР в 1930-е годы, представляло собой масштабный лингвистический проект, не имевший аналогов в мировой практике. Координация этой работы осуществлялась через систему научных и образовательных учреждений, центральное место среди которых занимал Институт народов Севера (ИНС), созданный в Ленинграде в 1930 году. В задачи института входила не только подготовка национальных кадров, но и разработка алфавитов, создание учебной литературы и проведение фундаментальных исследований языков народов Севера.

«Эскимосский язык, наряду с другими языками региона, стал объектом целенаправленного языкового строительства. В 1932 году был утвержден единый северный алфавит на латинской основе», а затем, «в 1937 году, осуществлен переход на кириллическую графику. За основу литературного языка был принят чаплинский диалект, как наиболее распространенный среди азиатских эскимосов [16, с. 13–16]. Этот выбор предопределил диалектную базу всех последующих учебных изданий.

Важной особенностью процесса создания учебной литературы на эскимосском языке являлся его коллективный характер. Работа над букварями, учебниками и словарями осуществлялась совместными усилиями профессиональных лингвистов и носителей языка – студентов ИНС, представителей эскимосской интеллигенции.

К числу ключевых фигур, участвовавших в создании учебной литературы в 1930–1960-е годы, относились: Е.П. Орлова, руководить по

созданию письменности для шести языков малочисленных коренных народов Севера и изданием первых букварей, в том числе на эскимосском языке; этнограф; К.С. Сергеева, автор ряда учебных пособий, переводчик художественной и учебной литературы на эскимосский язык; А.С. Форштейн, исследователь, работавший в эскимосских школах и участвовавший в создании первых букварей; Е.С. Рубцова, специалист в области эскимосского языка, автор словарей и собиратель фольклора; Г.А. Меновщиков, крупнейший исследователь эскимосского языка, автор фундаментальных трудов по грамматике и лексике. Наряду с учеными-лингвистами, в создании учебной литературы принимали активное участие представители эскимосского народа – студенты ИНС: Л.И. Айнану, В.И. Анальквасак, А. Амкауна, А. Ачиргина, Н. Каля, Г.А. Наказика, М.И. Сигунылик и многие другие. Участие носителей языка обеспечивало аутентичность языкового материала и позволяло учитывать внутренние закономерности эскимосского языка при создании лексических инноваций.

В современной лингвистике под заимствованием понимается процесс перемещения различных языковых элементов (лексических, фонетических, грамматических) из одного языка в другой, а также результат этого процесса. Термин «заимствование» может употребляться в широком и узком значениях. В широком смысле он охватывает любые случаи переноса языковых единиц, независимо от степени их адаптации в языке-реципиенте. В узком смысле заимствованиями называют только те иноязычные элементы, которые полностью освоены принимающим языком и функционируют в нем наравне с исконной лексикой.

В работе используется широкое понимание термина «заимствование». На основе структурного критерия выделяются следующие типы:

1. Материальные заимствования (МЗ) – лексические единицы, перенесенные из языка-источника в язык-реципиент вместе с их материальной (звуковой и графической) формой. Среди них: буквальные заимствования – слова, перенесенные без существенных фонетических и графических изменений, например: *летчик, танк, книга, флаг*; трансформированные заимствования – слова, подвергшиеся фонетической и/или морфологической адаптации к системе принимающего языка, например: *морковь* от рус. ‘морковь’, *рабочи* от рус. ‘рабочий’, *пионера* от рус. ‘пионер’.

2. Переводные заимствования (ПЗ) – лексические единицы, созданные из собственного языкового материала для обозначения понятий, заимствованных из другой культуры. В отличие от материальных заимствований, здесь заимствуется не форма слова, а его содержание

(понятие), которое выражается средствами родного языка, например: *ныууау* ‘комната’ (букв. ‘место для жилья’), *игасиу* ‘карандаш’ (букв. ‘то, чем пишут’), *тыуаста* ‘летчик’ (букв. ‘деятельность человека по его постоянной профессии, летающий человек’).

3. Калькирование (К) – особый тип заимствования, при котором иноязычное слово или выражение переводится по частям с последующим сложением переведенных элементов в единое целое, например: *ақнитвик* ‘больница’ (от основы *ақниг* ‘больной’ + суффикс места *-вик*), *ақильпыгазвик* ‘магазин’ (от основы *ақильпык* ‘торговать’ + суффикс места *-вик*).

4. Конструкции слов (КС) – лексические единицы, созданные по словообразовательным моделям родного языка для обозначения новых понятий, но не являющиеся прямыми кальками с русского языка, например: *ауыагпак* ‘корабль, пароход’ (от *ауыау* ‘байдара’ + увеличительный суффикс *-пак*).

5. Смешанные заимствования (СЗ) – лексические единицы, в образовании которых участвуют как заимствованные, так и исконные элементы. Например, заимствованная основа + исконный словообразовательный суффикс: *книгалгутау* ‘шкаф для книг’ (букв. ‘вместилище для книг’).

Выбор того или иного типа заимствования при введении нового понятия в язык-реципиент обусловлен комплексом факторов, среди которых можно выделить: лингвистические факторы – наличие или отсутствие в языке словообразовательных средств, позволяющих создать эквивалент иноязычному понятию; степень семантической прозрачности создаваемой единицы; социолингвистические факторы – языковая политика в отношении заимствований на определенном историческом этапе; прагматические факторы – коммуникативная целесообразность использования того или иного типа заимствования в зависимости от жанра текста и предполагаемой аудитории; авторский фактор – индивидуальные предпочтения автора или переводчика, его представления о лексическом заимствовании.

В настоящем исследовании основное внимание уделяется последнему фактору – анализу авторских стратегий использования заимствованной лексики в учебных текстах на эскимосском языке.

В ходе анализа учебных текстов были выявлены существенные различия в подходах двух ведущих специалистов – Е.С. Рубцовой и Г.А. Меновщикова.

Анализ учебных текстов, подготовленных Е.С. Рубцовой, позволяет выделить ряд характерных особенностей ее подхода к введению

заимствованной лексики. Е.С. Рубцова в своей переводческой и составительской практике отдавала предпочтение материальным заимствованиям как наиболее простому и прямому способу введения новых понятий. В ее текстах широко представлены как буквальные: *летчик*, *книга*, *флаг*, так и трансформированные заимствования: *работчи*, *шара*, *пионера*.

Как видно из приведенных примеров, трансформация заимствований в текстах Е.С. Рубцовой заключалась преимущественно в фонетической адаптации (замена нехарактерных для эскимосского языка звуков) и в присоединении падежных окончаний, свойственных эскимосскому языку.

Наряду с этим, она активно использовала и переводные заимствования: *ныууау* ‘комната’, *схагияхтухута* ‘разведчик’. Характерной особенностью подхода Е.С. Рубцовой являлось широкое использование вариативности: многие понятия обозначались в ее текстах параллельно материальными и переводными заимствованиями. Это создавало ситуацию лексической дублетности, при которой для обозначения одного и того же понятия использовались разные лексические средства. Примеры вариативного использования материальных и переводных заимствований в текстах Е.С. Рубцовой: *теплица* – *теплица* (МЗ) – *мақаусяқау* (ПЗ), *фонарь* – *фонаря* (МЗ) – *кынықытау* (ПЗ); *фотоаппарат* – *фотоаппарата* (МЗ) – *игақысиу* (ПЗ).

Такая вариативность может рассматриваться как проявление поиска оптимальных способов номинации в условиях становления лексической нормы. Использование параллельных форм позволяло, с одной стороны, обеспечивать понимание текста (через МЗ, легко опознаваемые читателями, знакомыми с русским языком), а с другой стороны – развивать собственные словообразовательные ресурсы эскимосского языка (через ПЗ).

Отличительной чертой является широкая вариативность: многие понятия обозначались параллельно материальными и переводными средствами, создавая лексическую дублетность, например: *летчик* и *тыңаста*, *работчий* и *кыпхухута*. Это можно рассматривать как поиск оптимальных способов номинации: МЗ обеспечивали понимание через русский язык, а ПЗ – развивали собственные ресурсы эскимосского: *линғақыльғыу* ‘учеба’ (букв. от *линғақык* ‘учиться’), *апыхтугиста* ‘учитель’ (букв. от *апыхтуг* ‘учить, объяснять’).

Подход Г.А. Меновщикова отличается большей последовательностью и ориентацией на внутренние ресурсы языка. Основным способом введения новых понятий являются переводные заимствования и кальки: *игаисиу* ‘карандаш’, *ақумутау* ‘стул’, *матыкахутау* ‘современный’.

В текстах Г.А. Меновщикова прослеживается четкая хронологическая динамика: в более ранних изданиях (1940-е годы) материальные заимствования встречаются чаще, тогда как в более поздних (1950–1960-е годы) они последовательно заменяются переводными заимствованиями и кальками. Это позволяет говорить об эволюции авторской позиции в сторону большего пуризма и ориентации на использование собственных языковых ресурсов. Примеры такой динамики: страна – *страна* (МЗ) – *нуна* ‘страна, земля’ (ПЗ); комната – *комната* (МЗ) – *ныууақ* ‘комната’ (ПЗ); школа – *школа* (МЗ) – *игагзвик* ‘школа’ (ПЗ).

В поздних изданиях Меновщикова Г.А. наблюдается значительное расширение круга лексических инноваций, созданных на базе собственных языковых ресурсов. Активизация процессов лексического заимствования приводит к появлению новых номинаций, созданных путем переводных заимствований и калькирования языковых моделей. Так, в чаплинском диалекте возникают лексемы: *агмигусиқ* (К) ‘умывальник’ (букв. ‘то, чем умываются’); *ақнигвик* (К) ‘больница’ (букв. ‘место для больных’); *игагьяқаюк* (ПЗ) ‘учащийся’ (букв. ‘тот, кто учится’); *игагьяхуқақ* (ПЗ) ‘бумага’ (букв. ‘то, на чем пишут’); *матыкахтақ* (ПЗ) ‘современный’ (букв. ‘сегодняшний’); *ақлытаңлыгзвик* (ПЗ) ‘холодильник’ (букв. ‘место, где делают холод’).

Еще одной характерной чертой подхода Г.А. Меновщикова являлось использование семантической деривации – расширения значения исконных слов для обозначения новых понятий. Этот механизм позволял осваивать новые реалии без создания новых лексических единиц, путем переноса названия с одного предмета на другой на основании сходства функций или внешнего вида: «исконное слово *аткуақ*, исходное значение ‘нижнее белье’, новое значение ‘рубашка, платье’; исконное слово *льжиқ*, исходное значение ‘kozyрек’, новое значение ‘кепка’; исконное слово *акмагутақ*, исходное значение ‘мешок из моржовой шкуры’, новое значение ‘бочка’ [16, с. 87–88].

Как видно из примеров, расширение значения происходило по модели метафорического или метонимического переноса: мешок из шкуры и бочка – по функции емкости для хранения; нижнее белье и рубашка – по функции одежды и т.д.

Как показывает анализ, подходы Е.С. Рубцовой и Г.А. Меновщикова к употреблению заимствований характеризуются как сходными чертами, так и специфическими особенностями.

К числу основных расхождений в подходах исследователей относится следующее: 1) Е.С. Рубцова в своей практике отдавала предпочтение материальным заимствованиям, тогда как Г.А. Меновщиков

ориентировался главным образом на переводные заимствования и калькирование. 2) В текстах Г.А. Меновщикова наблюдается более активное использование словообразовательных ресурсов эскимосского языка для создания новых лексических единиц, тогда как Е.С. Рубцова чаще прибегала к прямому заимствованию русских слов; 3) Расширение значения исконных слов как способ освоения новых понятий характерно прежде всего для Г.А. Меновщикова; в текстах Е.С. Рубцовой этот механизм представлен слабее; 4) В текстах Г.А. Меновщикова прослеживается четкая хронологическая динамика в сторону замещения материальных заимствований переводными; у Е.С. Рубцовой такая динамика выражена менее отчетливо.

Основные сходства: 1) Оба автора активно применяли в своих работах смешанные заимствования, сочетающие заимствованные основы с исконными словообразовательными аффиксами; 2) Для обоих авторов характерно вариативное использование разных структурных типов заимствований для обозначения одних и тех же понятий, хотя у Е.С. Рубцовой эта вариативность выражена сильнее; 3) Оба автора работали в тесном сотрудничестве с носителями языка, что обеспечивало учет внутренних закономерностей эскимосского языка при создании лексических инноваций.

Выявленные различия в авторских подходах могут быть объяснены как индивидуальными предпочтениями исследователей, так и изменениями в языковой политике, происходившими на протяжении рассматриваемого периода. Возможно, позиция Г.А. Меновщикова отражает более поздний этап языкового строительства, характеризующийся большей ориентацией на развитие собственных ресурсов младописьменных языков.

Проведенное исследование позволяет обсудить ряд вопросов, имеющих значение для понимания процессов лексического заимствования в условиях становления письменности на младописьменном языке.

Анализ динамики использования заимствований выявляет отсутствие жесткой лексической нормы на протяжении всего рассматриваемого периода. Вариативное употребление разных типов заимствований для обозначения одних и тех же понятий свидетельствует о том, что процесс нормализации лексики не был завершен даже к концу 1950-х годов.

Это ставит вопрос о природе лексической нормы в условиях младописьменного языка. По-видимому, в такой ситуации норма не может быть установлена директивно; она формируется постепенно, в процессе реального функционирования языка в письменной сфере, и на первых этапах допускает значительную вариативность. Роль авторов учебных текстов в этом процессе заключается не столько в директивном

установлении нормы, сколько в предложении образцов, которые затем могут закрепляться или отбрасываться в реальной языковой практике.

Важным фактором, влиявшим на процессы лексического заимствования, являлось широкое распространение русско-эскимосского двуязычия в рассматриваемый период. Интенсивные контакты с русским языком, усиление позиций русского языка в образовании и административной сфере создавали благоприятные условия для проникновения материальных заимствований [17, с. 149–152].

Вместе с тем, как показывает анализ, наличие двуязычия не препятствовало развитию собственных словообразовательных ресурсов эскимосского языка. Переводные заимствования и кальки, создававшиеся в учебных текстах, были ориентированы на эскимосских детей, для которых родной язык оставался основным средством общения. Сочетание материальных и переводных заимствований в текстах одного периода отражает, по-видимому, компромисс между задачей обеспечения понимания (через материальные заимствования, знакомые по русскому языку) и задачей развития собственных ресурсов эскимосского языка. На основе проведенного анализа можно выделить несколько факторов, влиявших на выбор той или иной стратегии лексического заимствования в учебных текстах на эскимосском языке:

1. В разные периоды предпочтение отдавалось разным типам заимствований. Ранний период (1930-е годы) характеризовался более активным использованием материальных заимствований; в поздний период (1950–1960-е годы) возобладала тенденция к использованию переводных заимствований и калек.

2. Индивидуальные предпочтения авторов играли существенную роль в выборе того или иного типа заимствования, особенно в ситуациях, когда отсутствовала жесткая лексическая норма.

3. Для разных тематических групп лексики могли применяться разные стратегии заимствования. Лексика, связанная с новыми социальными и политическими реалиями, чаще передавалась материальными заимствованиями; лексика бытового характера – переводными заимствованиями и кальками.

4. Учебные тексты, ориентированные на детей младшего школьного возраста, требовали большей семантической прозрачности, что могло стимулировать использование переводных заимствований и калек по сравнению с текстами для взрослых.

5. Изменения в официальной языковой политике (переход на кириллицу в 1937 году, усиление внимания к развитию национальных языков в послевоенный период) оказывали влияние на выбор стратегий заимствования.

Исследования в области лексикологии, включая анализ процессов заимствования в языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, активно разрабатываются преподавателями института народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена, о чем свидетельствуют их регулярные публикации в академических изданиях и специализированных сборниках [18, с. 133–142; 19; 20; 21, с. 46–66; 22, с. 88–106].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1. Создание учебных пособий на эскимосском языке в 1930–1960-е годы осуществлялось коллективными усилиями профессиональных лингвистов (Е.С. Рубцова, Г.А. Меновщиков, К.С. Сергеева, А.С. Форштейн) и носителей языка – представителей эскимосской интеллигенции, что обеспечивало аутентичность языкового материала и учет внутренних закономерностей эскимосского языка.

2. В подходах ведущих специалистов-эскимосоведов к использованию заимствованной лексики выявляются существенные различия. Е.С. Рубцова отдавала предпочтение материальным заимствованиям и широко использовала вариативность разных типов заимствований. Г.А. Меновщиков ориентировался преимущественно на переводные заимствования и кальки, активно использовал механизмы семантической деривации, а в его текстах прослеживается четкая хронологическая динамика в сторону замещения материальных заимствований переводными.

3. Наряду с различиями, обнаруживаются и сходства: оба автора активно применяли смешанные заимствования и допускали вариативное употребление разных структурных типов заимствований для обозначения одних и тех же понятий.

4. Диахронический анализ функционирования иноязычных элементов в учебных текстах 1930–1960-х гг. выявил несколько векторов лексической эволюции. Зафиксированные траектории изменений демонстрируют переходы между морфемным заимствованием (МЗ), переводным заимствованием (ПЗ), калькированием (К) и контекстными семантическими сдвигами (КС): «МЗ → ПЗ; МЗ ↔ ПЗ (вариативное употребление); МЗ → ПЗ → МЗ; МЗ ↔ ПЗ (с хронологическими циклами) // МЗ ↔ К (с хронологическими циклами); ПЗ → МЗ → ПЗ // КС → МЗ → КС; К → МЗ → ПЗ // К» [16, с. 92].

5. Анализ языкового материала исследуемого периода показывает, что, при наличии нескольких моделей интеграции, доминирующим способом репрезентации русской лексики в эскимосских учебных текстах является переводное заимствование (включая калькирование). Это

указывает на приоритетное использование внутренних ресурсов эскимосского языка для номинации новых понятий.

6. Вариативность употребления разных типов заимствований на протяжении всего рассматриваемого периода свидетельствует об отсутствии жесткой лексической нормы и о продолжающемся процессе поиска оптимальных способов номинации.

7. Выявленные различия в авторских подходах позволяют говорить о существенной роли индивидуального фактора в процессах языкового планирования, особенно на ранних этапах становления письменности, когда отсутствуют устоявшиеся лексические нормы.

Проведенное исследование открывает ряд перспективных направлений для дальнейшего изучения лексических заимствований в эскимосском языке. Представляется перспективным продолжить анализ заимствованной лексики в учебных текстах последующих периодов (1970–1990-е годы, 2000–2020-е годы) для выявления дальнейшей динамики лексических процессов и определения того, какие из выявленных моделей развития оказались устойчивыми, а какие – временными. Целесообразно провести сопоставительный анализ использования заимствованной лексики в учебных текстах с другими жанрами письменной речи (фольклорные тексты, художественная литература, публицистика) для выявления жанрово-стилистической дифференциации в использовании разных типов заимствований.

Результаты исследования могут быть использованы при создании исторического словаря заимствований в эскимосском языке, который зафиксировал бы динамику лексических процессов на разных этапах развития письменности. Выявленные в ходе исследования закономерности могут быть учтены при разработке современных учебно-методических комплексов по эскимосскому языку, особенно в части введения новой лексики и терминологии.

Сокращения

ИНС – институт народов Севера

К – калькирование

КС – конструкции слов

МЗ – материальные заимствования

ПЗ – переводные заимствования

СЗ – смешанные заимствования

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

букв. – буквально

рус. – русский

Литература

1. Бодуэн де Куртэне И.А. *О смешанном характере всех языков*. Москва: Изд-во АН СССР. 1963
2. Шухардт Г. *Избранные статьи по языкознанию*. Москва: Изд-во иностр. лит.-ры. 1950.
3. Вайнрайх У. *Языковые контакты: состояние и проблемы исследования*. Киев: Изд. КГУ. 1979.
4. Хауген Э. Языковой контакт. *Новое в лингвистике*. 1972;(6):61–80.
5. Щерба Л.В. *Понятие о смешении языков*. Ленинград: Изд. Ленинградского университета. 1958
6. Смирницкий А.И. *Лексикология английского языка*. Москва: Изд. лит. на иностр. яз. 1956.
7. Ефремов Л.П. *Основы лексического калькирования*. Алма-Ата: Издательство Казахского государственного университета (КазГУ). 1974.
8. Крысин Л.П. К определению терминов «заимствование» и «заимствованное слово». *Развитие лексики русского литературного языка*. 1965:104–116.
9. Лотте Д.С. *Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов*. Москва: Наука. 1982.
10. Шахрай О.Б. К проблеме классификации заимствованной лексики. *Вопросы языкознания*. 1961;(2):53–58.
11. Аристова В.М. *Англо-русские языковые контакты (англизмы в рус. яз.)*. Ленинград: Изд-во Ленинградского Университета. 1978.
12. Меновщиков Г.А. *Грамматика языка азиатских эскимосов (в 2 ч.)*. Москва, Ленинград: Наука. 1967.
13. Рубцова Е.С. *Эскимосско-русский словарь*. Москва: Советская энциклопедия. 1971.
14. Вахтин Н.Б. *Синтаксис языка азиатских эскимосов*. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского Дома. 1995.
15. Вахтин Н.Б., Емельянова Н.М. *Практикум по лексике эскимосского языка*. Ленинград: Просвещение. Ленингр. отд-ние. 1988.
16. Головацкая Т.П. *Функционирование иноязычных лексических заимствований в эскимосском языке (чаплинский диалект) (на материале текстов 1930–1960-х гг.)*: Дисс. ... канд. филологических наук. Санкт-Петербург. 2008.
17. Головацкая Т.П. К вопросу об истории языковых контактов азиатских эскимосов. Реальность этноса. *Родной язык, фольклор, культура и литература коренных народов России в системе образования: проблемы и перспективы сохранения и развития*. Санкт-Петербург. 2019:149–152.
18. Богдановская Н.В. Русские, якутские и долганские паремии в этноязыковой картине мира. *Реальность этноса. Родной язык, фольклор, культура*

и литература коренных народов России в системе образования: проблемы и перспективы сохранения и развития. Санкт-Петербург. 2019:133–142.

19. Болотаева О.Л. *Язык и лексика традиционной культуры коряков (на примере заимствованной лексики в корякском языке)*. Санкт-Петербург: Издательство Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2024.

20. Валенкова В.В. *Лексикология и лексикография ненецкого языка*. Санкт-Петербург: Издательство Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2025.

21. Мызников С.А. Системное изучение лексики языков народов Севера в контексте этноязыковых контактов. *Севернорусские говоры*. 2023;(22):46–66.

22. Назмутдинова Т.С. Исконные и заимствованные лексические страты в долганском языке. *Севернорусские говоры*. 2018;(17):88–106.

References

1. Baudouin de Courtenay IA. *On the mixed nature of all languages*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1963 (in Russian).

2. Schuchardt H. *Selected articles on linguistics*. Moscow: Foreign Literature Publishing House. 1950 (in Russian).

3. Weinreich U. *Language contacts: state and problems of research*. Kiev: Publishing House of Kiev State University. 1979 (in Russian).

4. Haugen E. Language contact. *Novoe v lingvistike*. 1972;(6):61–80 (in Russian).

5. Shcherba LV. *The concept of language mixing*. Leningrad: Publishing House of Leningrad University. 1958 (in Russian).

6. Smirnitsky AI. *Lexicology of the English language*. Moscow: Foreign Literature Publishing House. 1956 (in Russian).

7. Efremov LP. *Foundations of lexical calquing*. Alma-Ata: Publishing House of the Kazakh State University (KazSU). 1974 (in Russian).

8. Krysin LP. On the definition of the terms “borrowing” and “borrowed word”. *Development of the vocabulary of the Russian literary language*. 1965:104–116 (in Russian).

9. Lotte DS. *Issues of borrowing and ordering foreign terms and term elements*. Moscow: Nauka. 1982 (in Russian).

10. Shakhrai OB. On the problem of classification of borrowed vocabulary. *Voprosy Jazykoznanija*. 1961;(2):53–58 (in Russian).

11. Aristova VM. *English-Russian language contacts (Anglicisms in Russian)*. Leningrad: Publishing House of Leningrad University. 1978 (in Russian).

12. Menovshchikov GA. *Grammar of the Asian Eskimo language: in 2 parts*. Moscow, Leningrad: Nauka. 1967 (in Russian).

13. Rubtsova ES. *Eskimo-Russian dictionary*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. 1971 (in Russian).
14. Vakhtin NB. *Syntax of the Asian Eskimo language*. Saint Petersburg: Published by EUSPb. 1995 (in Russian).
15. Vakhtin NB, Emelyanova NM. *Practical course in Eskimo vocabulary*. Leningrad: Prosveshchenie. 1988 (in Russian).
16. Golovatskaya TP. *Functioning of foreign lexical borrowings in the Eskimo language (Chaplin dialect) (based on texts of the 1930s–1960s)*. Candidate's dissertation (Philology). Saint Petersburg. 2008 (in Russian).
17. Golovatskaya TP. On the history of language contacts of the Asian Eskimos. *Proceedings of the conference "Reality of the Ethnic Group. Native Language, Folklore, Culture and Literature of Indigenous Peoples of Russia in the Education System: Problems and Prospects of Preservation and Development"*. Saint Petersburg. 2019:149–152 (in Russian).
18. Bogdanovskaya NV. Russian, Yakut and Dolgan paremias in the ethnolinguistic worldview. *Proceedings of the conference "Reality of the Ethnic Group. Native Language, Folklore, Culture and Literature of Indigenous Peoples of Russia in the Education System: Problems and Prospects of Preservation and Development"*. Saint Petersburg. 2019:133–142 (in Russian).
19. Bolotaeva OL. *Language and vocabulary of traditional Koryak culture (based on borrowed vocabulary in the Koryak language)*. Saint Petersburg: Publishing House of the Herzen State Pedagogical University of Russia. 2024 (in Russian).
20. Valenkova VV. *Lexicology and lexicography of the Nenets language*. Saint Petersburg: Publishing House of the Herzen State Pedagogical University of Russia. 2025 (in Russian).
21. Myznikov SA. Systematic study of the vocabulary of the languages of the peoples of the North in the context of ethnolinguistic contacts. *Severnorusskie Govory*. 2023;(22):46–66 (in Russian).
22. Nazmutdinova TS. Native and borrowed lexical strata in the Dolgan language. *Severnorusskie Govory*. 2018;(17):88–106 (in Russian).

Об авторе

ГОЛОВАЦКАЯ Таисья Павловна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра палеоазиатских языков, фольклора и литературы, Институт народов Севера, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8183-1671>, Elibrary AuthorID: 626205, SPIN: 5824-3397, e-mail: goltaya@yandex.ru

About the author

Taisya P. GOLOVATSKAYA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Paleo-Asian Languages, Folklore, and Literature, Institute of Peoples of the North, Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8183-1671>, Elibrary AuthorID: 626205, SPIN: 5824-3397, e-mail: goltaya@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 14.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 28.02.2026

Принята к публикации / Accepted 10.03.2026

УДК 811

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-48-62>*Оригинальная научная статья*

Пословицы кильдинского саамского языка как отражение менталитета народа

О. Н. Иванищева¹ , М. Лян² ¹Мурманский арктический университет, Мурманск, Россия²Чанчуньский политехнический университет, Чанчунь, КНР oivanishcheva@gmail.com

Аннотация

Изучение смыслов, заложенных в пословицах кильдинского саамского языка, актуально для сохранения бесценного культурного наследия, обеспечения прав и благополучия коренного народа и обогащения человечества альтернативными моделями мышления и взаимодействия с миром. Цель статьи – лингвокультурологический анализ пословиц кильдинского саамского языка (на материале тематической группы «Приготовление и потребление пищи»). Материалом исследования явились 200 саамских пословиц, отобранных методом сплошной выборки из саамско-русского словаря и методом анкетирования носителя саамского языка. Кроме того, материалом исследования послужили результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди носителей русского языка, и материалы ответов нейросети DeepSeek. В работе сопоставляются пословицы саамского, русского и китайского языков. Методами исследования явились пропозиционный и сопоставительный анализ, интен-анализ. Представленная методика лингвокультурологического анализа саамских пословиц, заключающаяся в сопоставлении трех аспектов смысловой структуры – значение пословицы (пропозициональное и прагматическое) и установка культуры – показала, что пословицы саамского языка тематической группы «Приготовление и потребление пищи» реализуют универсальные правила саамской жизни, обусловленные необходимостью выживания в тяжелых климатических условиях: забота о природе и семье, чувство коллективизма, потребность совершенствоваться и иметь свободу выбора. Сопоставление саамских пословиц с их аналогами в русском и китайском языках позволило определить общие установки культуры: не совершай плохие (необдуманные, безнравственные, глупые) действия; не теряй способности здраво судить, выбирать и действовать

© Иванищева О. Н., Лян М., 2026

рационально; нужно трудиться, чтобы быть сытым и одетым; общая трапеза важна; стремись к лучшей доле. Значимость работы заключается в том, что сопоставительное изучение паремий саамского, русского и китайского языков важно прежде всего для сохранения языкового наследия и для теории познания, так как показывает способы, с помощью которых человечество облакает в словесную форму опыт выживания и социального взаимодействия.

Ключевые слова: кильдинский саамский язык, русский язык, китайский язык, пословицы, лингвокультурологический потенциал, тематические группы, позиционное значение, прагматическое значение, установки культуры, правила саамской жизни

Для цитирования: Иванищева О.Н., Лян М. Пословицы кильдинского саамского языка как отражение менталитета народа. *Арктика XXI век*. 2026;14(1):48–62. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-48-62>

Original article

Proverbs of the Kildin Saami language as a reflection of the people's mentality

Olga N. Ivanishcheva¹ , Mengjie Liang²

¹Murmansk Arctic University, Murmansk, Russia

²Changchun University of Technology, Changchun, China

 oivanishcheva@gmail.com

Abstract

Studying the meanings embedded in proverbs of the Kildin Saami language is crucial for preserving this invaluable cultural heritage, ensuring the rights and well-being of the indigenous people, and enriching humanity with alternative models of thinking and interacting with the world. The aim of this article is a linguacultural analysis of proverbs in the Kildin Saami language (based on the thematic group «Food Preparation and Consumption»). The study's data consisted of 200 Saami proverbs, selected using a continuous sample from a Saami-Russian dictionary and a questionnaire survey of native Saami speakers. In addition, the study included the results of an associative experiment conducted among native Russian speakers and responses from the DeepSeek network. The study compares proverbs from the Saami, Russian, and Chinese languages. The research methods used were propositional and comparative analysis, as well as intent analysis. The presented method of linguacultural analysis of Saami proverbs, which consists of comparing three aspects of the semantic structure – the meaning of the proverb (propositional and pragmatic) and the cultural attitude – showed that Saami proverbs of the thematic group «Food Preparation and Consumption» embody universal rules of Saami life, conditioned by

the need to survive in harsh climatic conditions: care for nature and family, a sense of collectivism, the need for self-improvement and freedom of choice. A comparison of Saami proverbs with their Russian and Chinese counterparts allowed us to identify common cultural attitudes: do not commit bad (thoughtless, immoral, stupid) actions; do not lose the ability to judge soundly, choose and act rationally; one must work to be well-fed and clothed; a common meal is important; strive for a better life. The significance of this work lies in the fact that a comparative study of the proverbs of the Saami, Russian, and Chinese languages is important, first and foremost, for the preservation of linguistic heritage and for the theory of knowledge, as it shows the ways in which humanity expresses the experience of survival and social interaction in verbal form.

Keywords: Kildin Saami language, Russian language, Chinese language, proverbs, linguocultural potential, thematic groups, propositional meaning, pragmatic meaning, cultural attitudes, Saami life principles

For citation: Ivanishcheva O.N., Liang M. Proverbs of the Kildin Saami language as a reflection of the people's mentality. *Arctic XXI Century*. 2026;14(1):48–62 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-1>

Введение

В статье рассматривается вопрос о глубинных смыслах саамского менталитета, корни которого находятся в культуре саамского народа и закреплены в устойчивых выражениях.

Актуальность. Саамы России (кольские саамы) – коренной народ, проживающий на территории Кольского полуострова. Самобытность и обособленность саамской культуры – результат уникального сочетания географических условий, архаичного социального устройства, глубоких духовных связей с природой и исторического давления со стороны соседних государств. Саамские языки относятся к финно-угорской группе уральской семьи языков. В языке российских саамов (кольско-саамских языков), помимо кильдинского диалекта (языка), выделяются йоканьгский, бабинский и нотозерский диалекты (языки).

Саамский язык – не просто средство общения, а хранилище уникального менталитета, сформированного Арктикой. Его изучение актуально для сохранения бесценного культурного наследия, обеспечения прав и благополучия коренного народа и обогащения человечества альтернативными моделями мышления и взаимодействия с миром.

Цель статьи – лингвокультурологический анализ пословиц кильдинского саамского языка (на материале тематической группы «Приготовление и потребление пищи»).

Обзор литературы. Исследование паремиологического фонда языка долгие годы было представлено структурно-семантическим, историко-этимологическими, лингвокультурологическим и сопоставительным подходами [1]. В XXI веке на первый план выходит прагматический подход. Малоизученным является влияние жизненной ситуации на понимание смысла пословицы носителями языка. Внимание многих ученых привлекает план содержания пословицы [2]. Кроме того, совершенствуется методика лингвокультурологического анализа [3], расширяется изучение сфер функционирования лингвокультурем в паремиологических единицах разного типа [4].

Последние исследования паремий в языках народов России проводятся с точки зрения структуры, семантики, прагматики, а также в сопоставительном аспекте [5; 6; 7; 8]. Что касается кильдинского саамского языка, то в науке всесторонне проанализированы только его грамматические особенности [9]. Паремиологический фонд кильдинского саамского языка явился предметом исследования относительно недавно [10; 11].

Исходные положения исследования. Для лингвокультурологического анализа саамских пословиц, обладающих мощным культурным потенциалом, была разработана методика, позволяющая обнаружить элементы «сложной и стройной логической системы, основанной на выработанных веками и даже тысячелетиями правилах и приемах обыденного мышления» [12, с. 4].

Методика выявления лингвокультурологического потенциала в настоящей работе предполагает рассмотрение смысловой структуры саамских пословиц с учетом трех факторов: значение пословицы (пропозициональное и прагматическое) и так называемая установка культуры.

Под пропозициональным значением пословицы (в работе – *значение пословицы*), по форме подобной предложению, а по семантике фразеологизму, в данной работе понимается тот компонент, который, по И.М. Кобозевой, отражает «внеязыковую ситуацию, описываемую предложением», его «объективное содержание»¹, то, что А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский называют актуальным значением фразеологизма. Это та часть семантики фразеологизма, которая реализуется «в некотором типе контекстов» и необходима «для правильного понимания этих контекстов» [13, с. 21].

Прагматическое значение пословицы реализуется в иллокутивном акте, то есть в действии, совершаемом в определенных условиях и

¹ Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебное пособие. Москва: Эдиториал УРСС, 2000:217–218.

с определенной целью. Исследуемый материал позволяет выделить среди саамских пословиц репрезентативы и директивы, подразумевающие определенные ценностные предписания. Мы называем такой компонент смысловой структуры саамских пословиц *правилами саамской жизни*, которые определяют ценностно-нравственную позицию по отношению к типу поведения.

Установки культуры понимаются в исследовании, по В.Н. Телия, как «ментальные образцы, играющие роль прескрипций для жизненных практик, являющиеся продуктом взаимодействия двух и более индивидов» [14, с. 18].

Материалы и методы

Материалом исследования явились около 200 саамских пословиц, отобранных методом сплошной выборки из саамско-русского словаря [15] и методом анкетирования носителя саамского языка (информант ААМ). Кроме того, материалом исследования послужили результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди носителей русского языка (общее количество ответов – 7516), и материалы ответов нейросети DeepSeek².

В работе сопоставляются пословицы саамского, русского и китайского языков. Такое сопоставление оправдано тем, что выявление уникальных черт саамского менталитета (например, особого отношения к оленю, снегу или предкам) на фоне русской и китайской традиции позволяет увидеть его подлинную самобытность и ценность. Сравнительное изучение паремиологического фонда, в частности пословиц саамского, русского и китайского языков, является крайне актуальным с научной точки зрения. Оно позволяет не просто составить список эквивалентов, а раскрыть «коды культуры» и понять, как суровые условия Севера и совершенно разные исторические пути формируют базовые ценности человеческих обществ. Кроме того, по мнению Е.И. Зиновьевой и Цао Цзяси, «в целом лингвистический статус русских и китайских пословиц совпадает, что позволяет рассматривать русские пословицы на фоне китайских» [3].

Методами исследования явились пропозиционный и сопоставительный анализ, интент-анализ.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что сопоставительное изучение паремий саамского, русского и китайского языков важно для образовательных и культурных программ, так как помогает

² Нейросеть DeepSeek. Режим доступа: <https://chat.deepseek.com/> (дата обращения: 10.12.2025).

строить диалог между культурами на основе взаимопонимания их глубинных основ; для сохранения языкового наследия, так как повышает значимость саамских пословиц как части уникального мировоззрения, требующего фиксации и изучения, и для теории познания, так как показывает, как человечество по-разному, но в чем-то схоже, облакает в словесную форму опыт выживания и социального взаимодействия.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования для создания словарей и преподавания саамского языка.

Результаты и обсуждение

Тематический анализ пословиц показывает, что важно и актуально в жизни северного этноса с точки зрения носителей его языка. Пословицы кильдинского саамского языка охватывают все аспекты жизни саамского сообщества: представители животного мира (22% исследуемых пословиц); черты характера человека (20%); части человеческого тела (13%); предметы саамского быта (12%); хозяйственная деятельность саамов (12%); еда и продукты питания (12%); неживая природа (9%). Рассмотрим некоторые примеры пословиц этих тематических групп.

Наибольшее количество пословиц связано с названиями представителей животного мира: птиц (*Карнесь эйй стой ёнкрэгк* 'Ворон не стоит выстрела'); животных (*Муст алля нюэммель куттёк* 'У меня не заячье сердце'; *Пёнгэ аньт тәйфёт, вуэста кӯлсах кōххт сōн эрраит* 'Собаке дай кость, а в ответ услышишь рычание'); рыб (*Сәйймь йжянт кӯль кәвви* 'Сеть свою рыбу найдет'); членистоногих и беспозвоночных (*Юэв явьрэсьт еннэ лй цёрвэдтэ (сэгкедтэ)* 'В тихом озере много червяков').

Следующей тематической группой по частотности являются пословицы по теме «Характеристика человека». В пословицах кильдинского саамского языка представлены прежде всего отрицательные качества человека (*Нюэсь олма нюэзя тōлэдтэ* 'Плохой человек хуже огня'; *Олма ку сйрэ (ке кӯгкь сйрэ) кудтэ эйй вуэйй* 'Игравшему оставлять не велено'; *Сулл олма йжянт нэм эйй куэдт* 'Вор не оставляет своего имени'; *Елле сәрнэ нюэсь соагэт, пэртэсьт лёв пёльй / Елле нйō ххчмушиэ, пэртт лй рәйкан* 'Не сплетничайте, дом дырявый'; *Шйг нэм туммплэсь куллай, нюэсьс – вәл туммпля* 'Хорошее имя слышно далеко, а плохое – еще дальше'). Гораздо меньше пословиц о положительных качествах человека (*ōллмэ йл вйгнё я мйлэн* 'Человек живет не только силой, но и умом'; *Кё айкалт кодзай, тодт пәсьтмень пёйвь киркаххт* 'Кто с зарей начинает, тот с ложкой завершает'; *Мунн ля кыптъя ённэ вярэсьт* 'Я сварен во многих бульонах').

Следующей по частотности является тематическая группа пословиц, содержащих соматизмы: *Огкнэгк кāsвэсьт (вуэцэсьт) лышишк эйй кышиш* ‘Стыд кожу с лица (букв. со лба) не сдирает’; *Нюххчемь оллм олмэсьт лй оменэш, кў пā гк нызнэнб* ‘Язык мужчины, спорящего с женщиной, глуп’; *Кугкас пёлльй кулл, мәнн уййн чалльм* ‘Ухо слышит дальше, чем видит глаз’; *Шувв сәннб нялльм эйй кышишк* ‘Доброе слово рот не дерет’; *эххт ю лльк, я тэдт луэйххк* ‘Одна нога, и та плачет’.

Тематические группы «Хозяйственная деятельность» и «Предметы быта» также частотны в кильдинском саамском языке и представляют тематическое поле «Рыболовство» (*Куэсь кўльшыллей нāдей кāдахт, пугк кāдт* ‘Когда рыбак теряет надежду, все потеряно’); «Оленеводство» (*Кēххпса кōммтъенне лй вэййе вйресь тўльсьт* ‘Легко кроить пошире из чужой шкуры’); «Одежда» (*Пāй ю ллькэ кугкас эгк уйт* ‘Без обуви далеко не уйдешь’); «Предметы быта» (*Кēmнэнчэсьт лēв няльенч* ‘И у маленьких котелков есть ушки’; *Рāййк ēмьпэр чā зь эйй тўлля* ‘Дырявое ведро воды не держит’); «Жилище саамов» (*Коаввас тōлха гу кāлльм* ‘Кувакса (чум) без огня как могила’).

Группа пословиц о живой и неживой природе менее частотна по сравнению с вышеназванными группами. Это тематическая группа «Растительный мир» (*Суэрвэсьт мāлль эгк вуаннч* ‘Из высохшей сосны сока не получишь’; *Вуэккьс (рыссе) каххч суэгк луз* ‘Ветка падает рядом с деревом’); «Водное пространство» (*Кўэсьс удць вуайя кōлкэв эфт сāййя, танна шāннт шўрр егк* ‘Когда маленькие ручейки стекаются в одно место, образуется большая река’); а также тематическая группа «Время суток» (*Эйй нй дтб ли кугкесь ыйй, пуадче пēййвь* ‘Ночь не так длинна, чтобы не пришел день’).

Философия жизни находит свое отражение в единичных примерах пословичного фонда кильдинского саамского языка: *Пйдтб эйй вўрьт олмэ соагк* ‘Бедя не ждет гонца’; *Лудт (най) кыррт тоагэ кō з вўлкхэнб* ‘Пуля [всегда] летит туда, куда ее послали’.

В данной статье представлен анализ лингвокультурологического потенциала саамских пословиц тематической группы «Приготовление и потребление пищи».

Пословица *Кўц пёрк луженб коавваст / Кўц пёрк пōрах, лужьнэдах* ‘Испорченная еда кончается поносом’ означает «пожинать плоды своих действий» и, согласно данным носителя саамского языка, трансформируется в правило саамской жизни – бери от природы столько, сколько съешь. Это правило связано с особенностями существования саамского сообщества в тяжелых климатических условиях: саамы «делали

заготовки мяса, рыбы столько, сколько на семью хватит, не больше» (информант ААМ). Материалы этнографической литературы показывают оправданность такого предписания. В работе А.С. Розонова 1903 года читаем: *«Его (лопаря) орудия лова в высшей степени примитивны ...он сравнительно мало ловит на продажу... пойманную рыбу он консервирует крайне небрежно, сильно этим обесценивая ее, а часть ее, предназначенную для собственного потребления на зиму, просто зарывает в землю, где рыба подвергается известной степени разложения и в таком виде особенно ценится лопарем»* [16, с. 63].

Русские аналоги, предложенные носителями русского языка (Что посеешь, то и пожнешь; Плохое начало не к добру; За худом пойдешь – добро не найдешь), а также китайская пословица Chī sōu fàn, lā dùzǐ (吃馊饭, 拉肚子) ‘Съешь протухший рис – получишь расстройство желудка’ позволяют сформулировать следующую установку культуры – не совершай плохие (необдуманные, безнравственные, глупые) действия, так как они неизбежно приведут к негативным последствиям.

Таким образом, саамская пословица говорит о физиологических последствиях употребления некачественной пищи. Русские и китайские аналоги переносят этот принцип в морально-этическую сферу, делая акцент на социальных и жизненных последствиях дурных дел.

Пословица *Елль пāk нёлльк олмэ кыпътэ пѳрмуши: сѳн ённэ кѳммна пыйй, мѳнн вуайй чоагкэ* ‘Не проси голодного готовить обед: он положит в котел больше, чем может в него поместиться’ означает «покупать продукты на голодный желудок нельзя, купишь много лишнего» и, согласно данным носителя саамского языка, трансформируется в правило саамской жизни – человек учится всю жизнь.

Обращение к оценке социальной роли еды в саамских пословицах не случайно. Это черта не только исконной народной мудрости, но и культуры в целом: в ней значима оппозиция «еда – отсутствие еды», «поглощение еды – голод». О полуголодном существовании лопарей читаем в разных этнографических источниках. Ф.Г. Иванов-Дятлов в 1928 году утверждал, что полная зависимость саамского населения от природы часто приводит лопарей к полуголодному существованию. Другой причиной такого существования саамов являлась их бесхозяйственность: *«Осенью, при больших запасах рыбы и мяса, каждое семейство вне зависимости от состояния примерно до 15 января питается хорошо... после этого срока, благодаря бесхозяйственному использованию пищевых продуктов, бедняки переходят на чай и хлеб»* [17, с. 12, 42].

Русский аналог, предложенный носителями русского языка ('Голодной куме хлеб на уме'), а также китайская пословица *Jī bù zé shí, huāng bù zé lù* (饥不择食, 慌不择路) 'Голодный не выбирает еду, запаниковавший не выбирает дорогу' выделяют следующую установку культуры – в отчаянном положении (голод, паника, крайняя необходимость) не теряя способности здраво судить, выбирать и действовать рационально.

Для китайцев смысл пословицы – это практическая и психологическая мудрость о человеческой природе, которая учит, что сильная личная заинтересованность (нужда, страсть, отчаяние) ослепляет человека и делает его плохим исполнителем общих задач. Русская мудрость «подозрительна» к решениям, принятым в состоянии аффекта, страсти или личной заинтересованности. Доверять важное дело (как котел с обедом) тому, кто лично в нем заинтересован, считается большой ошибкой.

Таким образом, саамская пословица и ее русские и китайские аналоги говорят об одном и том же: поручать дело человеку, ослепленному собственной нуждой, – верный способ получить неразумный, чрезмерный и, возможно, испорченный результат.

Пословица *Эйй пōррмуиш тōн тат, тōнн пōррмуиш татах* 'Не еда тебя просит, а ты ее' означает «еда не появится на столе сама по себе» и, согласно данным носителя саамского языка, трансформируется в правило саамской жизни – надо трудиться, чтобы иметь хлеб. Несмотря на то, что лопарь был неприхотлив в еде (мог питаться чаем с луком – так называемый *мур-чай*) [17, с. 43, 46], ему приходилось, по наблюдениям С.Н. Дурылина 1903 года, «надрываться за работой» [18, с. 68].

Русские аналоги, предложенные носителями русского языка (Волка ноги кормят; Горька работа, да хлеб сладок), а также китайская пословица *Bùshì fàn zhǎo nǐ, shì nǐ zhǎo fàn* (不是饭找你, 是你找饭) 'Не еда ищет тебя, а ты ищешь еду' выделяют следующую установку культуры – нужно трудиться, чтобы быть сытым и одетым. Но китайское языковое сознание подчеркивает еще и амбивалентность паремиологического утверждения: оно также означает «тобой должен управлять разум, а не инстинкты и аппетит. Ты хозяин своей потребности в еде, а не ее раб».

Таким образом, саамская пословица и ее русские и китайские аналоги сходятся во мнении: удовлетворение потребностей зависит от активных действий самого человека. Однако русские варианты усиливают это наблюдение, делая из него урок ответственности, трудолюбия и инициативы.

Пословица *Пōрррѣтѣ пōррмуиш кōпч* 'Еда собирает едоков' означает «еда обладает силой объединять людей» и, согласно данным носителя саамского языка, трансформируется в правило саамской жизни

– «за столом собирается вся родня, семья или на работе вся бригада, коллеги». В.И. Немирович-Данченко, описывая в работе 1876 года гостеприимство лопарей, упоминает собранные им пословицы и поверья: «*Коли гость в избе, значит Господь тебя не оставил*», «*Кого Бог возлюбил, к тому и гостя послал*», «*Кто путника накормил, тот десять лет не будет голоден ни разу*» [19, с. 66], символизирующие магическую силу доброго поступка: щедрость к страннику как ритуальное действие притягивает удачу, процветание и защищает от голода в будущем. В изоляции тундры любой путник мог оказаться последней надеждой. Помощь ему была не бытовой нормой, а священным долгом, нарушение которого грозило гневом духов и гибелью всей общины.

Русские аналоги, предложенные носителями русского языка (За общим столом и еда вкуснее; Был бы пирог, найдется и едок), а также китайская пословица Fàn xiāng zhāo kè lái (饭香招客来) ‘Аромат пищи привлекает гостей’ подтверждают роль еды (трапезы) как центра социальной жизни и коммуникации: совместная трапеза создает, подтверждает и укрепляет связи, а также визуализирует социальный порядок (рассаживание, порядок подачи блюд). У саамов общая трапеза после удачной охоты сплавивала род, в Китае практиковалась иерархия за круглым столом на банкете, а у русских праздничный стол всегда был символом единства семьи.

Совпадение установок русской, китайской и саамской культур (общая трапеза важна) не случайно. Все три культуры исторически формировались в суровых природных условиях. В таких обстоятельствах продовольственные ресурсы становились ключевыми для выживания общины, а их совместное потребление укрепляло социальные связи.

Пословица *Югке олма едт тогэ, касьт пёррк сўгта* ‘Каждый идет туда, где похлебка гуще’ означает «человек часто меняет место работы, место жительства» и трансформируется в правило саамской жизни – каждый ищет, где лучше жить / работать.

Русский аналог, предложенный носителями русского языка (Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше), а также китайская пословица Rén wǎng gāo chù zǒu, shuǐ wǎng dī chù liú (人往高处走, 水往低处流) ‘Человек стремится туда, где выше (лучше), вода течет туда, где ниже’ выделяют следующую установку культуры – стремись к лучшей доле.

В русской картине мира поиск «где лучше» – это не осуждение, а констатация здравого смысла и воли к жизни. Однако мудрость предупреждает: искать нужно с умом, трудолюбием и осознанием рисков, а не слепо гнаться за призрачной выгодой. Это формула рационального выбора в мире ограниченных ресурсов.

Заключение

Представленная методика лингвокультурологического анализа саамских пословиц, заключающаяся в сопоставлении трех аспектов смысловой структуры – значение пословицы (пропозициональное и прагматическое) и установка культуры – показала, что пословицы саамского языка тематической группы «Приготовление и потребление пищи» реализуют универсальные правила саамской жизни, обусловленные необходимостью выживания в тяжелых климатических условиях: забота о природе и семье, чувство коллективизма, потребность совершенствоваться и иметь свободу выбора.

Сопоставление саамских пословиц с их аналогами в русском и китайском языках позволило определить общие установки культуры: не совершай плохие (необдуманные, безнравственные, глупые) действия; не теряй способности здраво судить, выбирать и действовать рационально; нужно трудиться, чтобы быть сытым и одетым; общая трапеза важна; стремись к лучшей доле. Это сходство свидетельствует о том, что саамская, русская и китайская культуры, несмотря на географическую отдаленность и различия, формировались вокруг решения универсальных человеческих задач в условиях экологического и социального стресса. Их сходство – не случайность, а результат конвергентной эволюции в схожих «экологических нишах».

Перспективы исследования состоят в комплексном масштабном исследовании всего корпуса саамских пословиц по предложенной методике лингвокультурологического анализа.

Сокращения

ААМ – Антонова Антонина Михайловна
букв. – буквально

Литература

1. Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2020;11(2):265–284. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
2. Миронова А.А., Цзюй Чуаньтин. Семантическая структура пословиц в русском и китайском языках. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2016;(7):170–173.
3. Зиновьева Е.И., Цао Цзяци. Лингвокультурографическое описание русских пословиц с компонентом–названием насекомого (на фоне китайского

языка). *Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого*. 2020;2(27):1–5. DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.2\(27\).14](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.2(27).14)

4. Филиппова В.В. Лингвокультурологическое поле якутских загадок. *Арктика XXI век*. 2025;39(1):114–127. DOI: <https://doi.org/10.25587/23105453-2025-39-1-114-127>

5. Бредис М.А. Образ денег как отражение макроконцепта богатство в пословицах разноструктурных языков. *Когнитивные исследования языка*. 2023;2(53):164–171.

6. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне). *Вестник угроведения*. 2021;11(4):607–615. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

7. Зиновьева Е.И., Алешин А.С., Цховребов А.С. Тувинские паремии с компонентом–религионимом (на фоне других языков). *Новые исследования Тувы*. 2024;(2):40–60. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.3>

8. Ломакина О.В. Концепт «дети» в системе традиционных ценностей этноса (на материале паремий неродственных языков). *Когнитивные исследования языка*. 2024;1–2(57):58–62.

9. Керт Г.М. *Саамский язык (кильдинский диалект): фонетика, морфология, синтаксис*. Ленинград: Наука: Ленинград. отд-ние. 1971.

10. Антонова А.М. Ценностный потенциал саамских паремий как основа обучения родному языку: постановка вопроса. *XX Масловские чтения: филология и филологическое образование в региональном аспекте*. Мурманск: МАГУ. 2022:250–257.

11. Иванищева О.Н. Ценностный потенциал саамских примет. *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2022;8(3):111–123. DOI: https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_3_111

12. Пермяков Г.Л. *Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов*. Москва: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука». 1979.

13. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Принципы семантического описания фразеологии. *Вопросы языкознания*. 2009;(6):21–34.

14. *Фразеология в контексте культуры* / ред. В.Н. Телия. Москва: Языки русской культуры. 1999.

15. *Саамско-русский словарь* / ред. Р.Д. Куруч. Москва: Русский язык. 1985

16. Розонов А.С. *Лапландия и лапландцы*. Санкт-Петербург. 1903. Режим доступа: http://kolanord.ru/html_public/col_Kol-saamy/RozonovAS_Laplandiya-i-Laplancy_1903/index.html (дата обращения: 12.08.2025).

17. Иванов-Дятлов Ф.Г. *Наблюдения врача на Кольском полуострове: (11 янв. – 11 мая 1927 г.)*. Ленинград: Государственное русское географическое общество. 1928. Режим доступа: http://kolanord.ru/html_public/col_Kol-saamy/Ivanov_DyatlovFG_Nablyudeniya-vracha_1928/82/index.html#zoom=z (дата обращения: 12.08.2025).

18. Дурыйлин С.Н. *За полуденным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке*. Москва. 1913. Режим доступа: http://kolanord.ru/html_public/col_Kol-saamy/DurylinS_Za-polunochnym-solncem_1913/index.html (дата обращения: 11.08.2025).

19. Немирович-Данченко В.И. *Лапландцы и Лапландия: публичные лекции, читанные автором в 1875 г. в Санкт-Петербургском педагогическом музее*. Санкт-Петербург: Типография В. Тушнова. 1876. Режим доступа: http://kolanord.ru/html_public/col_Kol-saamy/Nemirovich_DanchenkoVI_Laplandiya-i-loplandcy_1876/index.html (дата обращения: 10.08.2025).

References

1. Bredis MA, Dimoglo MS, Lomakina OV. Proverbs in modern linguistics: approaches to study, text-forming and linguacultural potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2020;11(2):265–284. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284> (in Russian).

2. Mironova AA, Ju Chuan Ting. Semantic structure of proverbs in Russian and Chinese. *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2016;(7):170–173 (in Russian).

3. Zinovieva EI, Cao J. Linguocultural and lexicographical description of Russian proverbs with a component naming an insect (based on Russian and Chinese units). *Memoirs of NovSU*. 2020;2(27):1–5. DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.2\(27\).14](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.2(27).14) (in Russian).

4. Filippova VV. Linguocultural aspect of Yakut riddles. *Arctic XXI Century*. 2025;39(1):114–127. DOI: https://doi.org/10.25587/2310-5453_2025-39-1-114-127 (in Russian).

5. Bredis MA. The image of money as a reflection of the macroconcept of wealth in proverbs of languages with different structures. *Cognitive Studies of Language*. 2023;2(53):164–171 (in Russian).

6. Bredis MA, Ivanov EE. Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (against the European paremiological background). *Bulletin of Ugric Studies*. 2021;11(4):607–615. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615> (in Russian).

7. Zinovieva EI, Aleshin AS, Tskhovrebov AS. Tuvan paroemias with a religious component (compared to other languages). *New Research of Tuva*. 2024;(2):40–60. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.3> (in Russian).

8. Lomakina OV. The concept of “children” in the system of traditional values of an ethnic group (based on the paroemias of unrelated languages). *Cognitive Studies of Language*. 2024;1–2(57):58–62 (in Russian).

9. Kert GM. *Sami language (Kildin dialect): phonetics, morphology, syntax*. Leningrad: Science: Leningrad department. 1971 (in Russian).

10. Antonova AM. The Value Potential of Saami Paremiias as a Basis for Teaching Native Language: Formulating the Question. *XX Maslov Readings: Philology and Philological Education in the Regional Aspect*. Murmansk: MASU. 2022:250–257 (in Russian).

11. Ivanishcheva ON. Value potential of saami omens. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2022;8(3):111–123. DOI: https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_3_111 (in Russian).

12. Permyakov GL. *Proverbs and Sayings of the Peoples of the East. A Systematized Collection of Sayings of Two Hundred Nations*. Moscow: “Nauka”. 1979 (in Russian).

13. Baranov AN, Dobrovolsky DO. Principles of semantic description of phraseology. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*. 2009;(6):21–34 (in Russian).

14. *Phraseology in the Context of Culture* / ed. VN. Teliya. Moscow: Languages of Russian Culture. 1999 (in Russian).

15. *Saami-Russian dictionary* / ed. RD. Kuruch. Moscow: Russian language. 1985.

16. Rozonov AS. *Lapland and the Laplanders*. Saint Petersburg. 1903. Available at: http://kolanord.ru/html_public/col_Kol-saamy/RozonovAS_Laplandiya-i-Laplandcy_1903/index.html (accessed: 12.08.2025) (in Russian).

17. Ivanov-Dyatlov FG. *Observations of a physician on the Kola Peninsula: (11 January – 11 May 1927)*. Leningrad: State Russian Geographical Society. 1928. Available at: http://kolanord.ru/html_public/col_Kol-saamy/Ivanov_DyatlovFG_Nablyudeniya-vracha_1928/82/index.html#zoom=z (accessed: 12.08.2025) (in Russian).

18. Durylin SN. «*In the Midday Sun*». *Across Lapland on Foot and by Boat*. Moscow. 1913. Available at: http://kolanord.ru/html_public/col_Kol-saamy/DurylinS_Za-polunochnym-solncem_1913/index.html (accessed: 11.08.2025) (in Russian).

19. Nemirovich-Danchenko VI. *Laplanders and Lapland: public lectures given by the author in 1875 at the St. Petersburg Pedagogical Museum*. St. Petersburg: V. Tushnov Printing House. 1876. Available at: http://kolanord.ru/html_public/col_Kol-saamy/Nemirovich_DanchenkoVI_Laplandiya-i-loplandcy_1876/index.html (accessed: 10.08.2025) (in Russian).

Об авторах

ИВАНИЩЕВА Ольга Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор, кафедры филологии, межкультурной коммуникации и журналистики, Институт гуманитарных и социальных наук, Мурманский арктический университет, Мурманск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8495-0502>, WoS ResearcherID: D-1120-2015, Scopus Author ID: 59926059700, Elibrary AuthorID: 329364, SPIN: 1082-6004, e-mail: oiivanishcheva@gmail.com

ЛЯН Мендзе – преподаватель, кандидат филологических наук, Чанчуньский политехнический университет, Чанчунь, КНР, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5903-4457>

About the authors

Olga N. IVANISHCHEVA – Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor, Philology, Intercultural Communication, and Journalism Department, Humanities and Social Studies Institute, Murmansk Arctic University, Murmansk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8495-0502>, WoS ResearcherID: D-1120-2015, Scopus Author ID: 59926059700, Elibrary AuthorID: 329364, SPIN: 1082-6004, e-mail: oiivanishcheva@gmail.com

Mengjie LIANG – Cand. Sci. (Philology), lecturer, Changchun University of Technology, Changchun, China, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5903-4457>

Вклад авторов

Иванищева О.Н. – разработка концепции, методологии, верификация данных, проведение исследования, руководство исследованием

Лян М. – ресурсное обеспечение исследования

Authors' contribution

Olga N. Ivanishcheva – conceptualization, methodology, validation, formal analysis, supervision

Mengjie Liang – resources

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declares no relevant conflict of interests

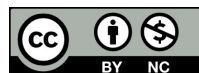
Поступила в редакцию / Submitted 17.12.2025

Поступила после рецензирования / Revised 22.01.2026

Принята к публикации / Accepted 06.02.2026

УДК 811.512.152; 398.1

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-63-86>

Оригинальная научная статья

Чулымские тексты, собранные С. Е. Маловым в 1908 г.: лингвистические и историко-этнографические особенности сказания о Малафее

В. М. Лемская¹ , М. А. Попов²

¹Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

²Еврейский университет в Иерусалиме, Иерусалим, Израиль

 lemskaya@tspu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые особенности ранее не доступного языкового материала – архивных текстов на чулымском языке, собранных С.Е. Маловым во время поездки на Средний Чулым в 1908 г. Дается обзор расшифрованного материала, приводится краткая характеристика текстов (в т.ч. установленные сведения об авторах, их родовая принадлежность), к которым относятся песни, загадки, сказки, эпическое сказание. Авторы рассматривают лингвистические и историко-этнографические особенности одного текста – сказания о Малафее (информант К.П. Откуянов). В тексте обнаруживаются как явные параллели с сюжетами и мотивами тюркского эпоса южной Сибири, так и уникальные элементы, нехарактерные для региона и периода его записи. Основными историко-этнографическими особенностями этого текста являются: христианское имя главного героя, характерный для южносибирско-тюркского эпоса зачин с северо-восточными аналогиями в описании космогонии, адаптация описания богатства героя (от материальных ценностей, связанных с реалиями скотоводческого общества, к предметам обладания, характерным для таежных народов и др.), эпические мотивы, находящие параллели как в других чулымских текстах, записанных более, чем через полвека, так и в фольклоре калмыков, обских угров, телеутов, шорцев, хакасов, якутов. Лингвистически отличительные черты рассматриваемого текста включают: «цеканье», нехарактерное для среднечулымского диалекта, огласовка на *j* показателей рядов фонетического чередования, включающих *j*, *f*, *te*, тюркская лексика, отсутствующая в современных среднечулымских говорах, а также русские заимствования референциального и функционального характера, наслоение личных показателей предикативного склонения на форму деепричастия для образования финитной

© Лемская В. М., Попов М. А., 2026

формы сказуемого. Исследуемый материал являет собой неоценимый вклад в пополнение чулымского корпуса и сохранение нематериального культурного наследия коренного малочисленного народа Севера чулымцев.

Ключевые слова: чулымский язык, среднечулымский диалект, тюркская лексика, С. Е. Малов, неопубликованные полевые тексты, фольклор, эпическое сказание, эпический мотив, «цеканье», прошедшее время на деепричастие

Благодарности. Авторы выражают благодарность А.В. Дыбо и Д.А. Функу за ценные замечания по интерпретации чулымского материала

Для цитирования: Лемская В.М., Попов М.А. Чулымские тексты, собранные С. Е. Маловым в 1908 г.: лингвистические и историко-этнографические особенности сказания о Малафее. *Арктика XXI век*. 2026;14(1):63–86. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-63-86>

Original article

Chulym texts collected by S. E. Malov in 1908: linguistic and historical-ethnographic features of the narrative about Malafei

Valeriya M. Lemskaya¹ , Mikhail A. Popov²

¹Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

²The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel

 lemskaya@tspu.ru

Abstract

This article examines some features of previously inaccessible linguistic material: archival texts in Chulym Turkic collected by S.E. Malov during his 1908 trip to the middle flow of the Chulym River. It provides a brief overview of the deciphered material and a description of its texts (including the discovered information about the authors and their tribal affiliations), which include songs, riddles, fairy tales, and an epic tale. The authors examine the linguistic, historical, and ethnographic features of one text, the Narrative about Malafei (by the consultant K.P. Otkuyanov). The text reveals both clear parallels with plots and motifs of the Turkic epic tales of southern Siberia, as well as unique elements atypical of the region and the period in which it was recorded. The main historical and ethnographic features of this text are: the Christian name of the main character, a beginning characteristic of the South Siberian-Turkic epic with northeastern analogies in the description of cosmogony, an adaptation in the description of the hero's wealth (from material values associated with the realities of a pastoral society to objects of possession characteristic of taiga peoples, etc.), epic motifs that find parallels both in other Chulym texts recorded more than half a century later, and in the folklore of the Kalmyks, Ob Ugrians,

Teleuts, Shors, Khakass, and Yakuts. Linguistically distinctive features of the text under consideration include: the use of a “tsekanie” sound (ts-pronunciation), which is not typical for the Middle Chulym dialect, the use of *j* indicator of the phonetic alternation series, including *j*, *ʃ*, *ʈ*, Turkic vocabulary, which is absent in modern Middle Chulym subdialects, as well as Russian borrowings of referential and functional semantics, the verbal inflection of person in the predicative declension added directly to the adverbial participle to form the finite form of the predicate. The material under study proves to be an invaluable contribution to the Chulym Turkic corpus, and adds to the preservation of the intangible cultural heritage of the Chulym indigenous people of the North.

Keywords: Chulym (language), Middle Chulym dialect, S. E. Malov, Turkic vocabulary, unpublished field data texts, folklore, epic tale, epic motif, “tsekanie” (ts-pronunciation), past tense form in converbs

Acknowledgments. The authors express gratitude to A.V. Dybo and D.A. Funk for their advisory assistance in interpretation of the Chulym Turkic material

For citation: Lemskaya V.M., Popov M.A. Chulym texts collected by S. E. Malov in 1908: linguistic and historical-ethnographic features of the narrative about Malafei. *Arctic XXI Century*. 2026;14(1):63–86 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-63-86>

Введение

Чулымский язык – язык коренного малочисленного народа Севера – является одним из малочисленных и исчезающих тюркских языков, распространенным в среднем течении р. Чулым в Западной Сибири. По данным Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг.¹, чулымцев насчитывается 382 чел., владеющих языком – 32 (по полевым сведениям свободно говорящих не более 12 [1]). В настоящее время существует только в виде среднечулымского диалекта, далее дробящегося на говоры: тутальский (Томская область) и мелетский (Красноярский край) [2].

История полевых исследований чулымского языка, а также общий объем зафиксированных полевых данных были детально описаны в статье [1]. Остановимся на содержании корпуса опубликованных текстовых данных чулымского языка XIX и XX вв. Общий объем этих текстов мы оцениваем примерно в 11 тыс. словоупотреблений. Сюда входят данные как нижнего, так и среднего диалекта. Первым текстом XIX в. явилась публикация В.В. Радлова на нижнечулымском говоре кюэрик –

¹ Всероссийская перепись населения 2020 года. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 15.01.2026).

ок. 4,5 тыс. словоупотреблений [3]; далее – тексты молитвы «Отче наш» и Символа веры на нижнем и среднем диалектах, опубликованные в Томских епархиальных ведомостях, – объемом около 400 слов [4].

Первыми опубликованными текстами XX в. явились описание охоты, предания, приметы и текст песни, опубликованные известным лингвистом Сергеем Ефимовичем Маловым (1880–1957) через год после своей командировки на Средний Чулым и верховья р. Томи с притоками (как части более обширной поездки через Томск и Причулымье в Хакасию и на Алтай) [5]. Эта экспедиция – первая для самого С.Е. Малова, – была предпринята им в 1908 году, еще в качестве студента факультета восточных языков Петербургского университета (окончил он его лишь через год после этого, в 1909). В период учебы С.Е. Малов, одновременно интересовавшийся самыми разными сферами науки, сблизился со многими культовыми фигурами гуманитарных кругов Петербурга 1900-х – он был учеником И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.П. Нечаева; следствием этого же стала и экспедиция 1908 г., в организации которой деятельно помогали учителя и старшие коллеги В.В. Бартольд и В.В. Радлов.

Общий объем этих опубликованных текстов составляет всего ок. 350 слов. В публикации приводятся сведения о зафиксированных «среди томских, чулымских и кузнецких татар и телеутов» языковых данных: «23 песни, 6 пословиц, 28 загадок, 15 описаний разных обычаев, 20 сказок, 9 примет и поверий, 5 преданий», а также единицы, относящиеся к ономастике [5, с. 35]. Автор сообщал, что «все это... будет представлено после», однако о подобных публикациях нам неизвестно.

Среди других опубликованных текстов отметим тексты на нижнечулымском диалекте в работах А.П. Дульзона [6; 7] – ок. 530 слов; на среднечулымском диалекте – в работах М.А. Абдрахманова [8] – ок. 1700 слов, в пособии Р.М. Бирюкович [9], а также в рукописи ее докторской диссертации [10] – всего ок. 2 тыс. словоупотреблений.

Таким образом, объем текстового материала на диалектах чулымского языка, доступный широкой общественности в XIX и XX вв. оставался весьма скромным. В XXI в. в ряде публикаций представлены как аннотированные тексты из архивных рукописных собраний [11] (а также последующие тома), так и новые полевые материалы [12]. Эти и вышеупомянутые данные входят в «Корпус языковых данных чулымско-тюркских говоров», размещенный на портале «altaica»², а также в данные по чулымскому языку на Лингвистической платформе «ЛингвоДок»³.

² Monumenta Altaica. Режим доступа: <https://altaica.ru> (дата обращения: 23.12.2025).

³ LingvoDoc. Режим доступа: <https://lingvodoc.ispras.ru/> (дата обращения: 20.01.2026).

Материалы и методы

Вернемся к материалу, собранному С.Е. Маловым на Среднем Чулыме в 1908 г. (общий объем текстов, по данным нашей расшифровки, составляет 1820 словоупотреблений). По указанию самого автора он посетил следующие деревни на Чулыме: «Каштаково, Станок, Кохлаево, Бергаево, Апкашево (Ак-паш) и село Тутальское (Туталы)» [5, с. 35]. Из вышеперечисленных в настоящее время сохранилась только деревня Берегаево с представителями населения, идентифицирующими себя как чулымцы, но не говорящими на своем этническом языке [1]. Все отмеченные деревни, которые обследовал С.Е. Малов, находились выше по течению от деревни Перевоз, которая являлась своеобразной границей между нижним и средним диалектами [7, с. 464], и их жители – носители коренного языка чулымцев – относились к говорящим на среднечулымском диалекте. Информантом, поведавшим тексты, опубликованные С.Е. Маловым в отчете [5], стал Л.В. Долбанов из с. Туталы (район с. Тегульдета на правом берегу р. Чулым).

Перейдем к некоторым лингвистическим особенностям материала С.Е. Малова. Для фиксации языкового материала им была использована академическая система фонологической транскрипции для максимальной точности фиксации речевого материала (что, несомненно, следует считать передовым для своего времени методом, позволяющим сохранить для науки особенности идиомов). В свете этого вызывает особый интерес «звук <ц>, присутствующий в чулымских материалах С.Е. Малова, который также встречается в ряде диалектов тюркских языков: барабинском, кюзэрикском, тобольском, мишарском и луцко-караимском наречиях. Примечательно, что данный звук более характерен для женской речи, в мужском произношении часто наблюдалась замена звука <ц> на <ч>» [5, с. 35]. Полвека спустя присутствие <ц> на Среднем Чулыме А.П. Дульзоном не отмечено, установлены четкие соответствия нижнечулымского <ц> среднечулымскому <ч> в ауслауте и среднечулымскому <ш> в анлауте [5, с. 465], что, однако, вполне гармонично вписывается в систему рядов тюркского фонетического чередования [13]. При явно напрашивающемся выводе об определенной динамике языкового развития на Среднем Чулыме, считаем, однако, важным отметить следующие факты. Статус отмеченного С.Е. Маловым «звука <ц>» совершенно неясен. Несмотря на указанное сходство с иными тюркскими идиомами, его также имеющими, более точных лингвистических характеристик не приводится. Главный вопрос – является ли этот «звук» глухой альвеолярной аффрикатой /ts/, либо разновидностью глухой постальвеолярной аффрикаты /ʈ/, на слух воспринимаемой как звук со свистящим компонентом.

Подобный вопрос является важным для тюркологических исследований ввиду того, что разграничение на изоглоссы с /ts/ и /ʃ/ является не только одной из типологических характеристик тюркских идиомов, но и проливает свет на их историческое развитие.

Следует отметить, что неопубликованные чулымские тексты С.Е. Малова в составе его полевых дневников хранятся в Санкт-Петербургском филиале отделения Российской академии наук (персональный фонд С.Е. Малова Ф. 1079, Оп. 1, дела 400 и 401); они занимают относительно небольшую часть дневников, – основной массив этих двух дел посвящен хакасским и алтайским материалам. Два наиболее крупных текста записаны С.Е. Маловым от К.П. Откуянова в дер. Берегаево (в записях С.Е. Малова *Бергäй*, в архивных материалах А.П. Дульзона – *бергай*), на 1908 год это еще т. н. Старо-Берегаево, – ныне не существующая деревня, постепенно перенесенная на новое, современное место после наводнений начала 1910-х. Данных о самом Константине Откуянове у нас недостаточно, серьезной биографической информации о нем пока найти не удалось. Вероятнее всего, он мог быть сыном Поликарпа Федоровича Откуянова, впоследствии первопоселенца нового Берегаево, первым перебравшегося из Старо-Берегаево в 1915 году, – а сыном самого Константина, вероятнее всего, был Петр Константинович Откуянов (1911–1942), призванный из Берегаево в 1941 г. Тегульдетским РВК и пропавший без вести в ноябре 1942 (ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 451. Л. 7). Таким образом, на 1908 год в этом случае речь идет о человеке среднего возраста, 25–40 лет, – что выводит нас за рамки ситуации бытования фольклорных текстов исключительно в среде старшего поколения, что характерно для Причулымья в более поздний период. Заметим, это также представитель вполне конкретной и очень специфической семьи: Откуяновы возводили свою родословную к легендарному родовому князю (*атэзи*) Бергай-атэзи. Подавляющее большинство позднейших информантов, от которых записывали фольклорные тексты Р.М. Бирюкович и Э.Л. Львова, принадлежали к «поколениям»-*ээрэн* (родовым группам, линиджам), возводящим свою родословную к другим предкам, – князям-*атэзи* или богатырям-*алыпам*, – Девяти Братьям, Тутышкабырге или Атнэл-атэзи (вопрос о возможных этимологиях указанных имен выходит за рамки настоящей статьи и нуждается в отдельной проработке). В «генеалогических» эпических текстах, записанных Э.Л. Львовой выше по Чулыму, Бергай-атэзи выступает главным антагонистом, – вероломным противником связанных родством Тутышкабырги и Атнэл-атэзи, ночным налетчиком, грабителем и жестоким убийцей.

Учитывая вышесказанное, тексты, записанные в Берегаево от представителей семьи Откуяновых, представляют для изучения чулымского фольклора особенный интерес: перед нами слой фольклора, сформировавшийся и на некотором пространственном удалении (по меркам Причулымья) от «традиционных» мест последующей записи известных нам чулымских фольклорных текстов (восточнее современного Тегульдета, в пограничье Томской области и Красноярского края); и в рамках, возможно, различных «семейных» традиций, по-разному расставлявших акценты даже в одних и тех же сюжетах, и могущих различаться текстуральным составом в целом. Кроме того, как лексика, так и грамматика самих текстов содержит ряд специфических черт, некоторые из которых будут рассмотрены ниже.

Результаты и обсуждение

Дадим краткую характеристику чулымских текстов из дневников С.Е. Малова. Несколько коротких песен и две загадки были записаны от вышеназванного информанта Константина Откуянова. Короткий текст сказки о золотой «лапе»⁴, золотом лине (в ненормализованной записи самого С.Е. Малова *џарабалык* < *kara palik* 'букв. черная рыба') и золотом орле (*күңүген*) был записан от Лукьяна Никифоровича Откуянова, о котором нам ничего не известно. Две песни (и несколько текстов, опубликованных в итоге С.Е. Маловым в составе его статьи 1909 года [5]) были записаны от Л.В. Долбанова / Толбанова. Сам С.Е. Малов в статье 1909 г. обозначил его фамилию в первом варианте – через «Д», в такой же форме эта фамилия встречается иногда в записях исследователей советского периода; но при этом в рукописях С.Е. Малова тот же информант упоминается именно как «Толбанов», и в такой же форме эта фамилия чаще всего встречается впоследствии, уже в советское и постсоветское время. В обоих случаях эта фамилия относится к одной чулымской семье, принадлежащей к «поколению» Атнэл-атэзи. Опубликованный текст был записан в Туталах; о самом Леонтии Толбанове дополнительных сведений нет. С.Е. Малов называл его в примечаниях к статье «стариком»; его сыном, вероятнее всего, был Федор Леонтьевич Толбанов (р. 1873), из ныне исчезнувшей деревни Кандеево в окрестностях Берегаево, кратковременно арестованный в 1920 г. [14, с. 262]. Наконец, от некоего Матвея Семеновича (без упоминания фамилии) со ссылкой на С.Д. Томачакова была записана краткая версия хорошо

⁴ На данном этапе анализа мы идентифицируем рукописное слово как «табиц», либо «табшу», что связываем с архивным обозначением значения 'лапа' как «табыч» для среднечулымского. Эту трактовку, однако, считаем промежуточной, необходимо дальнейшее исследование материала в узком и широком контексте.

известного по другим записям чулымского эпического сказания «Мангуш» [8; 11]; и несколько кратких текстов – песня и три приметы, – записаны без атрибуции информанта (по упоминанию в самих дневниках – в ныне несуществующем с. Кохлаево).

Объем статьи не позволяет привести полный лингвистический и фольклорно-этнографический анализ всех вышеперечисленных текстов (публикация анализа материала, однако, запланирована в очередном томе серии [11]), поэтому обратимся к рассмотрению особенностей одного из них за авторством К.П. Откуянова, представляющего собой изложенное в кратком варианте (при этом достаточно подробно и информативно) эпическое сказание о женитьбе героя. Объем этого текста составляет 355 словоупотреблений. Очевидно, это самостоятельный текст, который не представляет собой вариацию какого-либо из ранее известных чулымских фольклорных текстов, однако вполне анализируется с точки зрения сюжетно-мотивной структуры: в нем находятся как очевидные аналогии другим сюжетам и мотивам эпоса тюрков южной Сибири, так и редкие мотивы, совершенно нетипичные для места и времени его фиксации, см. начало текста (пример (1); для экономии места приведем глоссирование по оригинальной транскрипции С.Е. Малова без выравнивания и установления архиморфем со свободным переводом на русский язык):

(1) *Чер пұт-кән чер таш-кан. Ак терәк паш-ы ал чај-җан. Малапей бул туҗ-җан.*

Земля возникать-Pst земля носить-Pst. Белый тополь голова-3Poss. Sg цвести стелить-Pst. Малафей сын родиться-Pst.

‘Земля возникла, землю носили. Белого тополя голова зацвела. Родился сын/парень Малафей.’

Имя главного героя, – Малафей (чул. *Малапей*), – не встречается в других чулымских фольклорных текстах; за единственным исключением – в одной из записей Э.Л. Львовой это имя встречается как альтернативное имя *алына* Тутышкабырги, ключевого протагониста «тутальского цикла» [15, с. 110; 16, с. 176, 183]. Найти истоки появления в чулымском фольклоре вполне христианского имени (народной версии имени Малахий / Малахия) затруднительно, а любая гипотеза в этой области, не будучи подкреплена текстуальными или фольклорными доказательствами, будет по определению сомнительна; однако возможно все же выдвинуть несколько предположений. Во-первых, в позднем русском фольклоре XV–XVII вв., – в частности, в текстах об Анике-Воине, – встречается упоминание «богатыря Малафея» или «Малафера» [17, с. 463] (восходящего к искаженной трансляции в народной литературе библейского Олоферна) как одного из соперников Аники, также

не выдержавшего схватки с персонифицированной Смертью. Во-вторых, в шорском фольклоре, в записях из сеока кобай (толь Шулбай) встречаются тексты об *алыне* Алабее, сыне Шулбая [18, с. 311]: в одном из сказаний он благодаря своей хитрости, умению стрельбы из лука и помощи мудрой жены обманывает взявших его в плен татар, похитивших его доспехи и оружие; в другом – побеждает угнетавших шорцев «степных ханов», выступает на войну с «русскими ханами», но погибает от их рук. Возможно, какой-то один или оба этих источника в контаминации дали имя чулымскому Малапею.

Имя несговорчивой невесты героя, Эбенек-кызы, еще более загадочно, см. пример (2):

(2) *Ол ебенек кыз-ын-ы ал-арба бо-п тур.*

Он Эбенек девушка-3Poss.Sg-Асс братъ-Inf быть-Cvb Aux:стоять
‘Он хочет взять (жениться) девушку Эбенек.’

В рукописи С.Е. Малов приводит рядом с ее первым упоминанием помету «Энејек?», впоследствии перечеркнутую. Загадочное *энејек* находит себе достаточно очевидную параллель – хак. *инейек* ‘старушка’. К употребляемому С.Е. Маловым после этого *эбенек* можно найти параллель в виде уменьшительных форм тат. *эби* ‘бабушка / старушка’; в то же время, с семантической точки зрения подобные параллели сомнительны и пока не вполне логичны, т.к. Эбенек-кызы в тексте выступает отнюдь не старушкой, но молодой девушкой, завидной и желанной невестой. Гипотетически, впрочем, возможно предположить здесь еще один вполне логичный вариант: сложную формацию от чул. *ān* / *ān* ‘дом’ (с озвончением согласной в косвенных формах), чул. *ānā* (ср. шор. *эне*, хак. арх. *ине*, тат. *эни*) ‘мать, хозяйка’ и диминутива *-јак* / *-јāk*, т. е. **Āb-ānāјāk-кызы* ‘Дома матушка-хозяйка девушка’. Заметим, что эта этимология вполне укладывается в общую логику «более нижнечулымского облика», большей близости берегаевской диалектной нормы в начале XX века к нижнечулымскому «цокающему» говору; в зафиксированной публикациями версии тутальского и мелетского говоров с их переходом *j > ʃ* > *ɕ*, диминутив выглядел бы как **-ч(и)а(ä)к* [8; 12].

Сюжет «Малафея» может быть кратко изложен следующим образом (необходимо сделать поправку на то, что само записанное С.Е. Маловым изложение было явно схематическим – сохраняющим сюжет и даже некоторые ключевые эпические формулы, но утратившим большую часть характерной стилистики и образности). В некоем мифологическом начале времен («когда земля возникла, когда землю носили, / когда белого тополя верхушка зацвела») родился герой, юный Малафей. Он растет, взрослеет и становится отличным охотником,

способным подстрелить любого зверя; на берегу реки в его владениях стоят сорок амбаров (*кл̄āt*) с мясом; рядом, в ложбине – тридцать амбаров с пушниной. Малафей хочет взять в жены Эбенек-кызы и, готовясь к этому, выбирает себе богатырского коня. Пригнав стадо и наудачу раз за разом бросая аркан, он попадает петлей в одного и того же жеребенка; этого жеребенка он и выбирает в качестве коня – но, не имея седла и не умея правильно сесть на коня, падает при попытке его оседлать. После этого Малафей входит в правое ухо коня, выходит с упряжью, заседлывает коня; входит в левое, выходит умытым и причесанным красавцем, садится на коня и едет к Эбенек-кызы, по пути то плача и печалась о недоступности и капризности Эбенек-кызы, то напевая *кай*. Подъехав «к поскотине» жилища Эбенек-кызы (эта бытовая реалья, явно вошедшая в чулымскую культуру и вслед за ней в фольклор достаточно поздно, передается русским заимствованием: *паскотина*, см. пример 3 ниже), Малафей превращает своего коня, упоминающегося здесь уже под собственным именем Чел-Караты (< *чел кара ат-ы ‘ветер черный конь-3Poss.Sg; Ветер-Вороной / Вороной Ветер’), в ворона, а сам обращается мухой (пример 4).

(3) *Ол еб̄āй̄к кыс-тын Малапей паскотина-зын-а чет-кен.*

тот Эбенек девушка-Abl Малапей поскотина-3Poss.Sg-Dat достигать-Pst

‘От той девушки Эбенек Малафей доехал до поскотины.’

(4) *Чел кар-āt-ын-ы кускун ет-і-сал-џан. Ол Малапей оул оз-ў ыскала бо-п пар-џан.*

ветер черный-конь-3Poss.Sg-Acc ворон делать-Cvb-Aux:класть-Pst. тот Малафей парень сам-3Poss.Sg муха быть-Cvb Aux:уходить-Pst.

Дом Эбенек-кызы охраняют 40 солдат, их глава твердо намерен не допустить никого к хозяйке; однако Малафей в облике мухи влетает в ее спальню через окно, приняв после этого человеческий облик. Проведя с Эбенек-кызы ночь, он вновь обращается мухой и вылетает в окно, минуя стражу; на поскотине он вновь становится человеком, обращает Чел-Караты из ворона в коня и направляется домой. Вернувшись домой и вновь начав охотиться, он забывает об Эбенек-кызы. Та, забеременев, вынашивает плод 12 месяцев, и у нее рождаются «два железных сына»; сыновья растут с ней, без отца. Во время одного из походов на охоту Малафей убивает двух лосей; однако два ворона, прилетев, уносят их. Вскоре после этого Эбенек-кызы пишет Малафею письмо, требуя приехать к ней; тот, оседлав коня, направляется к ней, по пути распевая *кай*; на этом сюжет обрывается.

Зачин текста абсолютно типичен для эпоса (и, в меньшей мере, параэпических сказочных текстов) южносибирских тюрков, ср. полностью посвященную зачинам этого типа главу в работе Д.А. Функа [19, с. 287–297]. Та же схема зачина встречается в чулымском эпическом тексте «Мангуш» в записи М.А. Абдрахманова [8, с. 58–69; 12]: «когда текла вода, начался белый тополь, полили хлеб, были скорые плоды, седлали, жили три брата». Из этой схемы крайне интересным образом «выбивается» вторая часть зачина. Если в «классической» южносибирской версии описание начала мира связано с первозданными водами и их «разделением» (ср. оборот, регулярно вызывающий споры и затруднения, обычно переводимый как «когда камышом воду делили» [20, с. 124–125]), то чулымский вариант подразумевает иную, находящую себе более северо-восточные аналогии, версию формализованного описания космогонии: «когда землю носили», что, возможно, указывает на связь этой формулы с чулымским космогоническим мифом, в котором земля, изначально представлявшая собой скромный клочок почвы, вытасненной гагарой со дна первозданного моря, увеличивается от попыток черта сбросить в море задремавшего на этой земле Бога [15; 12, с. 12]: с каждой новой попыткой черта стащить Бога в воду земля лишь расширяется. Строго говоря, сюжет распространен в немалой части Сибири, северной и восточной Европы – по мотивно-сюжетному указателю Ю.Е. Березкина – это мотив ВЗС, «Попытка утопить Бога». Можно проследить определенную аналогию со схемой зачина якутского олонхо, цитируемой М.Т. Сатанар со ссылкой на записи В.О. Каратаева: «Госпожа мать-земля моя, / величиной с пятак серой белки будучи, / расширяясь-растягиваясь, / разрастаясь, рождалась; / подобно вывернутому, / мягкому, как замша, уху / двухгодовалой важенки / растопыриваясь во все стороны, / постепенно увеличилась, оказывается» [21, с. 263].

Типично, в целом (хотя интересно варьируется с особой поправкой на объективные социальноэкономические и исторические условия), обозначение владений Малафея в начале текста (пример 5):

(5) *Кыр-да тур-бан кырык klät; кырык klät ičinda нес толу алыц ол klät ičinda. Ој-да тур-бан отус klät мал-ы.*

берег-Лос стоять-Pst 40 амбар; 40 амбар внутри вес полный лось тот амбар внутри. Ложбина-Лос стоять-Pst 30 амбар скот-3Poss.Sg

‘На берегу стояли 40 амбаров; внутри 40 амбаров все полно сохатыми в тех амбарах. В ложбине стояли 30 амбаров с пушниной.’

Перед нами, в сущности, аналог традиционного для сибирских тюрков описания в зачине эпического текста несметного богатства и изобилия, которыми наделены владения протагониста-богатыря; ср.

у шорцев: «На хвосты друг другу наступая, [цвета] шерсти [друг друга] не знающий / В этой земле скот пасется» [20, с. 87], «По берегу черного моря / Белый скот бродит, / Счастливый народ [повсюду] живет» [21, с. 178], «По берегу белого моря / Бесчисленный / Народ-общество [повсюду] живет. / Разношерстный / Белый скот, [словно река] растекаясь, / Бродит по этой земле» [20, с. 229]; у якутов: «Короткогривых, со светлой чистой шерстью / Лошадей его табуны [нужно считать] долинами» [22, с. 1235]; у алтайцев: «Вскормленный белый скот его, / На хребтах Алтая вмятины [-следы] оставляя, / Поверхность Алтая шесть раз обошел. / Народ его, если [о нем] сказать, / На хребтах земли вмятины [-следы] оставляя, / Поверхность земли семь раз обошел» [22, с. 21] и т. д.

Однако у чулымского народа, давно оставившего скотоводческие традиции своих тюркских предков, и сложившегося именно как самостоятельная этнокультурная общность уже в сугубо не-скотоводческих условиях, эпическое богатство и изобилие, сохраняясь как сюжетная универсалия, меняют форму: вместо неизмеримых пастбищ и несметных стад скота перед нами предстают логичные для фольклора таежных охотников амбары с мясом и пушниной. Стоит заметить, что аналогичная формулировка для богатства героя вне контекста эпического зачина, уже в сюжетной части повествования встречается у хантов («Богатыри города Сонг-хуша»): «После этого своему тонху, одетому в малицы из медвежьих и лосиных шкур, / На боровой стороне реки он пожертвовал семь амбаров, изобилующих пушным товаром, / На урманной стороне он ему пожертвовал семь амбаров, изобилующих пушниной. / Торчавшие наружу соболю хвосты обвевал ветер, как шкурки весенних чаек. / Торчавшие наружу беличьих хвосты обвевал ветер, как шкурки осенних чаек» [23, с. 160].

К кругу эпических мотивов принадлежит и сцена выбора Малафеем своего будущего коня Чел-Караты, пример 6:

(6) *Ол пер өүр мал-ын-ы а-ке-п сүр-үн кäl-гән. Пäктä-н аран-ын-ба. Ол тут-кан сызын-была. Сколко күрä-бес-іе котурлу тай-ба тöl сызын-ы кере-птір. Цынап сен котурлу тај мä ат пол-бај-сын.*

он один стадо скот-3Poss.Sg-Acc брать-приходить-Cvb гнать-Cvb Aux:приходить. запирать-Pst амбар-3Poss.Sg-Dat. он держать-Pst ?аркан-Com. Сколько бросать-Ptcp.Neg-?Cvb ?жеребенок-Dat часто ?аркан-Acc ?бросать-Pst. правда ты ?жеребенок мне конь быть-Opt-2Sg

‘Он, пригнав одно стадо скота, пришел. (Он) запер (его) в стойку. Он схватил (держал) аркан. Сколько бы ни бросал аркан, часто на жеребенка бросает. По правде ты, жеребенок, мне будешь конем.’

Прерывая обзор сюжета, отметим несколько показательных моментов этого фрагмента. Помимо вышеобозначенной фонетической особенности (наличие «нижнего» *ц*: *цынан*), присутствует и нижнечулымский вариант формы желательного наклонения на *-гай* (то, что соответствует *-гач* в идиомах среднего течения Чулыма). В лексике употребления общетюркское обозначение лошади *ат*, которое в современных среднечулымских говорах не отмечено (наличествует *чылгы*, либо *щылга* в зависимости от варианта идиома). Кроме того, в рассматриваемом фрагменте присутствует заимствования из русского языка: *сколко* ‘сколько’ (что примечательно, следующим за приведенным фрагментом словом является также из русского *ежли* ‘ежели’).

Кратко и предельно тезисно описанная сцена выбора коня вновь находит определенную проявляющую ее параллель в другом, записанном более развернуто, чулымском эпическом тексте «Кѳзугюрян» [9, с. 77–86; 24]: его герой, сын Ак-кана Кѳзу, выбирая своего будущего богатырского коня, пригоняет свой табун и планирует накинуть аркан на жеребца, но промахивается, набрасывая аркан на плохонького конька-двухлетку; то же повторяется и при следующей попытке, с другим табунном, – после чего плохонький двухлетка, заговорив с Кѳзу, ведет себя как положено богатырскому коню, становится верным спутником героя и дает ему мудрые советы [24]. Вне чулымского (и в целом южносибирско-тюркского) круга схожий мотив – выбор богатырем будущего коня с применением аркана – встречается в калмыцком эпосе, ср. у Б.Б. Манджиевой: «...герою необходимо найти своего предназначенного коня, поймать его и оседлать <...> Герой набрасывает жеребенку на шею аркан со словами: «Если ты мой предназначенный конь, то непременно накинься на шею!» [25, с. 411].

Сцена, схожая с чулымской по другому признаку (не выбора коня с помощью аркана, а выбора внешне «нежелательного», далеко не самого впечатляющего коня, на деле оказывающегося подлинно богатырским спутником) вновь обнаруживается северо-западнее, у обских угров: «Он отправился к месту, где находились лошади. Когда он кладет на лошадей свою руку, они не выдерживают его руки, когда он заносит на лошадей свою ногу, они не выдерживают его ноги. <...> Один жеребенок весь в коросте около него трется. Он схватил жеребенка, жеребенок не тронулся с места, на котором стоял. Он клал на него свою руку, жеребенок не обращал на это внимания, он закидывал на него свою ногу, жеребенок стоял как ни в чем не бывало. Он подумал: «Бог не предназначил мне хорошей лошади, предназначенный мне конь – вот этот»» [23, с. 222].

Сразу за этой сценой следует момент, комбинирующий сразу два родственных мотива. Пытаясь сесть на коня (а точнее, на жеребенка), не оседлав его, Малафее падает, что могло бы придать героическому облику богатыря определенные комические ноты, однако происходит следующее (пример 7):

(7) *Аның сонда ол оң кула-н-ба кер-гән. Оң кулаб-ын-дын іјер а-п ыык-кан. Ат-ын-ы іјәр-лә-п сал-бан. Сол кулаб-ын-ба кер-ән. Чунн-уп таран-ып ыык-кан.*

этого потом он правый ухо-3Poss.Sg-Dat входить-Pst. Правый ухо-Poss.Sg-Abl седло брать-Cvb выходить-Pst. Конь-3Poss.Sg-Асс седло-v-Cvb Aux:класть-Pst. Левый ухо-3Poss.Sg-Dat входить-Pst. Умываться-Cvb расчесываться-Cvb выходить-Pst.’

‘После этого он в правое ухо зашел. Он из уха, седло взяв, вышел. (Он) коня оседлал. В левое ухо (он) вошел. Умывшись, расчесавшись, (он) вышел.’

По указателю Ю.Е. Березкина эта сцена описывается двумя мотивами: «I120A. Войти в ухо животного» и «I120B. Достать из уха животного». По всей видимости, везде, кроме чулымского ареала, два этих очевидно близких мотива являются взаимоисключающими: главный герой либо входит в одно ухо животного (обычно коня или коровы) и выходит из другого красавцем / красавицей, зачастую в резком контрасте с предыдущим неприглядным обликом, либо достает из уха животного (иногда проходя через него) некие ценные вещи: одежду, оружие, сбрую, сокровища, магические предметы; но не то и другое враз. Эти мотивы сочетаются одновременно лишь в чулымских текстах: в «Козугюряне», где герой проделывает это же при встрече со своим конем («Через левое ухо пройдя, седло принеси,» – сказал (он). В левое ухо войдя, седло вынес. «Через правое ухо пройдя, одежду вынеси,» – сказал (он)» [26, с. 299]); и, как очевидно, в «Малафее».

В описываемой далее сцене поездки Малафея к Эбенек-кызы интересно упоминание пения *кай*: *ол кәјләпбән* (< ол кәј-лә-п-бән ‘он кай-v-Cvb-Pst’), что сам С.Е. Малов комментирует на русском маргиналией: «пѣсни пѣлъ». Перед нами, судя по всему, первый и пока что единственный случай эксплицитного (без догадок и реконструкций по косвенным признакам) упоминания в чулымских фольклорных текстах именно пения *кай* и существования в чулымской среде самого этого термина. Это предложение демонстрирует еще одну языковую особенность идиома: наложение временного показателя прошедшего времени на депричастие. Ранее для тутальского говора была зафиксирована форма настоящего времени на -(I)B(I)l(X) (позже на основе полевых данных

установлено, что этот вариант только для второго лица) без эксплицитного временного показателя с наращиванием личных окончаний на суффикс деепричастия, см. дискуссию в [27], помимо этого возникал вопрос, является ли такая форма инновацией. Исследуемый в настоящей работе текст вполне указывает на сравнительно давнее существование такой комбинации. Особенности глагольного словоизменения с основой на деепричастие без видимых показателей времени нуждаются в дальнейшем изучении.

Сюжет истории о Малафее продолжается следующим образом. Выехав к окрестностям дома Эбенек-кызы, Малафей превращает Чел-Караты в ворона, а сам обращается мухой; облетев стражу, он проникает в покои Эбенек-кызы и проводит с ней ночь. Само превращение героя и его коня (как маскировки ими своих облика и возраста под безобидным личинами, так и полной трансформации с превращением в птиц, животных или предметы) – более чем частотно в эпосе южносибирских тюрков (ср. у телеутов: «Раз – изменившись, два – превратившись, / Сам паршивым плешивцем стал, / Коня своего со скатавшейся сухой шерстью / облезлым жеребенком-двухлеткой сделал» [28, с. 83]; у шорцев [22, с. 1167–1168]; хакасов [22, с. 953–961]; или якутов [22, с. 1295–1299]); а превращение Малафея в муху – мотив весьма специфичный и интересный. Перед нами момент, подпадающий сразу под две категории указателя Ю.Е. Березкина: «К16. Птичка становится юношей» и «К17. Орнитоморфный жених» (в обоих случаях описание мотивов подчеркивает, что кроме птицы герой может принимать и облик других малых, преимущественно крылатых, созданий, как правило, насекомых). Любопытно, что, во-первых, этот мотив в целом нетипичен для Сибири (богатыри южносибирской эпической традиции, как правило, принимают птичий облик в целях скорее военных, нежели романтических), – если картографировать эти два мотива, на месте Сибири обнаружилась бы «дыра» от Волги до Приамурья; во-вторых, еще менее типичен для Старого света в целом мотив превращения героя, пробирающегося мимо стражи к любимой, именно в насекомое (если герои-любовники американской индигенной мифологии, особенно у атабасков и тотонаков, стабильно превращаются именно в цикад или блох, европейские и азиатские все же «предпочитают» птичий облик; возможно, впрочем, вновь провести некоторую параллель с олонхо, в которых иногда одним из образов метаморфоз героя выступает пчела [30, с. 18]). Обращают, впрочем, на себя внимание две параллели в сказочных текстах литовцев и турков: и там, и там главный герой проникает к невесте, преодолевая охрану, в облике муравья.

Долгая, двенадцатимесячная беременность Эбенек-кызы сыновьями-богатырями (пример 8) – в принципе достаточно распространенный в Сибири и центральной Азии мотив, находящий себе широкий круг параллелей.

(8) *Он-йе ај чөр-ән. Ые темір оул туҕ-ан.*

Десять-два месяц ходить-Pst. Два железо сын роджать-Pst
'(Она) ходила 12 месяцев. Два железных сына родила.'

Касательно этого мотива следует упомянуть среди самых ранних и географически удаленных из возможных влияний, очевидно, двухлетнюю беременность Гандхари, вынашивающей Дурьодхану [29, с. 316] и долгую беременность императрицы Дзингу (годовая – по одним источникам, трехлетняя – по другим), вынашивающей будущего императора-героя Одзина [31, с. 52]. Из более близких можно привести шорские параллели: «Алтын-Сабак на шестом месяце беременности оставалась, оказывается. / Девять месяцев прошло, / На десятом месяце рожать стала.» [20, с. 181]; «Наступил день, когда, после девяти месяцев, Черная Шибельдей должна была от родовых схваток (взад и вперед) ходить, настал день, когда после одиннадцати месяцев Черная Шибельдей должна была, сидя, родить. Потом Черная Шибельдей родила» [22, с. 1131]; «Алтын Коок девять месяцев в родовых схватках билась, на одиннадцатый месяц, сидя, родила» [22, с. 1133]; а также хантыйские, из уже упоминавшегося выше сказания о богатырях города Сонг-хуша: «Тогда в углу ее обжорливого живота свернулся как бы клубок из золотистого шелка. Десять лунных месяцев, которые женщины носят плод, она его носила. Наконец она разрешилась от бремени у комля дерева, где женщины рожают» [23, с. 162].

«Железные» сыновья-богатыри Малафея не выбиваются из общесибирского контекста: представление о богатыре как о «железном», «железнотелом» встречается одновременно южнее и севернее Причулымья. С одной стороны, подобные упоминания встречаются в тувинских эпических текстах («[Ханша] мальчика-ребенка родила: / Глянешь на его поясницу – / Из чугуна сотворена, / Глянешь на его грудь – / Из стали сотворена» [22, с. 635]) и изредка в шорских («У ребенка Шайгын-Мергена у основания ребер, где их разделить, нет места, чтобы в хребте его сделать отверстие – нет места. Как чистая сталь, как сплошной чугун мальчик сотворился» [18, с. 23]). С другой – такие мотивы зафиксированы в записях Г.И. Пелих селькупского фольклора еще в 1960-х [32, с. 342]. Если принять этот сюжет как один из вариантов более широкого мотива о богатыре как «цельнотелом», «со сплошными ребрами» (в связи с чем чулымский фольклор укажет нам на некоторые связи с текстами

об *алыне* Тутышкабырге, чье имя, в сущности, и означает «Сплошное ребро»), – N4, «Сплошные ребра» по указателю Ю.Е. Березкина, – то перед нами и вовсе раскинется широкая картография мотива, охватывающая немалую часть центральной Азии, северной Европы и Кавказа.

Заключение

Завершая анализ текста о Малафее, стоит упомянуть два небезынтересных момента. Во-первых, в случае эпизода с трансформациями протагониста обращает на себя внимание следующее. В целом, для эпоса сибирских тюрков нормально превращение героя в птицу; Малафей обращает в ворона Чел-Караты; и в облике двух воронов же в финале появляются, судя по всему, его сыновья (в целом по обрыву сюжетной линии именно здесь достаточно логичным выглядит предположение, что это финал того, что у шорцев называлось *чол* – «путь» сказания, сюжетная арка, посвященная тому или иному герою; вероятно, следующий «путь» был посвящен уже выросшим сыновьям-богатырям Малафея и Эбенек-кызы), пример 9:

(9) *Jigi kuskun ke-n ol jigi булан-ны а-п-пар-ыб-ган.*

Два ворон приходить-Cvb тот два лось-Асс братъ-Cvb-Aux:уходить-Cvb-Pst

‘Два ворона прилетев, тех двух лосей унесли.’

Сам Малафей в тексте превращается исключительно в насекомое (см. пример (4) выше), однако в большинстве параллельных традиций протагонист проходит несколько последовательных превращений. В порядке реконструкции гипотетического прототекста «Малафея» – не как монолитного «оригинала», но более полной версии сказания до достаточно очевидной утраты многих деталей – возможно поставить вопрос о том, не предполагал ли исходный сюжет превращения в какой-то момент в ворона и самого Малафея.

Во-вторых, любопытно сходство «Малафея» сразу по нескольким мотивам с нанайским сказанием о мергене Палим Подо; ср. по цитированию в указателе Ю.Е. Березкина, со ссылкой на сборник В.А. Аврорина: неприглядный внешне, плешивый и сопливый, он сватается к дочери царя; отправившись с братьями невесты на охоту, тайком улетает от них, превратившись в пчелу; проходит через левое ухо своего коня и становится красавцем-богатырем; незамеченный, убивает в полете добычу за братьев невесты (вспомним о подчеркивающихся в чулымском тексте охотничьих способностях Малафея – и о двух лосях, которых уносят вороны в финале сказания).

Языки и фольклор коренных малочисленных народов Севера из числа жителей Томской области представляет собой кладезь лингвисти-

ческих и этнографических данных, порой зафиксированных и сохранившихся весьма обрывочно. Тексты из рукописных дневников С.Е. Малова представляют огромный интерес как для отдельных, так и междисциплинарных исследований. В дальнейшем планируется детальное изучение каждого из установленных текстов с подробным анализом лингвистического и фольклорно-этнографического характера. Эти тексты, наряду с недавно опубликованными и еще обрабатываемыми нижнечулымскими текстами из архивов А.П. Дульзона [33] вносят неоценимый вклад в пополнение собрания нематериального культурного наследия коренного малочисленного народа Севера чулымцев.

Сокращения

- арх. – архаичная форма
- букв. – буквальный перевод
- тат. – татарский язык
- хак. – хакасский язык
- чул. – чулымский язык
- шор. – шорский язык
- ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны
- 2Sg – форма 2 лица единственного числа
- 3Poss – форма принадлежности 3 лица
- Abl – форма исходного падежа
- Acc – форма винительного падежа
- Aux – вспомогательный глагол
- Com – форма совместного падежа
- Cvb – форма деепричастия
- Dat – форма дательного падежа
- Inf – форма инфинитива
- Loc – форма местного падежа
- Opt – форма желательного наклонения
- Pst – форма прошедшего времени
- Ptcp.Neg – форма отрицательного причастия
- Sg – форма единственного числа
- v – суффикс глагольного словообразования

Литература

1. Лемская В.М., Токмашев Д.М., Зимин М.М. и др. Полевые исследования чулымско-тюркского языка: история и экспедиции 2023 г. *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2024;2(50):120–130. DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2024-2-120-130>

2. Токмашев Д.М., Лемская В.М. Категория принадлежности в телеутском и чулымско-тюркском языках: именные конструкции. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2015;4(10):24–35.
3. Радлов В.В. *Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. II. Поднаречия Абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызыльское и чулымское (кюзрик)*. СПб. 1868.
4. Л-въ Н. Поѣздка Преосвященнаго Макарія. Епископа Бійскаго, къ Чулымскимъ инородцамъ Маріинскаго округа. *Томскія епархіальныя вѣдомости*. 1886;(8):15–21.
5. Малов С.Е. Отчет о командировке студента Восточного факультета Сергея Ефимовича Малова. *Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и антропологическом отношениях*. СПб. 1909;(9):35–46.
6. Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык. *Ученые записки Томского государственного педагогического института*. 1952;(9):76–211.
7. Дульзон А.П. Чулымско-тюркский язык. В: *Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки*. М.: Наука. 1966:446–466.
8. Абдрахманов М.А. Тексты чулымско-тюркского языка (средне-чулымский диалект). В: *Языки и топонимия Сибири. Т. II*. Томск: Издательство Томского университета. 1970:58–69.
9. Бирюкович Р.М. *Лексика чулымско-тюркского языка. Пособие к спецкурсу*. Саратов: Издательство Саратовского университета. 1984.
10. Бирюкович Р.М. *Строй чулымско-тюркского языка*: Дис. ... докт. филол. наук. Москва. 1980.
11. *Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала* / ред. А.Ю. Фильченко. Томск: Ветер. 2010.
12. Кондияков А.Ф., Лемская В.М. *Чулымско-тюркский язык д. Пасечное Тюхтетского района Красноярского края: 2007–2021 гг.* Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. 2021.
13. Бирюкович Р.М. О некоторых исторических чередованиях в чулымско-тюркском языке. *Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Серия лингвистики: материалы Всесоюзной конференции*, Москва: Наука. 1975:274–279.
14. *Книга памяти жителей Томской области, репрессированных в 1920-х – начале 1950-х гг.* Томск: Изд-во Том. ун-та. 2016.
15. Бардина П.Е. *Сказания земли Томской: хрестоматия*. Томск: Томский государственный педагогический университет. 2004.
16. Попов М.А., Ляхович М.С. Богатыри и духи рубежского анклава: о некоторых результатах причулымской экспедиции 2019 г. *Фольклор: структура*,

типология, семиотика. 2019;2(3):162–191. DOI: <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2019-3-162-191>.

17. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Санкт-Петербург: АО Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон. 1896.

18. Дыренкова Н.П. *Шорский фольклор*. Москва, Ленинград: Издательство АН СССР. 1940.

19. Функ Д.А. *Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов*. Москва: Наука. 2005.

20. Функ Д.А. *Шорский героический эпос*. Кемерово: Примула. 2010.

21. Сатанар М.Т. Особенности мифологического хронотопа в якутском и шорском эпосе. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2021;23(2):259–279. DOI: <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.039>

22. Кузьмина Е.Н. *Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов)*. Новосибирск: Издательство СО РАН. 2005.

23. Лукина Н.В., Новик Е.С. *Мифы, предания, сказки хантов и манси*. Москва: Наука. 1990.

24. Лемская В.М. Чулымско-тюркский текст. *Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов Обско-Енисейского языкового ареала*. Томск: Вайар. 2013:295–345.

25. Манджиева Б.Б. Образ богатырского коня в синьцзян-ойратской эпической традиции «Джангара». *Новый филологический вестник*. 2024;3(70):409–419.

26. *Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала* / ред. А.Ю. Фильченко. Томск: Вайар. 2013.

27. Lemskaya V. Middle Chulym: the state of the art. *Turkic Languages*. 2010;14(1):113–126 (на англ.).

28. Функ Д.А. *Телеутский фольклор*. Москва: ИЭА РАН. 2020.

29. *Махабхарата. Книга первая: Адипарва*. Москва, Ленинград: Наука. 1950.

30. Данилова А.Н. Мотив чудесного рождения героя в текстах олонхо Вилуйского региона. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017;12–4(78):17–19.

31. Ермакова Л.М. О некоторых материальных мотивах в японской мифологии. *Фольклор: структура, типология, семиотика*. 2024;7(4):42–64. DOI: <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2024-7-4-42-64>

32. Пелих Г.И. *Происхождение селькупов*. Томск: Издательство ТГУ. 1972.

33. Попов М.А., Функ Д.А. Неопубликованные нижнечулымские тексты в записи А.П. Дульзона 1948 г. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2025;1(47):160–176. DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2025-1-160-176>

References

1. Lemskaya VM, Tokmashev DM, Zimin MM, et al. Field studies of the Chulym-Turkic language: history and expeditions of 2023. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2024;2(50):120–130. DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2024-2-120-130> (in Russian).
2. Tokmashev DM, Lemskaya VM. The category of possession in the Teleut and Chulym-Turkic languages: nominal constructions. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2015;4(10):24–35 (in Russian).
3. Radlov VV. *Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungarian Steppe. Part II. Abakan (Sagai, Koibal, Kacha), Kyzyl and Chulym (Kuerik) Subdialects*. Saint Petersburg. 1868 (in Russian).
4. L-v N. Trip of His Grace Makary, Bishop of Biysk, to the Chulym foreigners of the Mariinsky district. *Tomsk Diocesan Gazette*. 1886;(8):15–21 (in Russian).
5. Malov SE. Report on the trip of the student of the Faculty of Oriental Studies Sergei Efimovich Malov. *Proceedings of the Russian Committee for the Study of Central and Eastern Asia in Historical, Archaeological and Anthropological Aspects*. Saint Petersburg. 1909;(9):35–46 (in Russian).
6. Dulzon AP. The Chulym Tatars and their language. *Scientific Bulletin of Tomsk State Pedagogical Institute*. 1952;(9):76–211 (in Russian).
7. Dulzon AP. The Chulym-Turkic language. In: *Languages of the Peoples of the USSR. Vol. II. Turkic Languages*. Moscow: Nauka. 1966:446–466 (in Russian).
8. Abdrakhmanov MA. Chulym-Turkic texts (Middle Chulym dialect). In: *Languages and Toponymy of Siberia. Vol. II*. Tomsk: Tomsk University Press. 1970:58–69 (in Russian).
9. Biryukovich RM. *Vocabulary of the Chulym-Turkic language. A manual for a special course*. Saratov: Saratov University Press. 1984 (in Russian).
10. Biryukovich RM. *The Structure of the Chulym-Turkic Language*. Doctor's dissertation (Philology). Moscow. 1980 (in Russian).
11. *Annotated Folklore Texts of the Ob-Yenisei Language Area* / ed. AYu. Filchenko. Tomsk: Veter. 2010 (in Russian).
12. Kondiyakov AF, Lemskaya VM. *The Chulym-Turkic language of the village of Pasechnoye, Tyukhtetsky District, Krasnoyarsk Krai: 2007–2021*. Tomsk: National Research Tomsk State University. 2021 (in Russian).
13. Biryukovich RM. On some historical alternations in the Chulym-Turkic language. *Problems of Altaic and Mongolian Studies. Issue 2. Linguistics Series*:

Proceedings of the All-Union Conference, Moscow: Nauka. 1975:274–279 (in Russian).

14. *Book of Remembrance of Residents of the Tomsk Region Repressed in the 1920s – Early 1950s*. Tomsk: Tomsk University Press. 2016 (in Russian).

15. Bardina PE. *Legends of the Tomsk Land: A Reader*. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. 2004 (in Russian).

16. Popov MA, Lyakhovich MS. Heroes and spirits of the Rubezhsk enclave: on some results of the Chulym expedition of 2019. *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*. 2019;2(3):162–191. DOI: <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2019-3-162-191> (in Russian).

17. *Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*. Saint Petersburg: FA. Brockhaus – IA. Efron JSC. 1896 (in Russian).

18. Dyrenkova NP. *Shor Folklore*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1940 (in Russian).

19. Funk DA. *Worlds of Shamans and Storytellers: A Comprehensive Study of Teleut and Shor Materials*. Moscow: Nauka. 2005 (in Russian).

20. Funk DA. *Shor Heroic Epic. Vol. I*. Kemerovo: Primula. 2010 (in Russian).

21. Satanar MT. Features of the mythological chronotope in the Yakut and Shor epic. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*. 2021;23(2):259–279. DOI: <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.039> (in Russian).

22. Kuzmina EN. *Index of Typical Places in the Heroic Epic of the Peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvans, Khakasses, Shors, Yakuts)*. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 2005 (in Russian).

23. Lukina NV, Novik ES. *Myths, Legends, Tales of the Khanty and Mansi*. Moscow: Nauka. 1990 (in Russian).

24. Lemskaya VM. Chulym-Turkic text. In: *Collection of Annotated Folklore and Everyday Texts of the Ob-Yenisei Language Area*. Tomsk: Vayar. 2013:295–345 (in Russian).

25. Mandzhieva BB. The image of a heroic horse in the Xinjiang-Oirat epic tradition of “Dzhangar”. *New Philological Bulletin*. 2024;3(70):409–419 (in Russian).

26. *Collection of Annotated Folklore and Everyday Texts of the Ob-Yenisei Language Area* / ed. AYu. Filchenko. Tomsk: Vayar. 2013 (in Russian).

27. Lemskaya V. Middle Chulym: the state of the art. *Turkic Languages*. 2010;14(1):113–126.

28. Funk DA. *Teleut Folklore*. Moscow: IEA RAS. 2020 (in Russian).

29. *The Mahabharata. Book One: Adi Parva*. Moscow; Leningrad: Nauka. 1950 (in Russian).

30. Danilova AN. The motif of hero's miraculous birth in the texts of the olonkho of the Vilyuysk region. *Philology. Theory & Practice*. 2017;12–4(78):17–19.

31. Ermakova LM. On some continental motifs in Japanese mythology. *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*. 2024;7(4):42–64. DOI: <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2024-7-4-42-64> (in Russian).

32. Pelikh GI. *The Origin of the Selkups*. Tomsk: Tomsk State University Press. 1972 (in Russian).

33. Popov MA, Funk DA. Unpublished Lower Chulym Texts Recorded by AP. Dulzon in 1948. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2025;1(47):160–176. DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2025-1-160-176> (in Russian).

Об авторах

ЛЕМСКАЯ Валерия Михайловна – кандидат филологических наук, заместитель директора, Институт иностранных языков и международного сотрудничества, Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3644-3463>, WoS ResearcherID AAQ-6548-2021, Scopus Author ID 57148428900, Elibrary AuthorID: 600011; SPIN: 4639-0510, e-mail: lemskaya@tspu.ru

ПОПОВ Михаил Андреевич – докторант, Департамент социологии и антропологии, Еврейский университет в Иерусалиме, Иерусалим, Израиль, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0445-6930>, Elibrary AuthorID: 1057160; e-mail: mikhail.popov@mail.huji.ac.il

About the authors

Valeriya M. LEMSKAYA – Cand. Sci. (Philology), Deputy Director, Institute of Foreign Languages and International Cooperation, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3644-3463>, WoS ResearcherID: AAQ-6548-2021, Scopus Author ID: 57148428900, Elibrary AuthorID: 600011; SPIN: 4639-0510, e-mail: lemskaya@tspu.ru

Mikhail A. POPOV – Ph.D. Student, Department of Sociology and Anthropology, Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0445-6930>, Elibrary AuthorID: 1057160, e-mail: mikhail.popov@mail.huji.ac.il

Вклад авторов

Лемская В.М. – общее руководство исследованием, разработка концепции и методологии, расшифровка языковых данных, лингвистический анализ текста, создание черновика рукописи

Попов М.А. – организация доступа к оригиналу рукописного текста, историко-этнографический анализ текста, его интерпретация, анализ параллелей сюжета и мотивов в фольклоре других народов мира, создание черновика рукописи

Authors' contribution

Valeriya M. Lemskaya – overall research management, concept and methodology development, language data deciphering, linguistic analysis of the text, drafting the manuscript

Mikhail A. Popov – organizing access to the original manuscript, historical and ethnographic analysis of the text, its interpretation, analysis of parallels in the plot and motifs in the folklore of other peoples of the world, drafting the manuscript

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 29.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 06.03.2026

Принята к публикации / Accepted 15.03.2026

УДК 316.4

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-87-105>

Оригинальная научная статья

Этнокультурная уязвимость как измерение цифрового неравенства (социологическое исследование в Республике Саха (Якутия))

Е. Г. Маклашова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН, Якутск, Россия
 maklashova@mail.ru

Аннотация

Цифровизация, декларируемая как инструмент модернизации, одновременно порождает новые формы неравенства, среди которых особое место занимает этнокультурная уязвимость. Для полиэтнических регионов, таких как Республика Саха (Якутия), вопрос о влиянии цифрового разрыва на сохранение языков, культурных практик и идентичностей приобретает критическое значение. Цель исследования заключается в обосновании выделения этнокультурной уязвимости в качестве самостоятельного измерения цифрового неравенства, при этом определить группы населения, наиболее подверженные данному риску, и обнаружить дифференцированную чувствительность компонентов этнокультурного капитала к качеству интернет-связи. Эмпирическую базу составил массовый опрос населения Якутии (n=1318, 2025 г.), проведенный отделом этносоциологии ИГиИПМНС СО РАН с использованием многоступенчатой квотной выборки. Применены методы факторного и корреляционного анализа. Инструментарий исследования базировался на многокомпонентной модели социального самочувствия (разработка отдела этносоциологии ИГиИПМНС СО РАН), включающей четыре блока: эмоциональное настроение, социально-экономическое состояние, политико-правовая оценка и духовно-культурное состояние. С учетом инфраструктурной и компетентностной уязвимости, выделена этнокультурная. Этнокультурная уязвимость имеет ярко выраженную языковую природу и концентрируется среди коренных малочисленных народов Севера. Показано, что языковые практики и конструируемые идентичности (гражданская, региональная, северная) чувствительны к качеству интернет-связи, тогда как глубинная этническая идентичность остается устойчивой. Полученные результаты вносят вклад в теорию цифрового неравенства, обосновывая выделение этнокультурной уязвимости как самостоятельного измерения. Практическая значимость

© Маклашова Е. Г., 2026

заключается в необходимости целенаправленной политики, включающей создание многоязычного цифрового контента и развитие цифровой грамотности с учетом этнокультурной специфики.

Ключевые слова: цифровое неравенство, этнокультурная уязвимость, коренные малочисленные народы Севера, Республика Саха (Якутия), языковые практики, идентичность, социальное самочувствие, цифровая среда, арктический регион, факторный анализ

Финансирование. Исследование выполнено в рамках Госзадания №075-00619-26-00 (проект НИР № FWRS-2024-0063)

Для цитирования: Маклашова Е.Г. Этнокультурная уязвимость как измерение цифрового неравенства (социологическое исследование в Республике Саха (Якутия)). *Арктика XXI век*. 2026;14(1):87–105. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-87-105>

Original article

Ethnocultural vulnerability as a dimension of digital inequality (a sociological study in the Republic of Sakha (Yakutia))

Elena G. Maklashova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
Yakutsk, Russia
 maklashova@mail.ru

Abstract

Digitalization, proclaimed as a tool of modernization, simultaneously generates new forms of inequality, among which ethnocultural vulnerability occupies a special place. For multi-ethnic regions such as the Republic of Sakha (Yakutia), the issue of how the digital divide affects the preservation of languages, cultural practices, and identities becomes critically important. The objective is to substantiate the identification of ethnocultural vulnerability as an independent dimension of digital inequality, to determine the population groups most exposed to this risk, and to detect the differentiated sensitivity of the components of ethnocultural capital to the quality of Internet connectivity. The empirical basis is a mass survey of the population of Yakutia (n=1318, 2025), conducted by the Department of Ethnosociology of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, using a multi-stage quota sample. Factor analysis and correlation analysis were applied. The research toolkit was based on a multicomponent model of social well-being (developed by the Department of

Ethnosociology of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, SB RAS), which includes four blocks: emotional mood, socio-economic status, political-legal assessment, and spiritual-cultural status. Alongside infrastructural and competence-based vulnerability, ethnocultural vulnerability is identified. Ethnocultural vulnerability has a pronounced linguistic nature and is concentrated among the Indigenous Peoples of the North. It is shown that language practices and constructed identities (civic, regional, northern) are sensitive to the quality of Internet connectivity, while deep ethnic identity remains stable. The obtained results contribute to the theory of digital inequality by substantiating the identification of ethnocultural vulnerability as an independent dimension. The practical significance lies in the need for a targeted policy that includes the creation of multilingual digital content and the development of digital literacy taking into account ethnocultural specifics.

Keywords: digital inequality, ethnocultural vulnerability, Indigenous Peoples of the North, Republic of Sakha (Yakutia), language practices, identity, social well-being, digital environment, Arctic region, factor analysis

Funding. The research was carried out within the framework of the State Assignment No. 075-00619-26-00 (Research Project No. FWRS-2024-0063)

For citation: Maklashova E.G. Ethnocultural vulnerability as a dimension of digital inequality (a sociological study in the Republic of Sakha (Yakutia)). *Arctic XXI Century*. 2026;14(1):87–105 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-87-105>

Введение

Цифровая трансформация современного общества несет в себе двойственный характер. С одной стороны, она открывает новые возможности для доступа к информации, образования и самореализации. С другой – становится катализатором новых форм социального неравенства, в том числе цифрового, которое уже не сводится к простому наличию или отсутствию интернета. В научной литературе выделяются многоуровневые системы цифрового неравенства: от базового доступа к инфраструктуре и цифровой грамотности до способности извлекать реальную выгоду из технологий и противостоять алгоритмической предвзятости [1; 2].

Для полиэтничных регионов, таких как Республика Саха (Якутия), особую значимость приобретает вопрос о том, как цифровой разрыв влияет на сохранение и развитие этнокультурного многообразия. Исследования последних лет фиксируют, что проблема цифрового неравенства в таких регионах усугубляется многоязычием, культурными традициями и недостаточной технологической инфраструктурой [3; 4; 5].

В российской социологии накоплен значительный опыт изучения цифрового неравенства и его социальных последствий. Е.Л. Вартанова и А.А. Гладкова предложили комплексное определение цифрового неравенства, охватывающее технологические, экономические и индивидуальные факторы [1]. С.П. Земцов обосновал концепцию четвертого уровня цифрового неравенства, связанного с внедрением искусственного интеллекта [2]. В русле теории П. Бурдьё коллективом авторов под руководством П.П. Дерюгина разработана методология диагностики цифрового капитала, выявляющая феномены «ложной инклюзии» и кумулятивного преимущества [6]. С.С. Красных в исследовании социокультурных барьеров цифровой трансформации подчеркнул, что для полиэтнических регионов характерны нехватка цифрового контента на национальных языках и консервативное отношение части общества к инновациям [3]. Утрата языков коренных народов напрямую связана с угасанием традиционной культуры и традиционного образа жизни народов, с обеднением этнического и языкового многообразия, пишут В.В. Доржиева и О.Ю. Слепцова, которые сравнили опыт Канады и России в сохранении языков коренных народов, где значительную роль в деле сохранения и возрождения языков аборигенных народов в Канаде играют университеты, ставшие центрами по научно-педагогическому сопровождению процесса [7].

Применительно к Республике Саха (Якутия) важные эмпирические результаты получены в работах А.Е. Захаровой, которая на основе массовых опросов установила, что неравномерность материально-технического оснащения и качества связи становятся ключевыми детерминантами цифрового разрыва между городом и селом, а форсированная пандемией цифровизация привела к росту психологической напряженности [8]. В период пандемии COVID-19 вынужденный переход на дистанционное обучение наиболее остро высветил проблемы сельских школ, где темпы цифрового оснащения и качество интернет-доступа оказались существенно ниже городских, что спровоцировало углубление цифрового разрыва и рост образовательного неравенства, ограничив равные возможности для детей из сельской местности» [9]

Особый интерес для нашей работы представляют публикации последних лет, посвященные языковой ситуации в Якутии. Ч.Н. Гаврильев и И.И. Подойницына на основе комплекса количественных и качественных методов выявили, что медиапотребление на якутском языке сокращается, особенно среди молодежи, а контент на национальных языках неконкурентоспособен в цифровой среде [10]. П.Е. Прокопьева в исследовании современной социолингвистической ситуации у юкагиров

обобщила статистические данные и полевые материалы, показав, что даже при росте этнического самосознания (число людей, считающих юкагирский родным, увеличилось) реальное владение языком сокращается, а межпоколенческая передача прервана [11].

Ф.В. Габышева в статье о развитии многоязычия в условиях цифровизации языкового наследия обосновывает необходимость мониторинга языковой ситуации и внедрения цифровых образовательных ресурсов на родных языках [12].

В этом контексте возникает необходимость обосновать выделение этнокультурной уязвимости как специфического измерения цифрового неравенства, отражающего степень риска ослабления языковых практик, культурной идентичности и межэтнического согласия под влиянием неравномерного доступа к цифровой среде. В данной работе мы исходим из понимания социального самочувствия, разработанного в отделе этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН: социальное самочувствие – комплексная оценка состояния самосознания личности/группы, отражающая ощущения, осмысление и объективизацию социальных отношений, предопределяющих стратегии адаптации [13; 14]. В этом определении этнокультурный блок занимает особое место, включая оценку положения родного языка, идентичности и культурных практик.

Цель исследования, представленного в данной статье – выявить и описать феномен этнокультурной уязвимости как специфического измерения цифрового неравенства в Республике Саха (Якутия) (далее – РС(Я)), определить группы населения, наиболее подверженные данному риску, и установить механизмы его влияния на этнокультурный капитал.

Гипотеза состоит в том, что цифровой разрыв в полиэтничном регионе как РС(Я) порождает особый тип уязвимости – этнокультурный, который по-разному отражается на ключевые этнические группы, проживающие на территории региона. При этом цифровая среда дифференцированно влияет на различные компоненты этнокультурного капитала, в силу их разной чувствительности к доступу к интернет-связи.

Под этнокультурной уязвимостью в данной работе понимается комплексный феномен, отражающий степень риска ослабления языковых практик, конструируемых идентичностей и межпоколенческой передачи культурного наследия под влиянием неравномерного доступа к цифровой среде. В отличие от инфраструктурного (связанной с доступом) и компетентностного (связанной с навыками) измерений цифрового разрыва, этнокультурная уязвимость имеет ярко выраженную языковую природу и связана с недостаточной представленностью языка и культурного опыта группы в цифровом пространстве. Как отмечает

С.С. Красных, в условиях цифровой трансформации возрастают риски «цифровой ассимиляции», искажения культурных смыслов при их оцифровке и «цифрового отчуждения» от собственной культурной идентичности [3, с. 6]. Данные риски особенно актуальны для коренных малочисленных народов, чьи языки и практики слабо интегрированы в цифровую среду.

Этнокультурный капитал, выступающий в нашем исследовании ключевым теоретическим конструктом, понимается как совокупность ресурсов, связанных с языком, идентичностью, культурными практиками и межпоколенческой передачей традиций, которые могут быть конвертированы в социальные преимущества или, напротив, оказаться уязвимыми под воздействием внешних факторов. Вслед за С.С. Красных, мы рассматриваем этнокультурный капитал как многокомпонентную структуру, включающую «языковое наследие, традиционные ценности и механизмы их трансляции» [3, с. 5]. Операционализация данного понятия в настоящем исследовании осуществлена через факторы, выделенные в результате факторного анализа (авторская многокомпонентная модель социального самочувствия): F5 «Язык как символ и практика» (удовлетворенность положением родного языка, его использование в семье), F11 «Сила этнической идентичности» (гордость своей национальностью) и факторы, отражающие конструируемые идентичности – гражданскую, региональную и северную; F10 «Культурный релятивизм» (отношение к поликультурности и представителям других культур).

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили данные массового социологического опроса населения Республики Саха (Якутия), проведенного в 2024–2025 гг. отделом этносоциологии ИГГиПМНС СО РАН (авторская разработка коллектива отдела этносоциологии: Е.Г. Маклашова, И.И. Подойницына, О.В. Васильева, А.Е. Захарова, А.Г. Томаска, С.М. Баишева, В.Е. Охлопков, Н.А. Аргылов, Ю.Г. Степанова, Д.Н. Филиппова, М.М. Попова). Генеральная совокупность – 1001664 чел. (данные на 2024 г.)⁵. Выборочная совокупность (n=1318) сформирована по многоступенчатой квотной выборке с учетом зоны проживания (Центральная, Южная, Восточная, Западная и Арктическая Якутия), типа поселения (город/село), пола и возраста. Доверительная вероятность – 97%. Процедура сбора данных включала три метода: интернет-опрос,

⁵ Республика Саха (Якутия) в цифрах: Краткий статистический сборник. Якутск: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). 2025.

классический опрос «face-to-face» и опрос с привлечением общественных корреспондентов.

Инструментарий исследования базировался на авторской многокомпонентной модели социального самочувствия (СС), включающей четыре блока: эмоциональное настроение, социально-экономическое состояние, политико-правовая оценка и духовно-культурное состояние. Для целей настоящей статьи основной фокус сделан на духовно-культурном блоке, операционализированном через индикаторы удовлетворенности положением родного языка, практики его использования, этнической идентичности, гражданской, региональной и северной идентичностей, а также оценки межнациональных отношений.

Статистическая обработка данных выполнена в программе SPSS версия 24. Применены методы факторного анализа (метод главных компонент с варимакс-вращением) для редукции данных и выделения латентных факторов, а также сравнение средних значений, корреляционный анализ (коэффициент Спирмена) для оценки связи между качеством интернет-связи и выделенными факторами духовно-культурного блока. Для оценки силы связи использовалась шкала: очень высокая (разрыв $>1,0$), высокая ($0,5-1,0$), средняя ($0,3-0,5$), низкая ($0,1-0,3$), невыраженная ($<0,1$).

Результаты и обсуждение

В результате факторного анализа 37 валидных переменных, отражающих теоретическую модель социального самочувствия, была подтверждена высокая адекватность выборки ($KMO = 0,816$; χ^2 Бартлетта = 6377,122, $p = 0,000$). Выделено 11 факторов, объясняющих 57,6% суммарной дисперсии. В духовно-культурном блоке интерпретированы факторы: F4 «Гражданственность и патриотизм как основа позитивной этнической идентичности», F5 «Язык как символ и практика», F10 «Культурный релятивизм», F11 «Сила этнической идентичности».

Для проверки гипотезы о влиянии цифрового разрыва на этнокультурный капитал (переменные духовно-культурного блока многомерной модели СС) проведен анализ средних значений выделенных факторов в группах респондентов с разной оценкой качества интернет-связи в месте проживания (табл. 1). Зафиксирована дифференцированная чувствительность компонентов этнокультурного капитала к качеству интернет-связи.

Таблица 1

**Сравнение средних значений факторов духовно-культурного блока
многомерной модели СС в группах разной оценкой качества
интернет-связи (средние стандартизованные значения)**

Table 1

**Comparison of mean values of the spiritual and cultural block factors
of the multidimensional model of social well-being in groups with different
assessments of internet connection quality (standardized mean values)**

Блок СС	Фактор	Оценка качества интернет-связи				Разрыв	Сте- пень раз- личия разры- ва
		Полно- стью не удов- летво- рен	Ско- рее не удов- летво- рен	Скорее удов- летво- рен	Полно- стью удов- летво- рен		
Эмоцио- нальный	F1 Субъек- тивное бла- гополучие	0,008	-0,203	-0,064	0,404	+0,396	Высо- кая
Социаль- но-эко- номиче- ский	F2 Цен- ность ответ- ственности и самореа- лизации	0,174	-0,018	-0,071	0,054	-0,120	Об- ратная, низкая
	F3 Социаль- ный статус и мобиль- ность	-0,237	0,016	0,031	0,128	+0,365	Высо- кая
	F6 – Удов- летворен- ность каче- ством жиз- ни	-0,727	-0,263	0,103	0,717	+1,444	Очень высо- кая
	F9 Соци- альная ак- тивность и самообеспе- чение	0,04	-0,13	0,00	0,16	+0,119	Низкая

Политико-правовой	F7 Социальное доверие	-0,04	-0,006	-0,02	0,09	+0,125	Низкая
	F8 Основы государственной национальной политики РФ	-0,015	0,116	0,047	-0,307	-0,292	Обратная, средняя
Духовно-культурный	F4 Гражданственность и патриотизм как основа позитивной этнической идентичности	-0,171	-0,067	0,054	0,097	+0,268	Средняя
	F5 Язык как символ и практика	-0,390	-0,019	0,131	-0,001	+0,389	Высокая
	F10 Культурный релятивизм	-0,06	-0,02	0,01	0,03	+0,095	Не выраженная
	F11 Сила этнической самоидентификации	0,07	0,02	0,00	-0,08	-0,152	Обратная, низкая
Интегральный	Индекс социального самочувствия	-0,115	-0,063	0,013	0,144	+0,259	Средняя

Наиболее значимая связь в рамках духовно-культурного блока выявлена по фактору F5 «Язык как символ и практика» (разрыв средних значений между группами с наихудшим и наилучшим качеством интернета составляет 0,389). Это указывает на то, что качество интернет-связи существенно влияет на оценку положения родного языка и практику его использования. Фактор F4 «Гражданственность и патриотизм как основа позитивной этнической идентичности» демонстрирует менее выраженную связь (разрыв 0,268), что говорит о его относительной устойчивости к цифровому разрыву.

Для более детальной верификации выявленных закономерностей был проведен корреляционный анализ отдельных индикаторов, входящих в состав факторов F5 и F11 (табл. 2).

Таблица 2
Этнокультурный капитал: связь с качеством интернет-связи

Table 2
Ethnocultural capital: association with internet connection quality

Индикатор	Статистические показатели	Характер связи
Удовлетворенность положением родного языка (F5)	$\chi^2 = 103,027$ ($df = 9$; $p < 0,001$); $r_s = 0,236$ ($p < 0,001$)	Слабая, умеренная
Практика разговаривать на родном языке в семье (F5)	$\chi^2 = 40,013$ ($df = 9$; $p < 0,001$); $r_s = 0,094$ ($p = 0,001$)	Слабая, умеренная
Сила этнической идентичности (F11)	$\chi^2 = 42,602$ ($df = 12$; $p < 0,001$); $r_s = 0,077$ ($p = 0,007$)	Очень слабая
Гражданская идентичность (F11)	$\chi^2 = 17,272$ ($df = 3$; $p < 0,001$); $r_s = 0,119$ ($p < 0,001$)	Слабая, умеренная
Региональная (республиканская) идентичность (F11)	$\chi^2 = 22,091$ ($df = 3$; $p < 0,001$); $r_s = 0,118$ ($p < 0,001$)	Слабая, умеренная
Пространственная (северная) идентичность (F11)	$\chi^2 = 8,453$ ($df = 3$; $p = 0,038$); $r_s = 0,087$ ($p = 0,004$)	Очень слабая, умеренная

Представленные данные подтверждают дифференцированную чувствительность компонентов этнокультурного капитала. Языковые практики (удовлетворенность положением языка и его использование в семье) демонстрируют статистически значимую, хотя и умеренную по силе связь с качеством интернета. Сила этнической идентичности (гордость своей национальностью) практически не зависит от цифрового разрыва, что указывает на устойчивость глубинного этнического чувства. В то же время конструируемые идентичности (гражданская, региональная, северная) обнаруживают слабую, но значимую связь, что позволяет говорить об их большей подвижности и чувствительности к цифровой среде.

Однако приведенные корреляции не учитывают этническую дифференциацию. Детализация по этническим группам (табл. 3) показывает, что связь между качеством интернета и языковыми практиками неоднородна и наиболее остро проявляется у коренных малочисленных народов Севера.

Таблица 3

Языковая уязвимость: сравнение этнических групп

Table 3

Linguistic vulnerability: a comparison of ethnic groups

Переменная	Русские	Якуты	Коренные малочисленные народы Севера
Удовлетворенность положением языка			
Статистические показатели	$\chi^2 = 14,285$ ($df = 9$; $p = 0,113$)	$\chi^2 = 69,521$ ($df = 9$; $p < 0,001$; $r_s = 0,237$ ($p < 0,001$)	$\chi^2 = 19,945$ ($df = 9$; $p = 0,018$; $r_s = 0,348$ ($p < 0,001$)
Характер связи	Не значимо	Слабая связь	Умеренная связь
Плохое качество интернета VS полностью неудовлетворенные	4,9%	16,1%	25,8%
Плохое качество интернета VS полностью удовлетворенные	0%	7,0%	0%
Практика разговаривать на родном языке в семье			
Статистические показатели	$\chi^2 = 8,954$ ($df=9$; $p=0,442$)	$\chi^2 = 17,733$ ($df = 9$; $p = 0,038$; $r_s = 0,049$ ($p = 0,193$)	$\chi^2 = 19,203$ ($df = 9$; $p = 0,024$; $r_s = 0,277$ ($p = 0,004$)
Характер связи	Не значимо	На грани значимости	Слабая связь
Плохое качество интернета VS не говорящие	9,3%	6,1%	41,9%
Плохое качество интернета VS говорящие	7,0%	0,8%	25,0%
Доля респондентов, проживающих в Арктике, где высокий уровень неудовлетворенных качеством интернет-связи	6,7%	23,0%	66,7%

Для коренных малочисленных народов Севера связь наиболее сильная: при плохом интернете доля полностью неудовлетворенных положением языка составляет 25,8% (16,1% у якутов), а доля не использующих родной язык в семье – 41,9% (6,1% у якутов). Это объясняется как состоянием языков, так и высокой концентрацией представителей коренных малочисленных народов Севера в Арктической зоне (66,7%), где качество связи минимально.

Выше было показано, что в целом по массиву сила этнической идентичности практически не зависит от качества интернета. Этнический срез (табл. 4) позволяет уточнить: для разных групп эта связь остается крайне слабой или статистически незначимой, что подтверждает устойчивость глубинного этнического чувства. Даже в группе с плохим интернетом высокий уровень гордости за свою этническую принадлежность демонстрируют 53,3% русских, 59,0% якутов и 63,6% коренных малочисленных народов Севера, что подтверждает устойчивость глубинного этнического чувства.

Таблица 4

Сила этнической идентичности (F11): связь с качеством интернет-связи (этнический срез)

Table 4

Strength of ethnic identity (F11): association with internet connection quality (by ethnic group)

Переменная	Русские	Якуты	Коренные малочисленные народы Севера
Я горжусь своей национальностью			
Статистические показатели	$\chi^2 = 17,838$ ($df = 12$; $p = 0,121$)	$\chi^2 = 36,686$ ($df = 12$; $p < 0,001$); $r_s = 0,080$ ($p = 0,031$)	$\chi^2 = 7,173$ ($df=12$; $p=0,846$);
Характер связи	Не значимо	Очень слабая	Не значимо
Высокий уровень гордости VS плохое качество интернета	53,3%	59,0%	63,6%
Высокий уровень гордости VS хорошее качество интернета	65,9%	69,7%	66,7%

В то же время конструируемые идентичности (гражданская, региональная, северная) и оценка межнациональных отношений демонстрируют слабую, но статистически значимую связь с качеством интернет-связи (табл. 5).

Таблица 5

Идентичности: связь с качеством интернет-связи (этнический срез)

Table 5

Identities: association with internet connection quality (by ethnic group)

Переменная	Русские	Якуты	Коренные малочисленные народы Севера
Важно чувствовать себя гражданином России			
Статистические показатели	$\chi^2 = 6,681$ ($df=3$; $p=0,083$)	$\chi^2 = 14,019$ ($df=3$; $p=0,003$); $r_s = 0,142$ ($p<0,001$)	$\chi^2 = 0,967$ ($df=3$; $p=0,809$)
Характер связи	Не значимо	Слабая связь	Не значимо
Важность гражданской идентичности VS плохое качество интернета	73,2%	67,4%	75,9%
Важность гражданской идентичности VS хорошее качество интернета	90,2%	87,4%	72,7%
Важно чувствовать себя жителем Якутии			
Статистические показатели	$\chi^2 = 1,703$ ($df=3$; $p=0,636$)	$\chi^2 = 16,964$ ($df=3$; $p<0,001$); $r_s = 0,102$ ($p=0,007$)	$\chi^2 = 4,103$ ($df=3$; $p=0,251$); $r_s = 0,034$ ($p<0,743$)
Характер связи	Не значимо	Слабая связь	Не значимо
Важность региональной идентичности VS плохое качество интернета	55,0%	75,0%	72,7%
Важность региональной идентичности VS хорошее качество интернета	60,5%	83,2%	100%

Важно чувствовать себя жителем Севера			
Статистические показатели	$\chi^2 = 7,847$ ($df = 3$; $p = 0,049$); $r_s = 0,148$ ($p = 0,021$)	$\chi^2 = 5,907$ ($df = 3$; $p = 0,116$)	$\chi^2 = 7,735$ ($df = 3$; $p = 0,0525$); $r_s = 0,034$ ($p < 0,743$)
Характер связи	На грани значимости	Не значимо	На грани значимости, связь отсутствует
Важность пространственной идентичности VS плохое качество интернета	42,1%	65,9%	77,4%
Важность пространственной идентичности VS хорошее качество интернета	65,7%	77,3%	100%

У якутов качество интернета слабое, это значимо связано с гражданской и региональной идентичностью. У русских – с северной идентичностью. У коренных малочисленных народов Севера эти связи статистически не подтверждены, что может быть обусловлено высокой концентрацией в зонах инфраструктурного дефицита, нивелирующего возможность использования цифровой среды для конструирования идентичностей.

Таким образом, эмпирические данные, полученные в рамках духовно-культурного блока многомерной модели социального самочувствия, позволяют эмпирически обосновать выделение этнокультурной уязвимости как самостоятельного измерения цифрового неравенства. В отличие от инфраструктурной (связанной с доступом) и компетентностной (связанной с навыками) уязвимостей, этнокультурная уязвимость имеет специфическую природу: она проявляется в ослаблении языковых практик и конструируемых идентичностей под влиянием цифрового разрыва, при сохранении глубинной этнической идентичности.

Наиболее уязвимой группой выступают коренные малочисленные народы Севера. Это подтверждает тезис С.С. Красных о том, что проблема цифрового неравенства в полиэтнических регионах усугубляется многоязычием и недостатком контента на национальных языках [7]. Для коренных малочисленных народов Севера цифровая изоляция оборачивается не только бытовыми неудобствами, но и реальным

ослаблением языковых практик, что создает риск утраты языкового разнообразия.

Дифференциация влияния цифрового разрыва на различные компоненты этнокультурного капитала (языковые практики чувствительны, этническая идентичность устойчива) вносит вклад в теоретическое осмысление механизмов культурной трансформации в цифровую эпоху. Устойчивость глубинной этнической идентичности свидетельствует о том, что цифровая среда не разрушает фундаментальные культурные ценности, но может ослаблять их повседневное воспроизводство, если не созданы условия для их цифровой поддержки.

Слабая, но значимая связь качества интернета с конструируемыми идентичностями (гражданской, региональной, северной) и с оценкой межнациональных отношений у якутов и русских указывает на то, что цифровая среда становится важным пространством для формирования этих идентичностей. Это требует особого внимания к содержанию регионального и этнокультурного контента, а также к развитию доверия к информации, распространяемой в цифровых каналах.

В нашем исследовании для коренных малочисленных народов Севера, проживающих преимущественно в Арктике, инфраструктурный дефицит накладывается на этнокультурный, создавая эффект кумулятивной уязвимости. Это подтверждает, что этнокультурная уязвимость как комплексный феномен действительно проявляется в кумулятивном эффекте инфраструктурного и этнокультурного дефицита.

Заключение

Проведенное исследование позволило обосновать выделение этнокультурной уязвимости в качестве самостоятельного измерения цифрового неравенства, а также обнаружить дифференцированную чувствительность компонентов этнокультурного капитала к качеству интернет-связи. В Республике Саха (Якутия) этот тип уязвимости имеет ярко выраженную языковую природу и концентрируется среди коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Арктической зоне. Показано, что языковые практики и конструируемые идентичности оказываются чувствительными к качеству интернет-связи, тогда как глубинная этническая идентичность остается устойчивой.

Практическая значимость работы заключается в обосновании необходимости целенаправленной политики преодоления этнокультурной уязвимости. Для снижения выявленных рисков требуются не только развитие цифровой инфраструктуры, но и комплекс мер, включающий: создание цифрового контента на родных языках; поддержку многоязычных платформ; развитие языковых практик в цифровой среде; а также

программы цифровой грамотности, учитывающие этнокультурную специфику коренных малочисленных народов Севера. При этом ключевым условием эффективности этих мер является обеспечение стабильного и качественного доступа к интернету, в том числе в труднодоступных районах Арктической зоны, где проживает значительная часть представителей данной группы.

Фундаментальное значение работы состоит в развитии теории цифрового неравенства через введение понятия этнокультурной уязвимости, операционализированного в системе эмпирических индикаторов, и выявлении дифференцированной чувствительности компонентов этнокультурного капитала к цифровому разрыву. Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ этнокультурной уязвимости в разных арктических регионах, а также на изучение роли искусственного интеллекта и алгоритмов в воспроизводстве языкового и культурного неравенства коренных малочисленных народов Севера.

Сокращения

ИГИиПМНС СО РАН – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук

РС(Я) – Республика Саха (Якутия)

СС – социальное самочувствие

Литература

1. Вартанова Е.Л., Гладкова А.А. Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2021;(1):3–29. DOI: <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.329>

2. Земцов С.П. Цифровое неравенство и региональное развитие в России в условиях распространения технологий искусственного интеллекта. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2025;2(67):225–233. DOI: https://doi.org/10.31737/22212264_2025_2_225-233

3. Красных С.С. Преодоление социокультурных барьеров цифровой трансформации в полиэтнических регионах. *Информационное общество*. 2025;(6):2–11.

4. Данилова Р.А., Иванова Н.И. Кросскультурный анализ языковых практик и языковых установок русской молодежи и молодежи саха (на материале г. Якутска и Таттинского улуса). *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2024;4(49):187–198. DOI: <https://doi.org/10.25693/SVG.V.2024.49.4.015>

5. Иванов В.В., Малышева Н.В. Лингвистические особенности живой речи анабарских долган (на материале экспедиционной работы). *Вестник СВФУ*. 2023;20(4):84–93. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2023-20-4-84-93>
6. Дерюгин П.П., Милецкий В.П., Павлов А.В., Эсселевич Э.А. Социологическая диагностика цифрового капитала как фактора цифрового неравенства: апробация методологической модели. *Дискурс*. 2025;11(5):105–125. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-5-105-125>
7. Доржиева В.В., Слепцова О.Ю. Сохранение и возрождение языков коренных малочисленных народов в современных полиэтничных государствах (на примере Канады и России). *Манускрипт*. 2021;14(4):660–666. DOI: <https://doi.org/10.30853/mns210132>
8. Захарова А.Е. Цифровая трансформация в образовании: социальное самочувствие и стратегии адаптации (на примере Республики Саха (Якутия)). *Социодинамика*. 2023;(12):71–80. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2023.12.69288>
9. Захарова А.Е., Миронова А.Н. Анализ особенностей организации дистанционного образования в сельских школах Республики Саха (Якутия): по результатам социологических исследований. *Современные проблемы науки и образования*. 2022;(6-1):86–95. DOI: <https://doi.org/10.17513/spno.32349>
10. Гаврильев Ч.Н., Подойницына И.И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия). *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2024;(2):81–93. DOI: <https://doi.org/10.53598/2410-3691-2024-2-339-81-93>
11. Прокопьева П.Е. Современная социолингвистическая ситуация у юкагиров. *Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*. 2024;(46):65–74. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2024-46-65-74>
12. Габышева Ф.В. Развитие многоязычия в условиях цифровизации языкового наследия народов Якутии. *Проблемы востоковедения*. 2025;(1):25–32.
13. Маклашова, Е.Г. Социальное самочувствие населения полиэтнического региона: этносоциальные особенности (по материалам социологического исследования в Якутии). *Respublica Literaria*. 2024;5(1):84–99. DOI: <https://doi.org/10.47850/RL.2024.5.1.84-99>
14. Маклашова Е.Г., Васильева О.В., Томаска А.Г. и др. *Республика Саха (Якутия) и большие вызовы: социальное самочувствие, стратегии адаптации населения*. Новосибирск: Новосибирское отделение издательства «Наука». 2024.

References

1. Vartanova EL, Gladkova AA. Digital inequality, digital capital, digital inclusion: dynamics of theoretical approaches and policy solutions.

Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism. 2021;(1):3–29. DOI: <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.329> (in Russian).

2. Zemtsov SP. Digital inequality and regional development in Russia in the context of artificial intelligence technologies diffusion. *The Journal of the New Economic Association.* 2025;2(67):225–233. DOI: https://doi.org/10.31737/22212264_2025_2_225-233 (in Russian).

3. Krasnykh SS. Sociocultural Risks of Digital Transformation of Multi-Ethnic Regions. *Information Society.* 2025;(6):2–11 (in Russian).

4. Danilova RA, Ivanova NI. Cross-cultural analysis of language practices and attitudes among Russian and Sakha youth (based on Yakutsk and Tattinsky Ulus). *North-Eastern Journal of Humanities.* 2024;4(49):187–198. DOI: <https://doi.org/10.25693/SVG.V.2024.49.4.015> (in Russian).

5. Ivanov VV, Malysheva NV. Linguistic features of spontaneous speech of the Anabar Dolgans (on the material of the expedition work). *Vestnik of NEFU.* 2023;20(4):84–93. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2023-20-4-84-93> (in Russian).

6. Deryugin PP, Miletsky VP, Pavlov AV, Esselevich EA. Sociological diagnostics of digital capital as a factor of digital inequality: testing of a methodological model. *Discourse.* 2025;11(5):105–125. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-5-105-125> (in Russian)

7. Dorzheeva VV, Sleptsova OY. Modern Multiethnic States' Activity to Preserve and Revitalize Indigenous Languages (by the Example of Canada and Russia). *Manuskript.* 2021;14(4):660–666. DOI: <https://doi.org/10.30853/mns210132> (in Russian).

8. Zakharova AE. Digital transformation in education: social well-being and adaptation strategies (on the example of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Sociodynamics.* 2023;(12):71–80. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2023.12.69288> (in Russian).

9. Zakharova AE, Mironova AN. Analysis of Peculiarities of Distance Education in Rural Schools in the Republic of Sakha (Yakutia): Based on the Results of Sociological Research. *Modern Problems of Science and Education.* 2022;(6-1):86–95. DOI: <https://doi.org/10.17513/spno.32349> (in Russian).

10. Gavril'yev ChN, Podoynitsyna II. Language situation in the Republic of Sakha (Yakutia). *Bulletin of the Adyghe State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Culturology.* 2024;(2):81–93. DOI: <https://doi.org/10.53598/2410-3691-2024-2-339-81-93> (in Russian).

11. Prokopeva PE. The Modern Sociolinguistic Situation among Yukaghirs. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography FEB RAS.*

2024;(46):65–74. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2024-46-65-74> (in Russian).

12. Gabysheva FV. Development of multilingualism in the context of digitalization of the linguistic heritage of the peoples of Yakutia. *Problems of Oriental Studies*. 2025;(1):25–32 (in Russian).

13. Maklashova, EG. Social Well-being of the People in Polyethnic Region: Ethnosocial Features (Based on Sociological Research in Yakutia). *Respublica Literaria*. 2024;5(1):84–99. DOI: <https://doi.org/10.47850/RL.2024.5.1.84-99> (in Russian).

14. Maklashova EG, Vasilieva OV, Tomaska AG, ets. *Republic of Sakha (Yakutia) and Big Challenges: Social Well-being, Adaptation Strategies of the Population*. Novosibirsk: Nauka. 2024 (in Russian).

Сведения об авторе

МАКЛАШОВА Елена Гавриловна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, отдел этносоциологии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5080-6473>, WoS ResearcherID: B-6264-2015, Scopus Author ID: 56766194800, Elibrary AuthorID: 374653, SPIN: 1363-7526, e-mail: maklashova@mail.ru

Information about the author

Elena G. MAKLASHOVA – Dr. Sci. (Sociology), Chief Researcher, Department of Ethnosociology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5080-6473>, WoS ResearcherID: B-6264-2015, Scopus Author ID: 56766194800, Elibrary AuthorID: 374653, SPIN: 1363-7526, e-mail: maklashova@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 20.02.2026

Поступила после рецензирования / Revised 15.03.2026

Принята к публикации / Accepted 24.03.2026

УДК 572.9:575.1; 811.5(571.56)

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-106-119>

Оригинальная научная статья

К вопросу об этногенезе долган (на материале лингвистических и генетических данных)

Н. В. Малышева¹ , С. А. Федорова¹ ,
Н. В. Турантаева¹ , А. Н. Шамаев²

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Якутск, Россия

²Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН, Якутск, Россия
 nv.turantaeva@svfu.ru

Аннотация

Проблема происхождения долган относится к числу дискуссионных вопросов этнической истории народов Севера и Арктики. Это обусловлено сравнительно поздним оформлением долган как особой этнической общности, происходившим в условиях интенсивных межэтнических контактов, языкового взаимодействия и демографического смешения. Цель настоящего исследования состоит в определении объяснительных возможностей лингвистических и генетических данных при реконструкции этногенеза долган, а также в установлении соотношения языкового и популяционного аспектов формирования данного народа. Материалом исследования послужили труды по истории изучения долган, описанию долганского языка, антропологии населения Таймыра и популяционно-генетических исследований народов Сибири. В работе применяются историко-сравнительный, структурно-лингвистический, сопоставительный и интерпретационный методы. В результате установлено, что в историографии сосуществуют различные модели происхождения долган – от трактовки их как «объякученных тунгусов» до более сложных концепций, учитывающих участие тунгусских, якутских, русских старожиловских и самодийских компонентов. Лингвистические данные свидетельствуют о якутской структурной основе долганского языка, проявляющейся в его морфологическом строе, составе базовой лексики и системе регулярных фонетических соответствий, при наличии значительного эвенкийского и русского контактного слоя. Генетические материалы, в свою очередь, подтверждают смешанный характер формирования долганского населения и его связь с несколькими сибир-

© Малышева Н. В., Федорова С. А., Турантаева Н. В., Шамаев А. Н., 2026

скими популяциями – тунгусами, саха (якутами), русскими и самодийцами. Сделан вывод о том, что языковой и генетический аспекты этногенеза долган не совпадают полностью и должны рассматриваться во взаимосвязи, в рамках междисциплинарного подхода. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в историко-лингвистических, этнолингвистических и арктических исследованиях.

Ключевые слова: долганы, этногенез, долганский язык, якутский язык, языковые контакты, популяционная генетика, Таймыр, Анабарский район Республики Саха (Якутия), народы Севера, Арктика

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания «Цифровое описание языков народов Севера РФ (на материале якутского языка и его диалектов)» (Соглашение №FSRG-2026-0011)

Для цитирования: Малышева Н.В., Федорова С.А., Турантаева Н.В., Шамаев А.Н. К вопросу об этногенезе долган (на материале лингвистических и генетических данных). *Арктика XXI век*. 2026;14(1):106–119. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-106-119>

Original article

On the ethnogenesis of the Dolgans (based on linguistic and genetic data)

Ninel V. Malysheva¹ , Sardana A. Fedorova¹ ,
Nina V. Turantaeva¹ , Aleksey N. Shamaev²

¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

²Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

 nv.turantaeva@svfu.ru

Abstract

The origin of the Dolgans remains one of the most debated issues in the ethnic history of the peoples of the North and the Arctic. This is largely due to the relatively late formation of the Dolgans as a distinct Arctic ethnic community under conditions of intensive interethnic contacts, language interaction, and demographic heterogeneity. The aim of this study is to assess the explanatory potential of linguistic and genetic data for reconstructing the ethnogenesis of the Dolgans and to determine the relationship between the linguistic and population levels in the formation of this community. The material of the study includes historiographic and historical-ethnographic works on the origin of the Dolgans, descriptions of the Dolgan language, studies in the anthropology of the Taimyr population, and population-genetic research on the

peoples of Siberia. The study employs the historical-comparative, structural-linguistic, comparative, and interpretative methods. The results show that the historiography of the issue contains several explanatory models, ranging from the interpretation of the Dolgans as “Yakutized Tungus” groups to more complex reconstructions taking into account Tungusic, Yakut, Russian old-settler, and Samoyedic components. Linguistic data indicate that the Dolgan language is based on a Yakut structural foundation, which is reflected in its morphological system, basic vocabulary, and regular phonetic correspondences, while also containing a substantial Evenki and Russian contact layer. Genetic data, in turn, confirm the complex composition of the Dolgan population and its connections with several Siberian populations. It is concluded that the linguistic and genetic dimensions of Dolgan ethnogenesis do not fully coincide and should be considered in correlation with one another within an interdisciplinary framework.

Keywords: Dolgans, ethnogenesis, Dolgan language, Yakut language, language contacts, population genetics, Taimyr, Anabar District of the Sakha Republic (Yakutia), indigenous peoples of the North, Arctic

Funding. The study was carried out within the framework of the state assignment “Digital Description of the Languages of the Peoples of the North of the Russian Federation (Based on the Yakut Language and Its Dialects)”, Agreement No. FSRG-2026-0011

For citation: Malysheva N.V., Fedorova S.A., Turantaeva N.V., Shamaev A.N. On the ethnogenesis of the Dolgans: evidence from linguistic and genetic data. *Arctic XXI Century*. 2026;14(1):106–119 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-106-119>

Введение

Долганы представляют собой сравнительно поздно сложившуюся арктическую этническую общность, формирование которой относится к XIX – началу XX в. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., долганы отнесены к числу коренных малочисленных народов Севера, а их современный ареал расселения охватывает прежде всего территорию Таймыра и отдельные районы Республики Саха (Якутия)¹. В научной литературе происхождение долган обычно связывается с длительным взаимодействием северных якутов, тунгусских групп, русских затундренных старожилов и, в меньшей степени, самодийского населения [1–4].

¹ Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Москва: Федеральная служба государственной статистики, 2022.

Уже в ранних описаниях долган намечаются две исследовательские линии. С одной стороны, наблюдатели подчеркивают близость долганской речи к якутскому языку, с другой – указывают на сложный состав населения и контактный характер формирования данной общности. Так, А.Ф. Миддендорф характеризует долган как народ, в котором заметно участие якутского элемента [1, с. 1466–1473], тогда как М.А. Кастрен отмечает, что долганы говорят по-якутски, хотя их нередко смешивают с тунгусами [2, с. 266–267]. В более поздней литературе получает распространение формула об «обьякученных тунгусах» [3], однако она должна рассматриваться прежде всего, как историографическая модель своего времени, отражающая лишь одно направление процесса и не исчерпывающая всей его сложности.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что вопрос о происхождении долган не может быть удовлетворительно решен в пределах одной дисциплины. Лингвистические данные позволяют установить языковую основу и характер контактных процессов, тогда как генетические данные дают представление о сложности популяционного состава. В связи с этим цель статьи состоит в том, чтобы на основе сопоставления лингвистических и генетических сведений определить основные механизмы этногенеза долган и показать, каким образом соотносятся языковой и популяционный уровни формирования данной общности.

Материалы и методы

Материал исследования составляют публикации трех основных типов: 1) историографические и историко-этнографические работы, посвященные происхождению долган [1, с. 1466–1473; 2, с. 266–267; 3; 4, с. 92–141]; 2) описания долганского языка и современные исследования его живой речи и лексики [5, с. 43–57; 6, с. 53–74; 7, с. 44–45; 8, с. 84–93; 9, с. 86–98]; 3) труды по антропологии и популяционной генетике долган и соседних сибирских групп [10, с. 312–322; 11, с. 27–39; 12, с. 1221–1229; 13, с. 761–789; 14; 15].

В работе используются историко-сравнительный, структурно-лингвистический и сопоставительный методы. Историко-сравнительный подход применяется при анализе научных концепций происхождения долган. Структурно-лингвистический анализ используется для характеристики долганского языка как результата длительного контактного развития при сохранении якутской основы. Сопоставительный метод позволяет соотнести языковые и генетические данные и определить пределы их интерпретации.

Методологической основой исследования служит положение о том, что этногенез не может быть объяснен исключительно на материале

одной науки. В настоящей работе язык рассматривается как источник сведений о языковом аспекте формирования этнической общности, а генетические данные – как материал для характеристики популяционного состава. Их сопоставление проводится с учетом различий в предмете и методах соответствующих научных направлений.

Результаты и обсуждение

Историографические модели происхождения долган

Историография происхождения долган развивалась в нескольких направлениях. Ранний описательный этап связан с фиксацией эмпирических наблюдений, когда путешественники и исследователи XIX в. отмечали, что долганы живут в постоянном контакте с якутами, тунгусами и русскими группами, а их речь в значительной степени сформирована на якутской языковой основе [1, с. 1466–1473; 2, с. 266–267]. На этом этапе еще не вырабатывается единая интерпретационная модель, однако уже намечаются основные компоненты будущих реконструкций.

В дальнейшем в историографии получает развитие представление о долганах как об общности, сформировавшейся в результате языковой ассимиляции части тунгусского населения в условиях сильного якутского влияния. В рамках этой линии и возникает формула об «объякученных тунгусах» [3]. Ее историографическое значение состоит в том, что она отражает наблюдаемое сочетание тунгусского культурно-бытового компонента и якутского языкового доминирования. Вместе с тем в качестве объяснительной модели данная формула оказывается ограниченной, поскольку предполагает однолинейный сценарий этногенеза и фактически сводит сложный исторический процесс к языковой ассимиляции.

Более сложную реконструкцию предлагает Б.О. Долгих, рассматривающий происхождение долган как результат поэтапного взаимодействия нескольких групп населения [4]. Существенным достоинством этой концепции является ее комплексный характер: в ней учитываются тунгусские родовые элементы, северные якуты, русские старожилы и самодийские группы. В то же время необходимо подчеркнуть, что предложенные Б.О. Долгих пропорции этнических компонентов представляют собой историко-этнографическую реконструкцию, основанную на генеалогических, этнографических и фольклорных данных, а не прямое измерение современного генетического состава населения.

Современная междисциплинарная литература в целом сохраняет представление о многоуровневом характере происхождения долган, но формулирует его с большей осторожностью. В обзорных работах долганы рассматриваются как тюркоязычная общность Сибири, которая сложилась на Таймыре в XIX–XX вв. при участии тунгусских, якутских,

русских старожильческих, энецких и ненецких линий [12, с. 1221–1229]. Тем самым современный этап исследования не отвергает классические построения, а переводит их в более строгую междисциплинарную перспективу.

Лингвистические данные и их значение для реконструкции этногенеза

Лингвистический материал достаточно последовательно указывает на якутскую основу долганского языка. Долганский язык относится к якутской подгруппе тюркских языков и по морфологическому типу является агглютинативным [5, с. 44; 7, с. 44–45]. В его системе аффиксация выступает основным способом выражения грамматических значений, а вокалическая система включает краткие и долгие гласные, а также дифтонгоиды [5, с. 45]. Эти признаки свидетельствуют не о внешнем сходстве с якутским языком, а об общей структурной основе.

Принципиальное значение для понимания происхождения долганского языка имеет классификация словарного состава, предложенная Е.И. Убратовой. Исследователь выделяет три основных слоя: слова якутского происхождения, образующие основной фонд; слова эвенкийского происхождения; русские заимствования [6, с. 53–74]. Такая модель непосредственно отражает историю формирования долган как контактной общности, у которой лексико-грамматическая основа является якутской, тогда как эвенкийский и русский компоненты наслаиваются на базу якутского языка.

Якутская основа долганского языка особенно отчетливо проявляется в общепотребительной лексике. К ней относятся названия частей тела, термины родства, обозначения природных объектов, названия животных и времен года, например, *бас* ‘голова’, *карак* ‘глаз’, *иньэ* ‘мать’, *убай* ‘старший брат’, *күн* ‘солнце’, *уу* ‘вода’, *куул* ‘озеро’, *бөрө* ‘волк’, *балык* ‘рыба’, *кыһын* ‘зима’, *һаас* ‘весна’ и др. [6, с. 53–74]. Устойчивость именно этого пласта особенно показательна, поскольку базовая лексика обычно в меньшей степени подвержена поздним заимствованиям и потому лучше сохраняет историческую основу языка.

Показательны и регулярные фонетические соответствия между якутским и долганским языками. Одним из наиболее заметных признаков является переход начального якутского *с-* в долганское *һ-*; ср.: якут. *сарсыарда* ‘утро’ – долг. *һарсиэрда* ‘утро’, якут. *сордон* ‘щука’ – долг. *һордон* ‘щука’, якут. *сыалыһар* ‘налим’ – долг. *һыалыһар* ‘налим’ и др. [7, с. 45]. В данном случае речь идет о фонетическом соответствии, подтверждающем генетическую и структурную связь долганского языка с якутским.

Вместе с тем долганский язык не может быть исчерпывающе описан как территориальное продолжение якутского. Длительное сосуществование с тунгусскими группами привело к формированию значительного эвенкийского пласта, прежде всего в лексике, связанной с оленеводством, промысловым и традиционным хозяйством. К числу таких слов относятся *амаркан* ‘олень-самец пяти лет’, соотносимое с эвенк. *амаркан*, *аблакан* ‘олень-самец двух лет’, восходящее к эвенк. *āwlaḱān*, а также *эбэй* ‘медведь’ [6, с. 53–74; 7, с. 45]. Для части долган эвенкийские слова, по-видимому, выступают не только как заимствования, но и как более ранний субстратный слой [6, с. 53–74].

Контактный характер долганского языка проявляется и в фонетике заимствованной лексики. Так, нарушения сингармонизма чаще фиксируются в словах эвенкийского происхождения: *гурумии* ‘вид обуви’, *атакии* ‘паук’, *туокии* ‘лось’, *болгикта* ‘кустарник’ [5, с. 45; 8, с. 45]. Это свидетельствует о меньшей степени фонетической адаптации по сравнению с исконным тюркским лексическим слоем.

Заметный пласт составляют и русские заимствования. По наблюдению Е.И. Убрятовой, проникновение русской лексики происходило в несколько этапов – от раннего периода контактов с затундренными крестьянами до более позднего этапа массового культурно-хозяйственного взаимодействия [6, с. 53–74]. Характерно, что значительная часть этих слов адаптируется в соответствии с фонетическими нормами долганского языка: *бишлка* ‘вилка’, *учитал* ‘учитель’, *книгэ* ‘книга’, *остоол* ‘стол’ [5, с. 55; 6, с. 53–74].

Современные полевые исследования живой речи анабарских долган подтверждают, что долганский язык сохраняет якутскую основу, но одновременно демонстрирует устойчивые следы эвенкийского и русского контактного воздействия. Так, в одном из исследований отмечается: «В результате проведенного исследования лингвистических особенностей и сравнения этнической характеристики рассмотренного района, а также анализа спонтанной речи анабарских долган мы можем на эмпирическом материале предположить, что язык анабарских долган представлен языком, имеющим в своей основе слова якутского происхождения, подвергшихся влиянию русского и эвенкийского языков» [8, с. 91]. Это наблюдение подтверждается и исследованием зоонимической лексики, в котором указывается, что анабарские долганы в качестве средства общения используют «своеобразный якутско-долганский смешанный язык» [11, с. 90]. Авторы также подчеркивают наличие русизмов в оленеводческой лексике, например, *бэриинэлээх* (от рус. перина) и *сопуос таба* (от рус. запас), что рассматривается как

отражение исторических контактов эвенков, якутов и затундринских крестьян-русских [9, с. 94].

Таким образом, лингвистический материал свидетельствует о том, что долганский идиом сформировался на якутской структурной основе, что проявляется в его морфологическом строе, базовой лексике и системе регулярных фонетических соответствий. Одновременно наличие значительного эвенкийского и русского контактного слоя, а также особенности исторического функционирования данного идиома позволяют рассматривать вопрос о его статусе не в рамках упрощенного противопоставления «диалект или отдельный язык», а с учетом совокупности структурных, функциональных и социолингвистических критериев. В этом отношении эвенкийский и русский компоненты отражают длительный контактный характер формирования долганской общности.

Генетические данные и сложный состав долганского населения

Если языковой материал достаточно определенно указывает на якутскую основу долганского языка, то данные антропологии и популяционной генетики свидетельствуют о более сложном составе населения. Уже в антропологических работах А.Н. Юзefовича и И.М. Золотаревой подчеркивается своеобразие долган как северосибирской группы и фиксируется их внутренняя неоднородность [10; 11].

Современные генетические исследования также подтверждают смешанный характер долганского генофонда [12–15], результаты этих работ суммированы в обзоре [12]. В геноме долган доминирует сибирский компонент (~70%), сближающий их в первую очередь с эвенками и якутами, второй генетический компонент, довольно ярко выраженный у долган (~20%), наиболее представлен у народов арктической зоны – эвенов, юкагиров и нганасан [14]. Содержание европейского компонента по данным широкогеномного анализа составляет ~10% [14], что приблизительно соответствует исходной доле русских старожилов в составе долган – 11–15% [4]. В совокупности генетические данные подтверждают, что долганы формируются не из одного исходного массива, а в результате смешения нескольких популяций – тунгусов, саха (якутов), русских и самодийцев. По своим генетическим характеристикам долганы ближе к эвенкам, чем к саха (якутам), т.е. «тунгусский» компонент в геноме долган превалирует над «якутским» [12].

В этом отношении особенно важно подчеркнуть пределы интерпретации генетических данных. Они позволяют судить о составе населения, направлениях популяционных связей и степени близости между популяциями, но не дают прямого ответа на вопрос о языке, который

становится основой формирующейся этнической общности. Язык и генетический фонд фиксируют разные стороны исторического процесса.

Соотношение языкового и генетического уровней этногенеза

Сопоставление рассмотренных материалов показывает, что в случае долган языковой и генетический уровни этногенеза не совпадают полностью. Лингвистические данные указывают на якутскую основу формирования общей языковой системы, тогда как генетические данные свидетельствуют о смешанном составе населения [12]. Подобное соотношение является характерным для контактных ситуаций, в которых язык одной группы получает статус общего средства общения и закрепляется в среде населения неоднородного происхождения [16, с. 3–15].

Применительно к долганам это позволяет говорить о том, что якутский язык выступил системообразующей основой складывавшейся языковой общности, тогда как в формировании самого народа участвовали группы различного происхождения, включая тунгусские, якутские, русские старожильческие и иные северосибирские компоненты. Следовательно, этногенез долган целесообразно рассматривать не как линейный процесс языковой ассимиляции, а как результат длительного взаимодействия нескольких этнокультурных компонентов, при котором языковая консолидация и сложение населения протекали во взаимосвязи, но не тождественно друг другу.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что происхождение долган не может быть удовлетворительно объяснено в пределах одной дисциплины. Историографические, лингвистические, антропологические и генетические материалы в совокупности свидетельствуют о многоуровневом характере формирования данной арктической общности. Ранние исследовательские модели, акцентировавшие либо на якутскую языковую основу, либо на тунгусский компонент, отражали лишь отдельные стороны этого процесса, тогда как современный материал позволяет рассматривать его как значительно более сложный и многокомпонентный.

Лингвистические данные достаточно убедительно указывают на якутскую структурную основу долганского языка, что проявляется в его морфологическом строе, составе базовой лексики и системе регулярных фонетических соответствий с якутским языком. Одновременно значительный эвенкийский и русский лексический слой отражает длительный контактный характер формирования долганского языка и культурно-хозяйственной среды его функционирования. Из чего следует, что долганский язык выступает как результат длительного исторического развития в условиях северного межэтнического взаимодействия.

Антропологические и генетические данные, в свою очередь, подтверждают сложный состав долганского населения и его связи с несколькими сибирскими популяциями. Однако эти данные не опровергают лингвистических выводов, а раскрывают иной аспект этнической истории. Если язык позволяет установить характер языковой консолидации, то генетические материалы дают представление о демографической и популяционной многосоставности процесса.

Таким образом, наиболее обоснованным представляется подход, согласно которому этногенез долган следует рассматривать как результат сочетания двух взаимосвязанных, но не совпадающих процессов: формирования общей языковой системы на якутской основе и сложения народа в условиях длительных контактов различных северосибирских групп, что позволяет избежать упрощенных схем однолинейного происхождения и дает возможность точнее описать историко-культурные процессы, определившие становление долган как самостоятельной общности.

Литература

1. Миддендорф А. *Путешествие на север и восток Сибири*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук. 1875.
2. Кастрен М.А. *Отчеты о путешествиях и письма 1845–1849 гг.* Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук. 1856.
3. *Сибирская советская энциклопедия*. Новосибирск: Сибирское краевое издательство. 1929.
4. Долгих Б.О. Происхождение долган. *Сибирский этнографический сборник*. 1963;(5):92–141.
5. Петров А.А. Долганский язык. *Journal of Endangered Languages*. 2018;8(13):43–57
6. Убрятова Е.И. *Язык норильских долган*. Новосибирск: Наука. 1985.
7. Артемьев Н.М. *Долганский язык: структурно-семантический сравнительный анализ*: Дис. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург. 2001.
8. Иванов В.В., Малышева Н.В. Лингвистические особенности живой речи анабарских долган (на материале экспедиционной работы). *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова*. 2023;20(4):84–93. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2023-20-4-84-93>
9. Малышева Н.В., Платонова В.С., Тимофеева А.В. Мотивационные признаки номинации животных в языке анабарских долган (по материалам Юрюнг-Хаинского диалектного словаря долганского языка). *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова*. 2022;(3):86–98. DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.84.99.008>

10. Юзефович А.Н. К краниологии долган. *Сборник Музея антропологии и этнографии*. 1949;(10):312–322.

11. Золотарева И.М. Антропологическое исследование долган. *Советская этнография*. 1965;(3):27–39.

12. Fedorova S.A. Dolgans: Genetic Portrait of Young Ethnic Group of Siberia. *Russian Journal of Genetics*. 2025;61(10):1221–1229. DOI: <https://doi.org/10.7868/S3034510325100056> (на англ.).

13. Karafet T.M., Osipova L.P., Gubina M.A., et al. High levels of Y-chromosome differentiation among native Siberian populations and the genetic signature of a boreal hunter-gatherer way of life. *Human Biology*. 2002;74(6):761–789. DOI: <https://doi.org/10.1353/hub.2003.0006> (на англ.).

14. Fedorova S.A., Reidla M., Metspalu E., et al. Autosomal and uniparental portraits of the native populations of Sakha (Yakutia): implications for the peopling of Northeast Eurasia. *BMC Evolutionary Biology*. 2013;(13):127. DOI: <https://doi.org/10.1186/1471-2148-13-127> (на англ.).

15. Karafet T.M., Osipova L.P., Savina O.V., et al. Siberian genetic diversity reveals complex origins of the Samoyedic-speaking populations. *American Journal of Human Biology*. 2018;30(6):e23194. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajhb.23194> (на англ.).

16. Fishman J.A. Bilingualism and biculturism as individual and as societal phenomena. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 1980;1(1):3–15. DOI: <https://doi.org/10.1080/01434632.1980.9993995> (на англ.).

References

1. Middendorf A. *Journey to the North and East of Siberia*. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 1875 (in Russian).

2. Castren M.A. *Reports on travels and letters, 1845–1849*. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 1856 (in Russian).

3. *Siberian Soviet Encyclopedia*. Novosibirsk: Sibirskoe kraevoe izdatel'stvo. 1929 (in Russian).

4. Dolgikh B.O. Origin of the Dolgans. In: *Siberian Ethnographic Collection*. 1963;(5):92–141 (in Russian).

5. Petrov A.A. Dolgan language. *Journal of Endangered Languages*. 2018;8(13):43–57 (in Russian).

6. Ubryatova E.I. *The language of the Norilsk Dolgans*. Novosibirsk: Nauka. 1985 (in Russian).

7. Artemyev N.M. *The Dolgan language: structural-semantic comparative analysis*. Doctor's dissertation (Philology). Saint Petersburg. 2001 (in Russian).

8. Ivanov V.V., Malysheva N.V. Linguistic features of the living speech of the Anabar Dolgans (based on expedition materials). *Vestnik of NEFU*. 2023;20(4):84–93. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2023-20-4-84-93> (in Russian).

9. Malysheva NV, Platonova VS, Timofeeva AV. Motivational features of animal nomination in the language of the Anabar Dolgans (based on the Yuryung-Khain dialect dictionary of the Dolgan language). *Vestnik of NEFU*. 2022;(3):86–98. DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.84.99.008> (in Russian).
10. Yuzefovich AN. On the craniology of the Dolgans. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. 1949;(10):312–322 (in Russian).
11. Zolotareva IM. Anthropological study of the Dolgans. *Sovetskaya etnografiya*. 1965;(3):27–39 (in Russian).
12. Fedorova SA. Dolgans: Genetic Portrait of Young Ethnic Group of Siberia. *Russian Journal of Genetics*. 2025;61(10):1221–1229. DOI: <https://doi.org/10.7868/S3034510325100056>
13. Karafet TM, Osipova LP, Gubina MA, et al. High levels of Y-chromosome differentiation among native Siberian populations and the genetic signature of a boreal hunter-gatherer way of life. *Human Biology*. 2002;74(6):761–789. DOI: <https://doi.org/10.1353/hub.2003.0006>
14. Fedorova SA, Reidla M, Metspalu E, et al. Autosomal and uniparental portraits of the native populations of Sakha (Yakutia): implications for the peopling of Northeast Eurasia. *BMC Evolutionary Biology*. 2013;(13):127. DOI: <https://doi.org/10.1186/1471-2148-13-127>
15. Karafet TM, Osipova LP, Savina OV, et al. Siberian genetic diversity reveals complex origins of the Samoyedic-speaking populations. *American Journal of Human Biology*. 2018;30(6):e23194. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajhb.23194>
16. Fishman JA. Bilingualism and biculturalism as individual and as societal phenomena. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 1980;1(1):3–15. DOI: <https://doi.org/10.1080/01434632.1980.9993995>

Об авторах

МАЛЫШЕВА Нинель Васильевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Международная научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическая экология Арктики», Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6358-4256>, WoS ResearcherID: AAF-7944-2020, Scopus Author ID: 57210373908, Elibrary AuthorID: 778328, SPIN: 3352-0996, e-mail: ninel_malysheva@mail.ru

ФЕДОРОВА Сардана Аркадьевна – доктор биологических наук, главный научный сотрудник, Научно-исследовательская лаборатория «Молекулярная биология», Институт естественных наук, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6952-3868>, WoS ResearcherID: K-5445-2017, Scopus

Author ID: 35306925400, Elibrary AuthorID: 983039, SPIN: 2675-9970, e-mail: sardanaafedorova@mail.ru

ТУРАНТАЕВА Нина Васильевна – аспирант, младший научный сотрудник, Международная научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическая экология Арктики», Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1776-5603>, WoS ResearcherID: OIR-4617-2025, Scopus Author ID: 60029145800, Elibrary AuthorID: 1280245, SPIN: 4076-1780, e-mail: nv.turantaeva@svfu.ru

ШАМАЕВ Алексей Николаевич – аспирант, Институт гуманитарных наук и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1229-9744>, e-mail: shamayev01@inbox.ru

About the authors

Ninel V. MALYSHEVA – Dr. Sci. (Philology), Leading Researcher, International Research Laboratory “Linguistic Ecology of the Arctic”, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6358-4256>, WoS ResearcherID: AAF-7944-2020, Scopus Author ID: 57210373908, Elibrary AuthorID: 778328, SPIN: 3352-0996, e-mail: ninel_malysheva@mail.ru

Sardana A. FEDOROVA – Dr. Sci. (Biology), Chief Researcher, Research Laboratory «Molecular Biology», Institute of Natural Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6952-3868>, ResearcherID: K-5445-2017, Scopus Author ID: 35306925400, Elibrary AuthorID: 983039, SPIN: 2675-9970, e-mail: sardanaafedorova@mail.ru

Nina V. TURANTAeva – Postgraduate Student, Junior Researcher, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1776-5603>, ResearcherID: OIR-4617-2025, Scopus Author ID: 60029145800, Elibrary AuthorID: 1280245, SPIN: 4076-1780, e-mail: nv.turantaeva@svfu.ru

Aleksey N. SHAMAEV – Postgraduate Student, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1229-9744>, e-mail: shamayev01@inbox.ru

Вклад авторов

Мальшева Н.В. – разработка концепции, методология, проведение исследования администрирование данных, редактирование рукописи, руководство исследованием, администрирование проекта

Федорова С.А. – разработка концепции, методология, верификация данных, проведение исследования, администрирование данных, редактирование рукописи, руководство исследованием по генетике

Турантаева Н.В. – разработка концепции, методология, верификация данных, проведение исследования, создание черновика рукописи, визуализация

Шамеев А.Н. – верификация данных, проведение исследования, администрирование данных, создание черновика рукописи, визуализация

Authors' contribution

Ninel V. Malysheva – conceptualization, methodology, investigation, data curation, manuscript editing, research supervision, project administration

Sardana A. Fedorova – conceptualization, methodology, data verification, investigation, data curation, manuscript editing, supervision of the genetic part of the study

Nina V. Turantaeva – conceptualization, methodology, data verification, investigation, original draft preparation, visualization

Aleksey N. Shamaev – data verification, investigation, data curation, original draft preparation, visualization

Конфликт интересов

Автор Малышева Нинель Васильевна является главным редактором и членом редакционной коллегии журнала «Арктика XXI век». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью

Conflict of interests

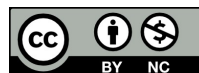
The author Ninel V. Malysheva is a chief editor and a member of editorial board of the journal “Arctic XXI Century”. The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this article

Поступила в редакцию / Submitted 20.12.2025

Поступила после рецензирования / Revised 12.01.2026

Принята к публикации / Accepted 20.02.2026

УДК 811.512.15

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-120-141>*Оригинальная научная статья*

О сложных случаях этимологизации русских заимствований в телеутском языке

Д. М. Токмашев

Томский государственный университет систем управления
и радиоэлектроники, Томск, Россия
 kogutei@yandex.ru

Аннотация

Начиная с XVII в. в ходе российского освоения Сибири растет влияние русского языка на языки коренного населения, включая сибирские тюркские языки, в частности – телеутский, в лексике которого появляется слой фонетически и семантически адаптированных русских заимствований – безэквивалентных наименований реалий русской и европейской культуры. Изданные во второй половине XIX в. словари тюркских языков В.В. Радлова и В.И. Вербицкого фиксируют около 70 и 50 телеутских слов соответственно, помеченных как заимствования из русского; современный телеутско-русский словарь Л.Т. Рюминой 1995 г. включает около 35 неотмеченных русизмов. Среди них выделяется слой лексем с неоднозначной этимологией, которые могут быть как русскими заимствованиями, так и иметь более раннее тюркское или евразийское происхождение. Цель статьи – выявить и сопоставить имеющиеся этимологии телеутских слов с неясным статусом происхождения (русское заимствование, заимствование из других языков или исконное). Материалы включают словари XIX века, современные толковые и этимологические словари тюркских и славянских языков. Использовались описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный методы. Проанализирована семантика 20 телеутских слов – названий хозяйственных построек, утвари, одежды, продуктов питания – имеющих звуковые и смысловые параллели в русском языке, но не имеющих, на наш взгляд, однозначного статуса заимствований из русских диалектов Сибири в телеутский. Часть лексем предположительно имеет исконно тюркское происхождение, другая часть могла попасть в русский и телеутский языки из других языков Евразии. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в уточнении происхождения ряда слов, классифицируемых как русизмы,

© Токмашев Д. М., 2026

в тюркских языках Сибири. Кроме того, работа вносит определенный вклад в изучение русско-телеутских культурно-исторических связей в XVII–XIX вв., а также общую теорию языковых контактов.

Ключевые слова: телеутский язык, русский язык, заимствование, историческая лексикология и лексикография, русско-тюркские языковые контакты, тюркские языки Южной Сибири, этимология, словари, диалектный континуум, интерференция

Для цитирования: Токмашев Д.М. О сложных случаях этимологизации русских заимствований в телеутском языке. *Арктика XXI век*. 2026;14(1):120–141. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-120-141>

Original article

On problematic cases of Russian loanwords' etymology in Teleut

Denis M. Tokmashev

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics,
Tomsk, Russia

 kogutei@yandex.ru

Abstract

Beginning in the 17th century, during the Russian exploration of Siberia, the influence of the Russian language on the indigenous languages grew, including the Siberian Turkic languages, particularly Teleut, whose vocabulary acquired a layer of phonetically and semantically adapted Russian loanwords – non-equivalent names for Russian and European cultural realities. Dictionaries of Turkic languages by VV. Radlov and VI. Verbitsky, published in the second half of the 19th century, list approximately 70 and 50 Teleut words, respectively, labeled as loanwords from Russian; the modern Teleut-Russian dictionary by LT. Ryumina (1995) includes approximately 35 unmarked Russian lexical loans. Among these, a prominent layer of lexemes with ambiguous etymologies stands out, which may be Russian loanwords or have an earlier Turkic or Eurasian origin. The purpose of this article is to identify and compare existing etymologies of Teleut words with unclear origins (Russian borrowings, borrowings from other languages, or native). The materials include 19th-century dictionaries and modern explanatory and etymological dictionaries of Turkic and Slavic languages. Descriptive, comparative-historical, and contrastive methods were used. The semantics of 20 Teleut words – names of outbuildings, utensils, clothing, and food products – were analyzed. These words have sound and semantic parallels in Russian but, in our opinion, do not clearly represent borrowings from Russian dialects of Siberia into Teleut. Some lexemes are presumably of native Turkic origin, while others may have entered Russian and Teleut from other Eurasian

languages. The theoretical and practical significance of this work lies in clarifying the origins of a number of words classified as Russian lexical loans in the Turkic languages of Siberia. In addition, the work makes a certain contribution to the study of Russian-Teleut cultural and historical intercourse in the 17th-19th centuries, as well as the general theory of language contacts.

Keywords: Teleut language, Russian language, lexical loan, historical lexicology and lexicography, Russian-Turkic language contacts, Turkic languages of Southern Siberia, etymology, dictionaries, dialect chain, interference

For citation: Tokmashev D.M. On problematic cases of Russian loanwords' etymology in Teleut. *Arctic XXI Century*. 2026;14(1):120–141 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-120-141>

Введение

Во второй половине XVI в. Россия начинает освоение территорий к востоку от Урала, в ходе которого русский язык проникает в автохтонные сообщества Сибири и Дальнего Востока. С функциональной точки зрения русский, по терминологии Л.Б. Никольского, становится языком-макропосредником, который использовался в качестве койне при общении русских переселенцев с коренным населением, разноязычных групп коренного населения друг с другом, приводил к ситуации местно-русского двуязычия «...в форме русской диалектной речи и языка сибирской народности» [1, с. 102], становился основой для локальных пиджинов и т.д.

Е.А. Хелимский определял русский как «трансевразийский» язык¹, подчеркивая его роль как одного из крупнейших языков, активно влияющих на языковую ситуацию в Евразии. Телеутский язык, как и все тюркские языки Сибири, также испытал значительное воздействие русского языка, в результате чего в лексике телеутского языка сформировался определенный пласт русских заимствований – обозначений новых и актуальных для телеутов реалий, преимущественно безэквивалентных.

Исторически телеуты – один из коренных тюркских народов Южной Сибири – впервые сталкиваются с русскими переселенцами в конце XVI – начале XVII вв. В конце XVI в. телеуты проникают из северных районов Центральной Азии в Юго-Западную Сибирь (предгорья Алтая, Кулундинская степь и лесостепи верхнего Приобья), где организуют раннефеодальное княжество – «телеутскую землю». После постройки

¹ Ромодановская Е.К., Аникин А.Е. Исторический аспект изучения русского языка в Сибири. *Наука в Сибири*. 2007;49(2634). Режим доступа: <http://www.nsc.ru/HBC/article.phpml?nid=444&id=5> (дата обращения: 20.01.2026).

Томского и Кузнецкого острогов в середине XVII в. часть телеутов переселяется в среднее и нижнее Притомье, и формирует несколько компактных территорий расселения, частично ассимилирует местное аборигенное население «степных окраинных волостей», а также участвует в этногенезе калмаков – субэтнической группы томских татар. В этот же период начинаются этнокультурные и языковые контакты телеутов и русских воевод, крестьян, купцов и т.п.

Первые заимствования из русского языка (русизмы) отмечаются в телеутском в конце XIX в. в словарях В.В. Радлова (1893-1911) [2, 3, 4, 5] и В.И. Вербицкого (1884) [6], хотя их проникновение в лексику телеутского языка, по-видимому, происходило уже с конца XVII в., ср.: «... стабильное присутствие русских в Сибири ведет свой отсчет с конца XVI в.; ошутимое влияние русского языка на аборигенные – с XVII в.» [7, с. 4].

В «Опыте словаря тюркских наречий» В.В. Радлов приводит ряд слов телеутского и алтайского² языков, помеченных как русизмы. Автор выделяет два способа заимствования: **aus dem Russ.**, если речь идет о русском языке как источнике заимствования в целом (напр. тел. *карман* < **aus dem Russ.** ‘карман’) и **aus dem russ.** «...», в целом, по мнению Радлова, источником послужила конкретная грамматическая форма или лексико-семантический вариант русского слова (напр. тел. *обурчын* < **aus dem russ.** «огурцы» ‘огурец’). Ниже приведем перечень русизмов в телеутском языке, отмеченных В.В. Радловым.

Том 1: гласные. СПб., 1893 – *атнакы*³ ‘однако, может быть’, *обурчын* < **aus dem russ.** *огурцы* ‘огурец’, *Он* < **aus dem russ.** *Обь* ‘река Обь’, *ыштан* < **aus dem russ.** *итаны*, was seinerseits **aus dem türk.** *ич-тон* ‘штаны’, *улама* < **aus dem russ.** *оглобля* ‘оглобля’⁴.

Том 2: согласные к, қ, қ, ь, г (г), х, һ, һ. СПб., 1899 – *карұлчык* < **von karұл+чык**, gewiss **aus dem Russ.** entlehnt ‘*сторож, караульщик*’, *карман* ‘карман’, *кабак* < **aus dem russ.** *кабак* ‘кабацкое пиво, вино’,

² Ввиду слабой дифференциации алтайского и телеутского языков в XIX в. мы считаем допустимым учитывать русизмы с пометой Alt. как бытовавшие у телеутов.

³ Графика лемм сохранена в оригинале (т.н. «радловская транскрипция»), русский перевод дается в современной графике; немецкий перевод не приводится. Отмеченные Радловым конкретные варианты мотивирующего русского слова (**aus dem russ.** “...”) и пометки о возможном происхождении слова сохраняются. Мы не приводим ссылок на конкретный том и страницу после каждого слова и ограничиваемся общим указанием источника.

⁴ Ошибочно отнесено автором к русизмам; более вероятным кажется произв. от тел. *ула-* ‘привязывать, надставлять’.

кабыста ‘капуста’, *kojoin* < aus dem russ. *хозяин* ‘купец’, *кылат* < aus dem russ. *клад* ‘куча снопов’, *кунут* ‘кнут, плеть’, *кубаина* ‘квашня’, *клāп* ‘клоп’, *kārān*⁵ ‘корабль’, *крās* ‘крест’, *күн* (апокопа?) ‘купель (при крещении)’, *kilki* ‘клюка, кочерга’⁶, *kīrā* ‘гиря’, *közör* < aus dem russ. *козырь* ‘карточная игра’, *körnöstö* ‘горница’.

Том 3: согласные j, j, j, н, н, р, л, l, т, д, ч. СПб., 1905 – *jädilä* < aus dem russ. *неделя* unter Anlehnung aus *järti sieben* ‘неделя’, *joc* ‘тес’, *tārābīnā* ‘русская деревня’, *толотко* ‘долото’, *точылā* ‘точило’, *тöбöт* ‘деготь’, *туба* ‘дуга’, *туро-нобаі* < aus dem Russ. *труба* ‘зрительная труба’, *турпа* ‘труба дымовая’, *тус* ‘туз (в картах)’, *чардак* ‘чердак’, *чалнак* ‘челнок (ткача)’, *чамыдан* ‘чемодан’, *чол* < aus dem russ. *пчела*, *чол арү* ‘пчела’, *чулан* < aus dem russ. *чулан* ‘ограда для скота’, *чулүк* ‘чулок’.

Том 4: согласные ч, ц, з, с, з, ш, ж, ж, п, б, ф, в, м. СПб., 1911 – *шāmčik* ‘жемчуг’, *sāriknā* ‘церковь’⁷, *салам* ‘солома’, *шārābāi* ‘жребий’, *парата* ‘ворота’, *нас* ‘паз в срубe’, *пāнчāт* ‘венчание’, *pāristā*, *pārst* ‘верста’, *pāčāт* ‘печать’, *pāzābān* ‘безмен’, *порос* < aus dem russ. *бросать* ‘?’⁸, *pōrop* ‘погреб’, *поромоі* ‘упрямый, своенравный, упорный’⁹, *пол* ‘пол’, *пот* ‘вот!’, *почко* ‘бочка’, ‘чемодан’, *поско* ‘воск’, *поспо* ‘оспа’, *пожо* ‘вожжи’, *pölönko* ‘пеленка’, *pödüк* ‘петух’, *пык* ‘пух’, *пула-ма* = *улама* ‘оглобля’, *пулта* ‘фунт’, *пут* ‘пуд’, *плāt* ‘платок’¹⁰, *манат* < aus dem russ. *монета* ‘деньги, звонкая монета’, *маркап* ‘морковь’, *mākā* < aus dem russ. *мягкое* ‘булка, белый хлеб’, *mājā* ‘межа, граница’, *мок* ‘мох (для затыкания щелей)’, *möt* ‘мед’, *мунта* ‘фунт’.

Словарь В.И. Вербицкого также приводит слова с пометкой *русск.*, изредка с указанием конкретного диалекта, в котором они встречаются (в т.ч. телеутского), либо без такового. Например, *пиртне* (к. с русск.) ‘бритва’ – кондомский (шорский), *сирип* (аб. с русск.) ‘сerp’ – абаканский (хакасский), *педрек* (т., н-б. с русск.) ‘ведро’ – теленгутский, нижне-бийский и т.д.

⁵ Источник тел. *kārān* очевидно следует искать в рус. диал. *корабь*, а не в *корабль*, см. [7, с. 292].

⁶ Тел. *kilki* (а также *külkü* в словаре В.И. Вербицкого) ‘клюка, кочерга’ можно возводить к косвенной форме рус. *клюка* [7, с. 270]; но нельзя исключить производное на -*кЫ* от тел. *kül* ‘зола, пепел’, ср. значение ‘кочерга’, либо контаминацию рус. *клюка* и тел. *kül*.

⁷ < рус. диал. *цёрква* [7, с. 661].

⁸ Радлов не дает перевода тел. *порос* < рус. *бросить*, но приводит пример *порос äттi* ‘он погубил, уничтожил’; семантика и статус заимствования тел. *порос* остаются непонятны.

⁹ < рус. *прямой* [7, с. 491].

¹⁰ < рус. диал. *плат* [7, с. 453].

Для основной массы русизмов диалектная принадлежность не указана, поэтому с долей условности можно считать, что они были известны и употреблялись в т.ч. телеутами. К таковым относятся: *погоро~погорон~пороон* 'погреб', *парата* 'ворота', *оспо* 'оспа', *меже* 'межа', *күрүк* 'крюк, крючок', *күлкү~килки* 'клюка, которой загребают угли в печи, кочерга', *клап* 'клоп', *ыштан* 'штаны', *ыстоп* 'штоф', *шечик* 'сборщик податей', *точыла* 'точило', *табартка* 'табакерка', *сүскек* 'закром, сусек', *сундуук* 'сундук', *стене* 'стена дома', *скабра* 'сковорода', *серип* 'серп', *симиттен* 'сметана', *серкве* 'церковь', *сенек* 'сени', *сапок* 'сапог', *самок~самак* 'замок', *салам* 'солома', *сакон* 'закон', *сабайла* 'забавляться, веселиться', *пык* 'пух', *пун~пунт* 'фунт', *прасле* 'прялка', *пöбуске* 'повозка', *потпайла* 'подполье', *посто* 'мост', *поочка* 'бочка', *плат* 'платок', *печет* 'печать', *перст~перисте* 'верста', *пенчет~печет* 'венчание', *пезебен~пезибен* 'безмен', *пас* 'паз в срубе', *остол* 'стол', *огурсым~огурчын* 'огурец', *мынта* 'фунт', *мөт* 'мед', *крес* 'крест', *көшке* 'кошка', *көзир* 'козырь', *книге* 'книга', *колатка* 'цепь, кандалы', *кабак* 'кабацкое вино', *анмар* 'амбар'.

Как непосредственно телеутские и ниже-бийские, В.И. Вербицкий приводит лишь следующие русизмы: *недрек* (т., н-б.) 'ведро', *паста* (т., н-б.) 'делать пазы', *остолмо* (т.) 'столб', *мокто* (т., н-б.) 'мшить (от русск. *мох*)' и *кереп* (т., с русск.) 'корабль'.

После 1917 г. этноним «телеут» и, соответственно, термин «телеутский язык» фактически не употреблялись. Телеуты рассматривались как субэтнос в составе южных алтайцев, а их язык – как диалект алтайского языка. Первый в постсоветскую эпоху телеутско-русский словарь Л.Т. Рюминой-Сыркашевой [8] выходит в 1995 г. В нем также зафиксирован пласт (ок. 30–35 ед.) фонетически и семантически адаптированных русизмов без пометок об источнике заимствования. Например: *калотко* 'улей' (< рус. *колодка*)¹¹, *карис* 'гарус', *кереп* 'корабль', *клат* 'скирда', *көпшик* 'ковш', *көриш* 'товарищ' (?)¹², *күлкү* 'кочерга'¹³, *мылча* 'баня' (< рус. *мыльня*), *огурчын* 'огурец', *орус* 'русский', *оруста-* 'говорить по-русски', *пазар* 'рынок' (?), *пелене* 'белена', *плаат* 'платок', *подқоқ* 'подкова', *поожо* 'вожжи', *поорон* 'погреб', *пөрөк* 'пирог', *пөтүк* 'пелух', *пөс* 'материя' (< рус. *бязь*), *прасле* 'прялка' (< рус. *прясло*), *пут* 'пуд

¹¹ Здесь и далее дополнительные комментарии о происхождении русизмов в словаре [8] – наши со ссылкой на [7].

¹² Можно предполагать рус. *кореш* 'друг' как источник, однако убедительных этимологий рус. *кореш* нет; при этом ср. тел. реципрок от *көр-* 'смотреть' – *көр-үйш-* 'встречаться, видаться'.

¹³ Если принимать версию Радлова о происхождении из рус. *клюка*.

(мера веса)’, *пық* ‘пух’, *пықтау* ‘пуховый’, *салам* ‘солома’, *сиит* ‘сито’, *струш* ‘рубанок’ (< рус. *струж*), *суботқо* ‘вязаная рукавица’ (< рус. *спотка*), *сырга* ‘серьги’, *тақта* ‘лавка, скамья’, *тенке* ‘рубль’, *тесте* ‘тесто’, *чулан* ‘скотный двор’, *чулуқ* ‘чулки’.

Изданный в 2002 г. русско-телеутский словарь [9] включает значительно меньше русизмов. Среди них можно отметить, например, такие слова, как *клоп* ‘клапы’, *тесто* ‘тесте’, *мох* ‘моқ’, *гиря* ‘киира’; также иногда русизмы встречаются в переводах – толкованиях, не составляя отдельных лемм: *безбилетный* ‘пеледи жоқ кижі’, *жнейка* ‘аш кезетен машина’.

Этимология большей части заимствований не вызывает сомнений. За основной массой русизмов в телеутском языке легко угадывается соответствующий русский этимон с учетом его фонетической адаптации при заимствовании. Она проявляется в гармонии гласных (*тесте* ‘тесто’), нерегулярном удлинении русского гласного в закрытом слоге (*клаап* ‘клоп’, *поочка* ‘бочка’), запрете на консонантные кластеры (*серип* ‘серп’, *ыштоп* ‘штоф’) и звонкий анлаут (*гиря* ‘киира’) и др. В ряде случаев отмечается семантический дрейф – *койойын* ‘купец’ < рус. *хозяин*.

Однако среди слов, заимствованных, как указано в [2, 3, 4, 5] и [6], из русского языка, можно отметить несколько лексем, чья этимология небесспорна (напр. *чулан* ‘загон для скота и птицы’). Кроме того, и в современном телеутском языке встречаются слова, чей морфонологический облик как будто указывает на русский как источник заимствования, однако их происхождение допускает иные, в том числе более ранние (из других языков Евразии до контакта с русскими) и «почвенные» (пратюркские) трактовки (напр. *чай* ‘чай’, *касна* ‘государство’, *ыштан* ‘штаны’). Наряду с этим, встречаются слова, чья морфонология не предполагает факта их заимствования из русского, однако на собственно тюркской или монгольской почве они не этимологизируются, при этом обозначают реалии, вероятно принесенные в Сибирь русскими (напр. *пастӧнкӧ* ‘дратва’).

Наличие параллельных форм с той же или близкой семантикой в русском языке, особенно в его сибирских диалектах (*амбар*, *штаны*, *казна*, *чулан*, *серьги*, *чушка* в значении ‘свинья’ и др.), приводит к образованию лексико-семантической диффузии. В этой серой зоне слова контактирующих языков **A** и **B** могут быть как заимствованы из одного в другой (**A** → **B**, **A** ← **B**), так и быть усвоенными из третьих языков-посредников (**A** ← **C** → **B**), как родственных, так и неродственных первым двум.

Этот феномен хорошо известен и в сибирской диалектологии. Ср., например, о тюркизмах в русских диалектах Сибири: «... в ряде

случаев трудно установить, в Сибири ли русские восприняли известные в настоящее время тюркизмы – нельзя забывать, что такие слова, как *казна*, *казначей*, *тамга* (от нее *таможня*), стали известны и распространены на Руси еще в эпоху татаро-монгольского ига»¹⁴.

Важным представляется замечание А.Е. Аникина: «Следует иметь в виду, ... что изучение «заимствованного» и «исконного» не разделено непреодолимой границей, и есть ряд случаев (хотя и небольшой), находящихся в «спорной» зоне [10, с. 6].

А.И. Федоров обращает внимание на переход семантически и фонетически освоенных русскими говорами Сибири тюркизмов в тюркские же языки Сибири как малоизученный вопрос в теории заимствований, приводя в пример, со ссылкой на Е.И. Убратову, рус. сиб. *варнак* '(беглый) каторжник, разбойник, проказник' > як. *уоруйах* 'вор' || як. *баранаак* < рус. сиб. *варнак* < чув. [11, с. 82]. Для нашего исследования важным также является замечание А.Е. Аникина о том, что «... даже при внешней очевидности русского этимона происхождение многих сибирско-аборигенных слов нуждается в уточнении существенных деталей. К ним относится выявление посредствующих звеньев при диффузии того или иного русизма» [7, с. 7]

Таким образом, на фоне определенного пласта телеутских лексических заимствований, источником которых (безотносительно их этимологии) послужил русский язык, в телеутском языке обнаруживается некоторое количество слов с неясным статусом «заимствовано из русского после XVII в. vs. заимствовано из других языков vs. исконное». Поэтому **целью** данной статьи является выявление и этимологизация таких слов, направление и характер заимствования которых не определен. Для этого в работе ставятся следующие **задачи**:

1. Проанализировать дореволюционные и современные словари телеутского языка на наличие русизмов и провести их количественный и качественный анализ;
2. Выявить слова, допускающие альтернативное происхождение кроме прямого непосредственного заимствования из русского языка в телеутский;
3. Проанализировать происхождение выявленных слов с учетом имеющихся славянских и тюркских этимологий, а также историко-культурного контекста русско-телеутских отношений.

¹⁴ Ромодановская Е.К., Аникин А.Е. Исторический аспект изучения русского языка в Сибири. *Наука в Сибири*. 2007;49(2634). Режим доступа: <http://www.nsc.ru/HBC/article.phtml?nid=444&id=5> (дата обращения: 20.01.2026).

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в уточнении происхождения ряда слов, классифицируемых как русизмы, в тюркских языках Сибири. Кроме того, работа вносит определенный вклад в изучение русско-телеутских культурно-исторических связей в XVII–XIX вв., а также общую теорию языковых контактов.

Материалы и методы

Основными материалами исследования послужили крупнейшие лексикографические издания по сибирским тюркским языкам середины-конца XIX в. [2, 3, 4, 5, 6], современные словари тюркских языков Сибири, этимологические словари тюркских и славянских языков [12, 13, 14, 15, 16, 17, 18], а также полевые материалы автора. Особое значение для нашей работы имеют этимологические словари русских заимствований в языках Сибири [7] и заимствований из сибирских языков в русском [10].

В работе использовались общенаучные и частно-лингвистические методы – описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный, а также методы сплошной выборки и компонентного анализа.

Результаты и обсуждение

Анализ словарной выборки лексем, помеченных авторами как русизмы (либо слова, образованные от русских этимонов), а также собственных полевых материалов и наблюдений позволил выявить ряд этимологически неоднозначных слов. В эту группу включены слова, потенциально заимствованные из русского языка, однако сходные этимоны характерны и для тюркских языков, либо для третьих языков, которые могли быть источником и для славянских, и для тюркских. Это слова, направление и характер заимствований которых не определен, ср. выше замечание А.Е. Аникина о «спорной зоне». В телеутском языке к данной группе, предположительно, относятся следующие лексемы:

тел. *абра* ‘телега, повозка’ при рус. *арба*.

В телеутском языке *абра* – ‘конная двуосная телега, повозка’, совпадающее по значению с русским *арба* в значении, распространенном на юге России. В.И. Даль отмечает: «*Арба́, араба́* у русских татар – это русская же крестьянская телега» [19, с. 21]. В современном русском *арба* – название реалии, преимущественно одноосная телега у народов Азии и Кавказа. В русском языке считается тюркизмом, подробно см. [10, с. 93], тюркские этимологии варьируют от исконного слова до арабского заимствования с внешними евразийскими параллелями. Н.К. Дмитриев считает **araba* тюркским словом, рассматривая сам предмет «... как атрибут кочевого образа жизни тюркских племен» [12, с. 164–165]. Тел. *абра* может быть как рефлексом тюрк. **araba*, так и вторичным

заимствованием из русского с метатезой при условии, что русские переселенцы в Сибири пользовались им для обозначения телеги, что менее вероятно, но не исключено полностью.

тел. **анбар** 'амбар' при рус. *амбар*.

В словаре Л.Т. Рюминой отсутствует, однако ср. у Вербицкого «анмар (русск.) *амбар*» [6, с. 25] – тувинская форма, для которой, в отличие от телеутской, вполне приемлема русская этимология [7, с. 67]. У Радлова *анбар* (алт., тел.) – иранизм, попавший в тюркские языки из русского [2, с. 243], М. Фасмер [17], предполагает тюркскую этимологию рус. *амбар* ~ *анбар* < тюрк. *ambar* < перс. *anbār* 'амбар, сарай', однако тюрк. форма с *-н-*, как в телеутском, могла действительно происходить из рус. диал. *анбар* (диссимилятивное от *амбар*), хотя нельзя исключить и непосредственный иранизм (за что говорит отсутствие *-мб-*), попавший в телеутский посредством других тюркских языков, например, татарского.

тел. **қарман** 'карман' при рус. *карман*

Отмеченное у Радлова как русское, тел. *карман* 'карман' (при совр. тел. *сеп* 'карман' < араб. جَيْب *jayb* 'карман'), согласно А.Е. Аникину, действительно восходит к рус. *карман* [7, с. 248]; при этом Фасмер приводит для рус. *карман* различную этимологию, в т.ч. и версию М. Рясанена, связанную с тюрк. **qar-* 'проникать' [17]; таким образом, происхождение тел. *қарман* у Радлова не вполне ясно, но вероятнее всего, заимствовано из русского, как и совр. алт. *карман* 'карман'.

тел. **пӧрӧк** 'пирог' при рус. *пирог*

Проблематичным является соотношение тюркской и русской форм. В тюркских языках форма **börek* 'пирог; род теста; пельмени и т.д.' разными тюркологами (Г. Рамстедт, М. Рясанен) этимологизируется независимо от славянской как производное от глагола **бѣр-* ~ **бур-* 'скреплять, стягивать (напр. края вареников)', либо от **bürü-* 'покрывать' и рассматривают его как источник для рус. *пирог* [13, с. 219]. У Радлова и Вербицкого тел. *пӧрӧк* не отмечено, а среди тюркских языков А. Е. Аникин приводит якутский – *börüök* 'пирог', которое он относит к русизмам [7, с. 451]. Этимология непосредственно рус. *пирог* также неоднозначна – от праслав. **pirъ* с суфф. *-огъ* [17], возможность сближения которого с тюрк. **börek* Фасмер отрицает из-за отсутствия его в южнославянских языках на фоне крымскотатарских и караимских форм (что, однако, не исключает заимствование чув. *püräk* в восточнославянские, ср. мнение А.В. Дыбо о тюркском происхождении рус. *пирог*, так как его славянские и индоевропейские этимологии неубедительны [20, с. 241–242]).

Можем предположить, что тел. *pörök* является заимствованием из русского, хотя его отношение к исконно тюркской форме непонятно. Поскольку до переселения в Притомье телеуты занимались кочевым скотоводством и не выращивали пшеницу (хотя названия культурных злаков, в том числе и пшеницы, в их языке сохранились хорошо), кажется маловероятным, что у них существовало обозначение для такой реалии, как «пирог», до знакомства с русской культурой.

тел. *пелене* ‘белена’ при рус. *белена*

Телеутская форма явно вторична по отношению к рус. *белена* и является его фонетической адаптацией при заимствовании. О.И. Трубачев возводит рус. *белена* ‘ядовитое растение семейства пасленовых’ к праслав. **belnъ/*belena*, связанному с глаголом ‘бормотать; бредить, галлюцинировать’ [18]. Формы, похожие на тел. *пелене* ‘белена’ у Вербицкого и Радлова отсутствуют, однако у Вербицкого зафиксирован другой фитоним – *пеле* ‘рябина’ [6, с. 252], то же – в словаре Л.Т. Рюминой и у В.В. Радлова [5, с. 1243]. Однако примечательна контаминация (очевидно, из-за фонетической близости) названий белены и рябины в алтайском, ср. «беле – бот. 1. ‘рябина’; 2. ‘белена’; *беленин* *јүрени* ‘семена белены’». В новом русско-алтайском словаре ‘белена’ – *белене* < рус., также *јыракы* *өлөн*. В целом, происхождение тел. *пелене* из рус. *белена* как будто не вызывает сомнений, но его соотношение с *пеле* ‘рябина’ остается неясным.

тел. *пийма* ‘валенки’ при рус. диал. *пимы*

Изначально заимствованное в русский язык из уральских (ср. нен. *pīta* > саам. **pīt* ‘меховые сапоги’ > ? рус. *пимы* ‘валенки’ [7, с. 450–451], тел. *пийма* несомненно отражает рус. *пимы* ‘валенки’, распространенное у сибирских старожилов, которое телеуты переняли вместе с реалией; в словарях Радлова и Вербицкого отсутствует, поэтому вероятнее всего тел. *пийма* заимствовано непосредственно из русского, т.к. культурные контакты телеутов и северных самодийцев до прихода русских в Сибирь маловероятны. Ауслаутное [а] в телеутском передает маркер множественного числа, ср. рус. *блины* > тел. *блина* ‘блин(ы)’.

тел. *салам* ‘солома’ при рус. *солома*

М. Рясянен VEWT: 397; В.И. Вербицкий [6, с. 291] и В.В. Радлов [5, с. 353] считают тел. *салам* русизмом. С ними согласен А.Е. Аникин, приводя гипотезу К. Менгеса о контаминации рус. *солома* и тюрк. *сал* ‘бросать, рассеивать’, отсюда неогубленный гласный первого слога [7, с. 559–560]. Фасмер приводит для рус. *солома* индоевропейские сближения. Вероятно, нужно рассматривать тел. *салам* как русизм; его сближение с тюрк. *саман* ‘солома’ неприемлемо как ареально (в сибирском

регионе не отмечено; отмеченное у Вербицкого тел. *саман* ‘время’ – омоним; слово, вероятно, бытовало у группы телеутов, вошедших в состав томских татар), так и морфологически из-за перебоя *л~м* в инлауте.

тел. *сырга* ‘серьги’ при рус. *серьга*

Существующие этимологии как тюрк. **syrya* ~ **usyrya*, так и русск. *серьга* проблематичны; Э.В. Севортян предлагает, наряду с попыткой сближения **syrya* с тюрк. *ас-* ‘вешать’, искать прототип тюркского слова в русском языке или обращаться к другим источникам [14, с. 446], напротив, Фасмер считает русское *серьга* булгаризмом (< др.-чув. **sürüy* ‘кольцо’); Брандт рассматривает тюркское *сырга* как заимствование из русского *серьга*, а Рясянен – наоборот, как основу для него [17].

Таким образом, вопрос о том, считать ли тел. *сырга* русизмом, остается открытым; в пользу исконного характера слова в телеутском языке как будто говорит его форма с гласным заднего ряда, тогда как при его происхождении от рус. *серьга* ожидаемой была бы форма *серге* или *сирге*.

тел. *тенке* ‘рубль’ при рус. *деньги*

В словаре Л.Т. Рюминой ‘рубль’ – *тенке*, см. также у Радлова тел. *тенке* ‘монета’ [4, с. 1055] без помет о заимствовании из русского. В речи телеутов слово нами не отмечено, в значении ‘русский рубль’ употребляется слово *салқой* < рус. *целковый*; возможно, тел. *тенке* – рефлекс тюрк. **täñkä* ‘деньги; монета’. М. Рясянен считает его тюркским заимствованием в русском языке (**täñkä* > russ. *деньга* ‘Geld’ [15, с. 474]), а Г. Дерфер – наоборот, из русского [7, с. 170], соответственно, происхождение тел. *тенке* остается спорным.

тел. *түўс* ‘туес’ при рус. *туес*

Слово широко распространено в сибирских языках в значении ‘берестяной короб’ (с вариациями), см. [7, с. 618–619]. В словаре Вербицкого вм. *түўс* отмечено тел. *тосток* ‘короб’ и *тозок* ‘берестяной кузов’ < тел. *тос* ‘береста’ [6, с. 367], ср. также диминутивное тел. *түўзек* ‘туесок’ (либо напрямую из рус. *туесок*). У Радлова тел. *tūs* – ‘туес из бересты’ [4, с. 1578], без пометы о заимствовании. А. Е. Аникин считает коми **tōjis* ‘туес’ исходным для сиб.-рус. диал. *туес* с передачей закрытого *ō* через русское *у*, восходящее к прауральскому **tojэ* ‘береста’ [7, с. 619]. Таким образом, тел. *түўс* могло попасть в телеутский как из русских диалектов, так и напрямую из сибирских языков (как уральских, так и посреднических тюркских).

тел. *чай* ‘чай’ при рус. *чай*

Название чая (сев. кит. 茶 [chá]) относится к бродячим культурным словам Евразии и распространено во всех тюркских языках. Чай

в Россию пришел «... не из Европы, а через Сибирь, где пролегали торговые пути в Китай и Среднюю Азию» [7, с. 665], соответственно, в сибирские тюркские языки (кроме якутского и долганского) слово могло проникнуть еще до его заимствования в русский или одновременно с ним. А. Е. Аникин приводит пласт урало-алтайских и палеоазиатских названий чая в языках, распространенных севернее Чайного пути, источником которых послужил русский язык. По его гипотезе, в сибирские тюркские языки название чая могло попасть из китайского через языки Индии, и далее попасть в иранские (отсюда конечный [j]), а из них – в тюркские: шор., тув. *шай*, алт., тел., хак. *чай*, сиб.-тат. *чай* ~ *цай* и т.д. [7, с. 665]. У Вербицкого [6, с. 423] и Радлова [4, с. 1825] отсутствуют пометы о заимствовании из русского для тел. *чай* (что, впрочем, не означает уверенности авторов в том, что это слово – не русизм). М. Фасмер пишет о рус. *чай* как о тюркизме [17].

Таким образом, ничего как будто бы не противоречит гипотезе о нерусском происхождении тел. *чай*. Однако нет достоверного подтверждения знакомства телеутов и других южных и северных алтайцев с чаем до контактов с русскими, этот напиток не отражен в их фольклоре (в отличие от, например, тувинцев и монголов, чай к которым попадал непосредственно от китайских купцов, см. [21, с. 143]). У телеутов чай, наряду с сахаром, пряностями, тканями, порохом, дробью и т.д. был предметом меновой торговли с русскими, отсюда велика вероятность происхождения тел. *чай* из русского языка, но полной уверенности в этом нет.

тел. *чара* ‘большая чаша’ при рус. *чарка* (уменьш. от *чара*) и монг. *цара* ‘чаша с ножками’.

С фонетическими вариациями название чаши, рюмки, стакана (и – метонимически – порции водки, вина) встречается в урало-алтайских языках северной Сибири как заимствованное из рус. *чарка*, уменьш. от *чара* [7, с. 669], при этом русское слово, отмеченное уже в текстах XII в., могло быть заимствовано из тюрко-монгольского *čara* ‘большая чаша’. М. Фасмер приводит для рус. *чара* индоевропейские сближения (др.-инд. *cariṣ*, др.-исл. *hverr* ‘котел’ и т.д.) [17], отмечая, что у восточных славян источником могло быть тюрк. *чара*. У Вербицкого [6, с. 426] и Радлова [4, с. 1861] также тел. *чара* ‘большая чашка’ (без помет). Все случаи заимствования рус. *чарка* в языки Сибири сохраняют -к-, в том числе в тюркских, ср. тат. *čärkä* ‘чарка, рюмка’ < рус. [4, с. 1969], тел. форма *чара* (без -к-) говорит в пользу ее исконного, незаимствованного характера.

тел. *чарым* ‘наст’ при рус. диал. *чарым* ‘наст’ и письм. монг. *сар* ‘снежная корка’

В словаре Л.Т. Рюминой не зафиксировано, у Вербицкого *чарым* – ‘наст (замерзшая весною поверхность снега)’ без указания на диалект [6, с. 426], то же у Радлова, но с пометой (Tel.) [4, с. 1865]. Для русского *чарым* в качестве источника Аникин предполагает коми *чарѳм* ‘наст’, связанного с саам. *čar^ava-* ‘затвердевший снег’, сомневаясь в тюрко-монгольском происхождении (тел. *чарым*, письм.-монг. *čar* ‘наст’ < праалт. *čar(ʌ)* ‘наст’) уральских форм; телеутское *чарым* он считает русизмом [10, с. 646–647], не связанным с монг. *čar* ‘наст’ [7, с. 670]; параллель телеутской формы с монгольскими приводится в [16, с. 30]. Соотношение тел. и рус. *чарым* на фоне тюрко-монгольских рефлексов праалт. *čar(ʌ)* остается непонятным.

тел. *чочқо* ‘свинья’ при рус. диал. *чушка* ‘свинья’

Обозначение свиньи в ряде тюркских языков (алт., тел. *чочко*, шор. *шоиқа*, чул. *чочка* ~ *щоиқа*, хак. *сосха*, тат. *чочка*) семантически и фонетически сближается с рус. диал. *чушка* ‘свинья’ < уменьш. от *чуха* < праслав. **čik-* ‘звукотрагание для подзывания животных’ [17]. Аникин считает русскую форму исходной для ряда заимствованных слов в языках северо-восточной Евразии (як. *čōski* ‘поросенок’, *čūska* ‘свиноматка’, эвенк., орок. *чуускэ*, нег. *чууска*, ительм. *ч’уска* ‘свинья, чушка’ и т.д.) [7, с. 695–696], однако сомневается в происхождении русск. *чушка* от тюрк. *čōčqa* ‘свинья’, при этом в отдельных русских диалектах Тобола и нижнего Иртыша слово *ч’учка* ~ *чучкá* ~ *чушка* ‘свинья’ является тюркизмом. М. Ряснен считает тюркскую форму исходной для рус. *чушка*, этимологически связывая тюркскую основу с тур. *čōžuk* ‘детеныш животного’ ~ *čižuуа* ‘поросенок’ [15, с. 113]. Тел. *чочқо*, вероятно, не является заимствованием рус. *чушка*, но полностью исключить это нельзя.

тел. *чулан* ‘стаяка; загон для скота’ при рус. *чулан* ‘кладовая; клеть; часть сеней’

Радлов относит это слово к русизмам, ср. тел. *чулан* aus dem russ. *чулань* ‘ограда для скота’ [4, с. 2175], у Вербицкого помета (русск.) отсутствует: тел. *чулан* ‘двор скотный, ограда’ [6, с. 436]. Аникин приводит две противоположные точки зрения – как русизм в тюркских языках и как тюркизм – в русском, отвергая исконно славянский характер слова [7, с. 691]. Вероятно, в отдельных тюркских языках возможно вторичное заимствование рус. *чулан* (тат. *čölân* < ? рус.). Фасмер придерживается версии о тюркском происхождении рус. *чулан* как заимствование в зн. ‘перегородка’ > ‘клеть; кладовая’. Таким образом, тел. *чулан* может быть как русизмом, так и исконно тюркским словом. В некотором смысле в пользу заимствования из русского можно считать то, что исторически телеуты, вероятно, не занимались стойловым скотоводством.

тел. **чулуқ** ‘чулки’ при рус. *чулки*

Слово отмечено у Вербицкого как телеутское – *чулуқ* ‘чулок’ без пометы (русск.) [6, с. 436], в отличие от Радлова, который считает, что тел. *чулұқ* – *aus dem russ. чулокъ* [4, с. 2175]. Аникин приводит различные точки зрения на соотношение русского *чулки* и аборигенных слов: в ряде уральских и палеоазиатских языков, а также в якутском, источником слова, предположительно, стал русский язык, который, в свою очередь, мог ранее заимствовать его из тюркских языков. В отличие от Радлова, Рясянен считает тел. *чулуқ* не русизмом, а исконным словом, родственным тюрк. **čūglā-* ‘свертывать, запутывать’, ср. также гомогенное тел. *чуу* ‘пеленка’; напротив, тат. *чөлкө* ‘чулки’ Радлов выводит из русского [7, с. 691–692]. Фасмер считает рус. *чулок* тюркизмом [17]. На исконность тел. *чулуқ* могла бы косвенно указывать долгота гласного первого слога как результат падения конечнослогового гуттурального: **čūgluk > čūluk*; это требует отдельного исследования.

тел. **шикир** ~ **сақар** ‘сахар’ при рус. *сахар*. ~ письм. монг. *šikir*

Вероятно, в телеутском существовали два слова для обозначения сахара: в словаре Л.Т. Рюминой – *шикир*, *de facto* – *сақар*; второй вариант явно русского происхождения. Несмотря на общую этимологию (от пали *sakkharā* и др.-инд. *śārkarā* ‘гравий; (сахарный) песок’), пути проникновения *шикир* и *сақар* в телеутский были различны. Последний вариант заимствован из русского, в который он проник через греческий *σακχαρον* > др.-рус. *сахарь* > рус. *сахар*. Вариант *шикир* заимствован, вероятно, из монгольских форм с начальным *ч-ш* через перс. *šākār* > письм.-монг. *šikir* > тел. *шикир* [7, с. 532]. Альтернативным источником формы с начальным *ш* в телеутском могло также стать тат. *šikār*, проникшее в телеутский язык после переселения части телеутов в Поволжье в середине XVIII в. [22, с. 14].

тел. **ыштан** ‘штаны, брюки’ при рус. *штаны* и тюрк. *ičton* ‘подштанники’

Тюркское *ičton* ‘нижнее белье, подштанники’ надежно этимологизируется на собственной почве как композита *ič* ‘нутро; внутренний’ + *to:n* ‘верхняя одежда’, Рясянен говорит о его заимствовании в рус. > *штаны* [15, с. 488]. У Рюминой *ыштан* не фиксируется (ср. тел. *чампар* ‘брюки’), однако ср. у Вербицкого *штан* ~ *ыштан* ‘штаны’ (оба слова без диалектных помет, последний вариант с пометой русск.). У Радлова *ыштан* отмечено как алтайское и телеутское, вторично заимствованное из русского [2, с. 1402]. Вероятнее всего, тел. *ыштан* < рус. *штаны*, в пользу чего говорит [а] второго слога в тел. *ыштан* (с протетическим [ы] для компенсации запрета на стечение согласных

в анлауте), хотя Г. Дерффер допускал незаимствованный характер алт. и тел. *yŝtan* [7, с. 716].

Кроме вышеперечисленной лексики, имеющей (потенциальные) параллели в телеутском и русском языках, в телеутском отмечаются слова, обозначающие культурные реалии и не выводимые из тюркских и монгольских языков, но не имеющие при этом явных русских параллелей. Например, тел. *пастӧнкӧ* – ‘дратва’, т.е. толстая крученая нить для изготовления и ремонта обуви – название реалии, вероятно, неизвестной телеутам до контактов с русскими. Логичным представляется искать источник тел. *пастӧнкӧ* в русской диалектной лексике, связанной с шитьем одежды и обуви. В словаре В.И. Даля «басон *м. фрнц.* – тесьма, особ. шерстяная, для нашивок на служительскую одежду, для обивки езжалой и сиделой утвари и пр» [19, с. 53]. Можно предположить, таким образом, что тел. *пастӧнкӧ* < рус. *басон* + *ка*, т.е. *басонка* как диалектное название тесьмы и шнурков. Для телеутской формы характерны оглушение начального смычного, эпентетическое [т] и сингармонизм во втором и третьем слогах, что характерно для заимствований, содержащих [е] и [о], ср. тел. *чиблӧнкӧ* < рус. *цыпленок*.

Заключение

В телеутском языке зафиксировано некоторое количество культурной лексики, потенциально проникшей как из русского, так и посредством иных контактных языков, либо исконно тюркской, но при этом имеющей гипотетические параллели в русском языке. Основная масса заимствованных из русского или посредством русского языка телеутских слов этимологически прозрачна и фонетически адаптирована под нормы языка-реципиента. Однако на их фоне выделяется небольшой слой лексики, чья этимология допускает различные трактовки, а соотношение телеутского и русского слова остается дискуссионным. Прежде всего это слова, для которых постулируются собственно-тюркские этимологии; в этом случае они могли быть заимствованиями вида как *тюрк.* > рус. > тел., так и *тюрк.* > рус || тел. Кроме того, допускается заимствование отдельных слов из прочих сибирских языков (особенно уральских) отдельно в русский и телеутский языки, либо в телеутский через русский.

Этимологическое соотношение рассмотренных выше слов с русскими эквивалентами можно представить в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1

**Потенциальное происхождение русизмов с проблемной этимологией
в телеутском языке**

Table 1

Possible origin of etymologically vague Russian loanwords in Teleut

А	В	направление заимствования				
		А ← В	Тю. → В	А ↔ В	А ← С	
сақар ‘сахар’	сахар	+				
шикир ‘сахар’					+	
ыштан ‘штаны,’	штаны	+	+	+	(?)	
чулуқ ‘чулки’	чулки	+	(?)	+		
чулан ‘стайка; загон для скота’	чулан	+		+	(?)	
чочқо ‘свинья’	чушка		+	(?)	+	
чарым ‘наст’	чарым (диал.)	+		+	(?)	
чара ‘чаша’.	чарка		+	(?)	+	
чай ‘чай’	чай	+		+	(?)	
түүс ‘туес’	туес	+			+	(?)
тенке ‘рубль’	деньги	+	(?)	+		
сырга ‘серьги’	серьга		+	(?)	+	(?)
салам ‘солома’	солома	+		+	(?)	
пийма ‘валенки’	пимы (диал.)	+			+	(?)
пелене ‘белена’	белена	+		+	(?)	
пөрөк ‘пирог’	пирог	+	+	(?)	+	(?)
қарман ‘карман’	карман	+		+	(?)	
анбар ‘амбар’	амбар	+			+	(?)
абра ‘телега’	арба	+	+	(?)		
настдөңкө ‘дратва’	басонка (?) (диал.)	+				

А – телеутский; В – русский; Тю. – тюркские языки; ← / → заимствовано из / в;
↔ неустановленное направление заимствования; С – другие языки

В статье приводится лишь часть телеутской лексики, попадающей в «серую зону», неизбежно возникающую при изучении языковых контактов и лексических заимствований из одного языка в другой. Приводимые гипотезы об их происхождении не претендуют на истинность и допускают иные историко-этимологические трактовки.

Сокращения

алт. – алтайский
араб. – арабский
диал. – диалектный
др.-инд. – древнеиндийский
др.-исл. – древнеисландский
др.-рус. – древнерусский
др.-чув. – древнечувашский
ительм. – ительменский
монг. – монгольский
нег. – негидальский
нен. – ненецкий
орок. – орокский
перс. – персидский
письм. монг. – письменный монгольский
праалт. – праалтайский
праслав. – праславянский
рус. – русский
саам. – саамский
сиб. – сибирский
сиб.-тат. – сибирско-татарский
тат. – татарский
тел. – телеутский
тув. – тувинский
тур. – турецкий
тюрк. – тюркский
хак. – хакасский
чул. – чулымско-тюркский
шор. – шорский
эвенк. – эвенкийский
як. – якутский

Литература

1. Федоров А.И. Языковая ситуация в Сибири и ее изучение. *Сибирский филологический журнал*. 2010;(2):100–107.
2. Радлов В.В. *Опыт словаря тюркских наречий. Том 1: гласные*. СПб. 1893.
3. Радлов В.В. *Опыт словаря тюркских наречий. Том 2: согласные к, к, ќ, б, з (ǰ), х, һ, һ́*. 1899.
4. Радлов В.В. *Опыт словаря тюркских наречий. Том 3: согласные ј, ј́, ј́, н, н, р, л, л́, т, д, ч*. Санкт-Петербург. 1905.
5. Радлов В.В. *Опыт словаря тюркских наречий. Том 4: согласные ч, ц, з, с, з, ш, ж, ж́, п, б, ф, в, м*. Санкт-Петербург. 1911.
6. Вербицкий В.И. *Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка*. Казань. 1884.
7. Аникин А.Е. *Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири*. Новосибирск. 2003.
8. Рюмина-Сыркашева Л.Т., Кучигашева Н.А. *Телеутско-русский словарь*. Кемерово. 1995.
9. Рюмина-Сыркашева Л.Т., Рюмин Н.М. *Русско-телеутский словарь*. Кемерово. 2002.
10. Аникин А.Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. Москва, Новосибирск. 2000.
11. Федоров А.И. Русский язык в Сибири. *Вопросы языкознания*. 1982;(2):81–89.
12. Севортян Э.В. *Этимологический словарь тюркских языков: Обще-тюркские и межтюркские основы на гласные*. Москва: Наука. 1974.
13. Севортян Э.В. *Этимологический словарь тюркских языков: Обще-тюркские и межтюркские основы на букву «Б»*. Москва: Наука. 1978.
14. Левитская Л.С., Благова Г.Ф., Дыбо А.В. и др. *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С»*. Москва: Восточная литература РАН. 2003.
15. Räsänen M. *Versuch eines etymologischen wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki. 1969 (на нем.).
16. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика* / ред. Э.Р. Тенишев. Москва. 2001.
17. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка. В 4 т.* М.: Прогресс. 1986. Режим доступа: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer> (дата обращения: 01.02.2026).

18. *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд* / ред. О.Н. Трубачев. Москва. 1974 – н.в. Режим доступа: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=essja> (дата обращения: 01.02.2026).

19. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1. Санкт-Петербург, Москва: М.О. Вольф. 1880.

20. Дыбо А.В. Тюркские и славянские языки: история взаимоотношений. *Балто-славянские исследования – XXI*. 2021:229–265.

21. Шараева Т.И., Айыжы Е.В. Чай в традиционной культуре калмыков и тувинцев. *Новые исследования Тувы*. 2019;(4):140–153.

22. Кимеев В.М. *Исторические судьбы телеутов*. Кемерово: Изд-во Кемеров. гос. ун-та. 2017.

References

1. Fedorov AI. The language situation in Siberia and its study. *Siberian Journal of Philology*. 2010;(2):100–107 (in Russian).

2. Radlov VV. *Experience of a Dictionary of Turkic Dialects. Vol. 1: Vowels*. Saint Petersburg. 1893.

3. Radlov VV. *Experience of a Dictionary of Turkic Dialects. Vol. 2: Consonants k, κ, к, ѓ, з (ǰ), x, h, ѡ*. Saint Petersburg. 1899.

4. Radlov VV. *Experience of a Dictionary of Turkic Dialects. Vol. 3: Consonants j, ѓ, j, н, н, p, л, l, m, ѓ, ч*. Saint Petersburg. 1905.

5. Radlov VV. *Experience of a Dictionary of Turkic Dialects. Vol. 4: Consonants ч, ц, з, с, з, ш, ж, ѡ, н, б, ф, в, м*. Saint Petersburg. 1911.

6. Verbitskiy VI. *Dictionary of Altai and Aladag dialects of Turkic language*. Kazan. 1884 (in Russian).

7. Anikin AE. *Etymological dictionary of Russian loans in Siberian languages*. Novosibirsk. 2003 (in Russian).

8. Ryumina-Syrkasheva LT, Kuchigasheva NA. *Teleut-Russian dictionary*. Kemerovo. 1995 (in Russian).

9. Ryumina-Syrkasheva LT, Ryumin NM. *Russian-Teleut dictionary*. Kemerovo. 2002 (in Russian).

10. Anikin AE. *Etymological dictionary of Russian dialects of Siberian. Uralic, Altaic and Paleo-Siberian lexical loans*. Moscow-Novosibirsk. 2000 (in Russian).

11. Fedorov AI. Russian language in Siberia. *Topics in the Study of Language*. 1982;(2):81–89 (in Russian).

12. Sevortyan EV. *Etymological dictionary of Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic vowel bases*. Moscow: Nauka. 1974 (in Russian).

13. Sevortyan EV. *Etymological dictionary of the Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic stems starting with the letter “B”*. Moscow: Nauka. 1978 (in Russian).

14. Levitskaya LS, Blagova GF, Dybo AV, et al. *Etymological dictionary of the Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic stems starting with the letters “L”, “M”, “N”, “P”, “S”*. Moscow: Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences. 2003 (in Russian).
15. Räsänen M. *Versuch eines etymologischen wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki. 1969 (in German).
16. *Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Lexicon* / ed. E.R. Tenishev. Moscow. 2001 (in Russian).
17. Vasmer M. *Etymological Dictionary of the Russian Language*. In 4 volumes. Moscow: Progress. 1986. Available at: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer> (accessed: 01.02.2026) (in Russian).
18. *Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Collection* / ed. ON. Trubachev. Moscow. 1974–present. Available at: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=essja> (accessed: 01.02.2026) (in Russian).
19. Dahl VI. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. Vol. 1. Saint Petersburg, Moscow: M.O. Wolf. 1880 (in Russian).
20. Dybo AV. Turkic and Slavic languages: history of relationships. *Balto-Slavic studies – XXI*. 2021:229–265 (in Russian).
21. Sharaeva TI, Aiyzhy EV. Tea in the traditional culture of Kalmyks and Tuvans. *The New Research of Tuva*. 2019;(4):140–153 (in Russian).
22. Kimeev VM. *Historical destinies of the Teleuts*. Kemerovo: Publishing house of Kemerovo State University. 2017 (in Russian).

Об авторе

ТОКМАШЕВ Денис Михайлович – кандидат филологических наук, доцент, доцент, кафедра иностранных языков, Гуманитарный факультет, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3941-043X>, WoS ResearcherID: AAQ-6404-2021, Scopus Author ID: 57189899811, Elibrary AuthorID: 452493, SPIN: 9630-6302; e-mail: kogutei@yandex.ru

About the author

Denis M. TOKMASHEV – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3941-043X>, WoS ResearcherID: AAQ-6404-2021, Scopus Author ID: 57189899811, Elibrary AuthorID: 452493, SPIN: 9630-6302; e-mail: kogutei@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

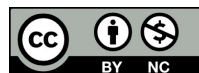
The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 09.02.2026

Поступила после рецензирования / Revised 28.02.2026

Принята к публикации / Accepted 04.03.2026

УДК 811.512.155

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-142-165>*Оригинальная научная статья*

Антрополог и словарь. Опыт составления словаря шорского языка

Д. А. Функ

Московский государственный лингвистический университет,

Москва, Россия

 d_funk@iea.ras.ru

Аннотация

Шорский язык, один из тюркских языков России, находится под угрозой исчезновения. Несмотря на существование ряда словарей, созданных за последние полтора века, их совокупный объем не превышает 5 тысяч лексем, что не отражает лексического богатства языка. Целью данной работы является описание многолетнего опыта составления нового, наиболее полного на сегодняшний день шорско-русского словаря, включающего 9 тысяч слов. В качестве материалов использован обширный корпус опубликованных и архивных текстов (героический эпос, иные фольклорные материалы, периодика, переводная и оригинальная литература XIX–XXI вв.), а также полевые аудиозаписи спонтанной речи и эпических сказаний. Методология работы сочетает в себе традиционный филологический анализ с применением инструментов корпусной лингвистики – специально созданного интерактивного корпуса шорских текстов и электронной версии словаря, что позволило значительно ускорить процесс выявления, проверки и контекстуализации лексики. В результате не только был создан масштабный лексикографический ресурс, но и систематизированы основные источники шорской письменной традиции, выявлены лакуны в предыдущих лексикографических описаниях. Практическая значимость исследования заключается в создании фундаментального инструмента для сохранения, изучения и преподавания шорского языка, а также в демонстрации эффективности интеграции цифровых методов в антропологически ориентированную лексикографию. Работа над словарем в настоящее время продолжается, а его структура, включающая в себя диалектные варианты, историко-этнографические комментарии и обширные контекстные примеры, закладывает основу для будущих исследований шорской лексики и культуры.

Ключевые слова: шорский язык, лексикография, словарь, языковая документация, корпусная лингвистика, тюркские языки, исчезающие языки, шорский

© Функ Д. А., 2026

героический эпос, диалектная лексика, историко-этнографический комментарий, цифровые гуманитарные науки, полевые исследования

Для цитирования: Функ Д.А. Антрополог и словарь. Опыт составления словаря шорского языка. *Арктика XXI век*. 2026;14(1):142–165. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-142-165>

Original article

Anthropologist and dictionary: experience in compiling a Shor language dictionary

Dmitriy A. Funk

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

 d_funk@iea.ras.ru

Abstract

The Shor language, one of the Turkic languages of Russia, is endangered. Despite the existence of several dictionaries compiled over the past century and a half, their total volume does not exceed 5,000 lexemes, failing to reflect the language's lexical wealth. This paper aims to describe the long-term experience of compiling a new, most comprehensive to date Shor-Russian dictionary, comprising more than 9,000 words. The research is based on an extensive corpus of published and archival texts (heroic epics, other folklore materials, periodicals, translated and original literature from the 19th to 21st centuries), as well as field audio recordings of spontaneous speech and epic narratives. The methodology combines traditional philological analysis with the application of corpus linguistics tools – a specially created interactive corpus of Shor texts and an electronic version of the dictionary, which significantly accelerated the process of identifying, verifying, and contextualizing vocabulary. As a result, not only has a large-scale lexicographic resource been created, but the main sources of the Shor written tradition have also been systematized, and gaps in previous lexicographic descriptions have been identified. The practical significance of the study lies in the creation of a fundamental tool for the preservation, study, and teaching of the Shor language, as well as in demonstrating the effectiveness of integrating digital methods into anthropologically oriented lexicography. Work on the dictionary continues, and its structure, including dialectal variants, historical-ethnographic comments, and extensive contextual examples, lays the groundwork for future research on Shor vocabulary and culture.

Keywords: Shor language, lexicography, dictionary, language documentation, corpus linguistics, Turkic languages, endangered languages, Shor heroic epic, dialectal vocabulary, historical-ethnographic commentary, digital humanities, field research

For citation: Funk D.A. Anthropologist and dictionary: experience in compiling a Shor language dictionary. *Arctic XXI Century*. 2026;14(1):142–165 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-142-165>

Введение

Шорский язык (*шор тил, тадар тил*) – один из тюркских языков, находящихся под угрозой исчезновения. Общая численность шорцев по итогам Всероссийской переписи населения 2020 года – 10 581 чел. Большинство живет в местах своего преимущественного проживания в Кемеровской области (8 324 чел.), причем более $\frac{3}{4}$ из них – в городах и поселках городского типа. Отдельные группы шорцев проживают также в Республике Хакасия и Красноярском крае, в Республике Алтай и Алтайском крае. В ходе переписи 2020 г. 5 426 чел. шорцев, то есть более 50%, указали шорский язык в качестве родного¹. Фактически эта цифра говорит лишь о числе тех, кто *считает* и называет этот язык родным, но отнюдь не отражает реального положения дел, поскольку в процессе проведения переписи сведения о степени владения тем или иным языком не собираются. Неофициальные экспертные оценки говорят о том, что число свободно владеющих шорским разговорным языком вряд ли превышает 10%².

В шорском языке «два основных диалекта: мрасский и кондомский; каждый из них имеет разветвленную систему говоров: основные говоры кондомского диалекта – нижнемрасский с абашевским подговором, мундыбашский (каларский), антроповский, верхнекондомский, пызасский; основные говоры мрасского диалекта – нижнемрасский, томский, среднемрасский, кобырзинский, верхнемрасский с ортонским подговором³.

Структурно и по базовой лексике шорский язык весьма близок языку текстов, записанных руническим письмом на орхонских и енисейских стелах почти полторы тысячи лет тому назад, во времена существо-

¹ Таблица №20 Т. 5 Всероссийской переписи населения 2020 года. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab20_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 20.01.2026).

² Указание в описании шорского языка на портале «Малые языки России» (проект ИЯ РАН, <https://minlang.iling-ran.ru/lang/shorskiy-yazyk>) на 2 829 чел., владеющих шорским языком по состоянию на 2010 г., исходило, очевидно, из неверной трактовки данных Всероссийской переписи, в которой в 2010 г. люди лишь *назвали* этот язык родным. Впрочем, тут еще одна неточность: в ту перепись назвали шорский язык своим родным 2 631 чел. (или 20,4% от 12 869 чел. шорцев, ответивших на вопрос о родном языке, см.: <https://clck.ru/3SVjPd>).

³ Страница проекта «Языки народов Сибири». Режим доступа: <https://lingsib.iea.ras.ru/ru/languages/shor.shtml> (дата обращения: 20.01.2026).

вания Тюркских каганатов (552–744 гг.). Однако устойчивость тюркских языков во времени, как хорошо известно, не является абсолютной, что хорошо видно и на примере шорского языка, впитавшего в себя значительное число енисейских, самодийских, монгольских слов, а в последние четыре столетия и – русских. Влияние русского языка наиболее сильное и заметное, причем оно отмечается не только в построении фраз и обилии используемых в бытовой речи русских слов, но и в так называемой смене кодов, когда в одной фразе может использоваться и разная лексика (шорская и русская), и разные грамматические конструкции, включая формы словообразования. Быстрыми темпами меняется и собственно тюркский лексический пласт (в частности, за счет выхода из употребления слов, использовавшихся ранее для обозначения предметов, явлений и процессов, которые в настоящее время уже не являются актуальными), равно как и в целом сужается сфера использования шорского языка в быту. Последнее обусловлено не только тем, что шорцы на прежних своих этнических территориях составляют меньшинство, но также многолетним отсутствием преподавания шорского языка в школах. После долгого перерыва, с начала 1940-х и до начала 1990-х годов, шорский язык на какое-то время вернулся в качестве внеурочного предмета в несколько школ Кемеровской области (в пос. Бородино, Ортон, Шерегеш, а также в городах Таштагол и Междуреченск⁴), но в целом ситуация далека от того, чтобы представлять ее в радужных тонах.

С учетом вышесказанного задача создания словаря шорского языка представляется более чем актуальной.

С 1981 года автором регулярно проводились полевые исследования в Шории и, кроме собственно социально-антропологических исследований, велась запись шорского фольклора, фиксировалась шорская лексика, связанная с культурой доиндустриального периода, а в последние годы публиковались тексты героического эпоса. В годы учебы в университете и затем в аспирантуре отсутствие словарей шорского языка приходилось компенсировать обращением к классическим словарям тюркских языков, составленным в конце XIX века В.И. Вербицким [1] и В.В. Радловым [2], которые фиксировались на каталожных карточках и, по возможности, перепроверялись у пожилых информантов. Сейчас же, после создания полнофункционального электронного словаря шорского языка (о нем будет сказано ниже), речь идет о типографском издании

⁴ Городкова А. Язык до Усть-Анзаса доведет. Где в Кузбассе изучают шорский? *Аргументы и факты. Кузбасс АиФ*, 2016; №43. Режим доступа: https://kuzbass.aif.ru/culture/yazyk_do_ust-anzasa_dovedyot_gde_v_kuzbasse_izuchayut_shorskiy (дата обращения: 20.01.2026).

самого объемного на сегодняшний день (более 9 тыс. слов) шорского словаря. В предлагаемом ниже очерке рассматриваются те материалы, которые в итоге позволили составить этот словарь, а также те сложности, которые возникали и продолжают возникать в ходе этой работы.

Материалы и методы

Из истории составления словарей шорского языка

История создания словарей шорского языка насчитывает около полутора столетий. Значительный объем шорской лексики был учтен в последней четверти XIX столетия в известных словарях В.И. Вербицкого и В.В. Радлова. Маркирована шорская лексика была различно. В словаре В.В. Вербицкого она идет с пометками «к.» (кондомское наречие) или более точно «в.-к.» (верхне-кондомское) и «н.к». (нижне-кондомское), «м.» (мрасское наречие) и «мат.» (матырское наречие), при том, что в предисловии сам же Вербицкий писал, что «матырское наречие»⁵, как и язык жителей р. Мрас, относятся в верхне-кондомскому наречию [1, с. 3]. В общей сложности с указанными пометками в словаре значится около 3,5 тыс. слов и примеров (фактически собственно заглавных слов меньше), но с учетом той лексики, которая была приведена В.В. Вербицким как общая для всех тюркских «наречий» региона, можно считать, что общее число шорских слов в нем составляет около 4 тыс. единиц. В.И. Радлов сопровождал шорскую лексику пометкой Schor. и использовал дополнительный символ W. в тех случаях, когда это слово было извлечено им из словаря В.В. Вербицкого. Даже при том, что в словаре Радлова оказалось значительное число фонетических вариантов одних и тех же слов, все же объем шорской части словаря оказался весьма внушительным: по произведенным подсчетам, в нем насчитывается около 4 900 слов и примеров, маркированных как шорские.

Несмотря на великолепно выполненную обоими составителями работу, судя по тому, как развивалось словарное дело в отношении шорского языка в советское время, оба словаря совсем или практически совсем не использовались.

В XX веке словарная работа велась неравномерно в разное время: после издания школьного русско-шорского словаря (1940) [3] новые словари появились лишь спустя более чем 50 лет: краткий русско-шорский разговорник (1992) [4] и изданный в том же году репринтным способом шорско-русский словарь [5].

Из названных трех словарей самый крупный был издан в 1940 году. Его составителями были М.Г. Старвулли, С.С. Филиппов, В.М. Чистяков и С.В. Янович, а редактором – известный специалист по методике

⁵ В современной лингвистике – шорский диалект хакасского языка.

преподавания русского языка В.М. Чистяков. Словарь содержит более 5 тыс. слов, но значительную, если не бóльшую их часть составляют значимые для того времени русские слова, которые полагалось знать молодому поколению шорцев, не владеющему русским языком. Среди них и просто лексика, отсутствовавшая в шорском языке, с переводами типа «бурлак – *баржсаларды пагба чазаг тартчыткан*⁶», «велеть – *приказать*», «вентиляция – *вентиляция*», «аренда – *аренда, корт*⁷» и т.п., и идеологически/социально нагруженная лексика вроде «буржуй – *буржуй*», «Верховный Совет – *Верховный Совет*», «комсомолец (мн. ч. комсомольцы) – *комсомолец* (мн. ч. *комсомолецтер*)», «красногвардеец – *красногвардеец*» и многие другие, и более полутора сотен слов, образованных с помощью глагола *эдерге* ‘делать’, типа *бинтовать эдерге, курсировать эдерге, маршировать эдерге, назначить эдерге, печатать эдерге* и т.п.

Шорско-русский словарь, составленный М.Л. Судачаковым, Г.Д. Чульжановым и Г.В. Косточаковым и изданный в 1992 году [5], многократно меньше, в него включено всего около 2 тыс. слов.

Наиболее полным на последующие практически три десятилетия стал учебный шорско-русский и русско-шорский словарь объемом около 3 тыс. шорских слов, изданный в 1993 году Н.Н. Курпешко-Таннагашевой и Ф.Я. Апонькиным [6]⁸. С учетом того, что некоторые шорские слова оказались учтены лишь в «русской» части словаря, объем шорской лексики был несколько большим, чем было указано, впрочем, ненамного. Значительную подготовительную работу для этого издания выполнил бывший школьный учитель, краевед Ф.Я. Апонькин (1914–1993), в течение многих лет записывавший в амбарные тетради шорские слова и их переводы. По его собственным оценкам⁹, в каждой из этих тетрадей (для шорского-русского и для русско-шорского словаря) было не менее 6 тыс. слов. К сожалению, местонахождение рукописных материалов Ф.Я. Апонькина установить не удалось.

⁶ Букв. ‘пешком тянувший баржи на лямках’.

⁷ Очень сомневаюсь, что сейчас многие знают значение русского слова *корт* (точнее – *кортom*), которое некогда использовалось для обозначения аренды, оброка и т.п.

⁸ В 1995 г. на базе этого словаря, с некоторыми дополнениями, в частности, с приложением краткого грамматического очерка (на с. 127–141), но, впрочем, и с дополнительными ошибками, за авторством Н.Н. Курпешко-Таннагашевой и Ш.Х. Акалина был издан шорско-турецкий словарь [7].

⁹ Я регулярно общался с Федором Яковлевичем, начиная с первой нашей с ним встречи в январе 1982 года.

Словарь Н.Н. Курпешко-Таннагашевой и Ф.Я. Апонькина был практически на 100% основан на нижнемрасском говоре мрасского диалекта шорского языка, то есть того говора, который и был положен в свое время в основу шорского литературного языка. Диалектных слов (все они сопровождаются пометкой «конд.», т.е. кондомский диалект) в нем насчитывается менее двух десятков. Для целей организации преподавания шорского языка школьникам словарь, с точки зрения ориентации на единую норму и отсутствия диалектных и говорных вариантов, был чрезвычайно полезным.

Спустя шесть лет в качестве дополнения к словарю Курпешко-Таннагашевой и Апонькина Д.А. Функом были опубликованы еще около 1 тыс. шорских слов с историко-этнографическими комментариями [8]. Основная их часть также была зафиксирована в языке нижнемрасских шорцев и лишь некоторые включенные в этот словарик слова были записаны у шорцев в самых верховьях р. Мрас, а также в населенных пунктах по р. Кондоме.

В 1998–2003 гг. работа по составлению шорского словаря была продолжена российскими и немецкими специалистами в качестве составной части большого международного проекта «Создание электронного корпуса шорских текстов (литературных и образцов устной речи) и его лингвистическое описание» (рук. М. Эрдал и А.В. Есипова¹⁰). Какое-то время в процессе реализации проекта и по его окончании на странице проекта в сети Интернет¹¹ были доступны шорско-русский и русско-шорский словари, представленные в виде списка шорских и русских лексем, однако в последние примерно десять лет сайт проекта в сети не обнаруживается.

Примерно к этому же времени относится работа с лексикой, встречавшейся в эпических текстах шорского сказителя В.Е. Таннагашева (о нем подробнее будет сказано ниже), результаты которой в виде шорско-русского словарика устаревшей лексики объемом около 500 слов были опубликованы в качестве приложения к статье А.В. Есиповой и Л.Н. Арбачаковой [9]¹².

Отдельного упоминания заслуживает обнаруженный в сети Интернет русско-шорский словарь объемом немногим менее 5 тыс. слов¹³.

¹⁰ Есипова А.В. Проект «Шорика»: послепроектная деятельность в области развития информационных технологий в сфере образования // <https://lingsib.ica.ras.ru/projects/educational/shorica.shtml>

¹¹ Шорский словарь. Режим доступа: <http://shoriya.ngpi.rdtc.ru/> (дата обращения: 20.01.2026).

¹² В русской версии этой статьи [10] словарного приложения, к сожалению, нет.

¹³ Русско-шорский словарь. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20180706111742/http://tili.tadarlar.ru/tadar/rus-shor.html> (дата обращения: 20.01.2026).

Авторы и источники для составления этого словаря на сайте не названы. Словарь, в принципе, составлен довольно качественно, хотя он и минималистичен: все словарные статьи в нем даны по типу «слово на русском и его перевод на шорский» и лишь изредка сопровождаются примерами использования этих слов в контексте. Впрочем, как показало детальное знакомство с включенными в него словарными статьями, в нем порой встречаются странности. В частности, в словаре есть слово «электричество», которое переведено на шорский как *үртүң*, что является грубейшей ошибкой, основанной, судя по всему, на неверном понимании реального значения этого шорского слова 'ток'. «Ток» в данном случае – это часть гумна, место, предназначенное для обмолота хлеба, очистки и сортировки зерна. То есть, к электричеству шорское слово *үртүң* точно не имеет никакого отношения. Встречается там также слово 'душить', которое переведено на шорский как *үжүрерге*. Глагол такой в шорском языке, действительно, есть, но он означает не 'душить', а 'тушить' (напр., свет или огонь). Скорее всего, вариантом (или исходной версией) этого словаря, судя по адресной строке в Интернете, является «Шорско-русский словарь», содержащий 2264 записи¹⁴.

И, наконец, можно упомянуть еще один шорско-русский словарь объемом около 680 слов, составленный Г.В. Косточаковым и опубликованный в качестве приложения к шорскому переводу Евангелия от Иоанна в 2011 г. [11, с. 153–206]. Спецификой данного словаря является его ориентация на шорский текст Евангелия. В него включено довольно много слов, отсутствующих в шорской культуре, типа Авраам, Голгофа, Динарий, Синагога, Фарисеи и проч., равно как и попыток обозначения на шорском языке феноменов, не характерных для этого языка и этой культуры, типа *Қудайдың Оғлу* – Сын Божий, *Улуг-Қаан* – Господь Бог и др. Есть также особенности в орфографии: 1) слово *қаан* пишется с долгой [а]; 2) звонкий велярный щелевой [ɣ], употребляющийся на конце слов и слогов с заднерядными (твердыми) гласными, обозначается буквой **ғ**, в отличие от орфографической нормы, представленной в «Грамматике шорского языка» М.П. Амзорова [12, с. 10] и в «Графике и орфографии шорского языка» Э.Ф. Чиспиякова [13, с. 18], то есть *арығ* вместо *арыг*, *толқуғ* вместо *толқуг* и др., и даже *тириғ* вместо *тириг*; 3) сложные глаголы пишутся через дефис (напр. *түш-парып*) и часто с сохранением (по крайней мере, частичным сохранением) комбинаторных изменений, характерных для устной речи (напр. *угыб-алып* вместо *угуп алып*,

¹⁴ Электронный шорско-русский словарь проекта «Тадар Тили». Режим доступа: <https://tili.tadarlar.ru/tadar/shor-rus.html> (дата обращения: 20.01.2026).

парыб-одурчам вместо *парып одурчам* и т.п.); в случае с таким написанием глаголов также наблюдается отход от общепринятой в тюркских языках Саяно-Алтая нормы с раздельным написанием этих глаголов и с отказом от сохранения на письме комбинаторных изменений (как писала в свое время Н.П. Дыренкова, «комбинаторные изменения, в целях упрощения орфографии, не фиксируются» [14, с. 22]. Представляется важным отметить все эти особенности, поскольку те же самые проблемы возникали и в ходе работы над данным словарем.

Источники для пополнения словаря шорского языка

Несмотря на существование различных словарей и словников, опубликованных в период с 1880-х до начала 2010-х гг., общее число зафиксированных в них шорских слов, по произведенным подсчетам, так и не превысило 5 тыс. единиц. Для составления существенно большего по объему словаря шорского языка необходимо было выявить и проработать новые источники.

Основных групп такого рода источников – две: письменные источники (как опубликованные, так и архивные) и устные (аудиовидеозаписи спонтанной речи и фольклорных текстов и работа с людьми, свободно владеющими шорским языком, в процессе выяснения значения тех или иных слов, отсутствующих в словарях шорского языка).

Начну с характеристики первой группы.

Публикацию шорских текстов Радловым (восемь текстов героического эпоса в первом томе «Образцов народной литературы ...» [15, с. 310–398]) можно не принимать в расчет, поскольку вся эта лексика вошла в Радловский словарь¹⁵. Так как других записей фольклора на шорском языке в XIX в. не было, то весь остальной материал будет относиться к XX–XXI вв.

Огромную роль в шорском языкознании сыграла выдающаяся специалист по этнографии, фольклору и языкам тюрков Саяно-Алтая Н.П. Дыренкова (1899–1941). Хотя она не составила словарь шорского языка, но ее фундаментальные работы «Грамматика шорского языка» [14] и «Шорский фольклор» [16] стали тем базисом, на котором строилась словарная работа. Том шорского фольклора был тщательно изучен на предмет поиска незафиксированной ранее лексики и уточнения

¹⁵ Словарь В.В. Радлова дал в итоге порядка 600 словарных статей для составленного сейчас шорско-русского словаря.

значения обнаруженных слов¹⁶. Это дало возможность пополнить словарь не только на основе анализа текстов, записанных в низовьях р. Мрас (основа литературного языка), но и текстов, записанных в низовьях и верховьях р. Кондомы, а также в населенных пунктах в среднем и верхнем течении р. Мрас.

Кроме опубликованных текстов, в архиве Н.П. Дыренковой (Архив Музея антропологии и этнографии РАН, ф.3, оп.1) сохранилось несколько десятков полевых записей шорского героического эпоса на языке оригинала (подробно см.: [17, с. 45–51, 501–504]), в которых встречаются отдельные комментарии к тем словам и выражениям, которые были непонятны самой исследовательнице и которые она уточняла у сказителей. Автором статьи были расшифрованы, набраны на компьютере на фонетической латинице (как у Дыренковой), нормализованы в современную кириллицу и переведены на русский язык девять эпических текстов, записанных исследовательницей от нижнемрасских сказителей – по одному от И.П. Амзорова, П.Н. Амзорова, К.П. Апонаева, Н.А. Напазакова и Г.Н. Кастаракова и четыре от А.И. Абакаева. В каждом из этих текстов было выявлено не менее десятка слов, ранее не фиксировавшихся в словарях шорского языка.

Наряду с фольклорными текстами следует упомянуть и другие материалы, как опубликованные, так и архивные. Благодаря усилиям нескольких исследователей – к ним относятся А.И. Чудояков, Л.Н. Арбачакова, Д.А. Функ и Б.И. Токмашов – в период с 1998 по 2022 г. вышло более полутора десятков томов на шорском языке и с переводом на русский язык [18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30], а также на шорском языке без перевода (записи Г.Ф. Бабушкина и Д.А. Функа [31; 32]). Все названные публикации, несмотря на специфику подхода к орфографии шорского языка в некоторых из них, оказались важны для пополнения шорского словаря, особенно в части включения в него диалектной лексики [24]. Для расширения словаря за счет текстов, записанных на нижнекондомском говоре кондомского диалекта шорского языка, важными стали публикации упомянутого выше Б.И. Токмашова, впрочем, с одной оговоркой. Речь идет о тексте эпоса «Кёк-Торчук» [23] из числа самозаписей выдающегося шорского

¹⁶ Поскольку Н.П. Дыренкова, стремясь разнообразить перевод текстов на русский язык, часто использовала для перевода одного и того же шорского слова разные слова русского языка, и поскольку в целом ряде случаев, где речь шла об устаревшей лексике, она либо опускала эти места в переводе, либо в лучшем случае давала максимально общие толкования смысла, то предпринятая мной работа оказалась не настолько простой, как я изначально рассчитывал.

сказителя С.С. Торбокова (1900–1980). Несмотря на качественную в целом подготовку этого текста к изданию, во многих случаях он оказался написанным ... на языке издателя. Да, это, безусловно, шорский язык, причем ровно тот же говор кондомского диалекта, что и у Торбокова, но при разборе этой публикации приходилось по несколько раз на каждой из почти 150 страниц шорского текста сверяться с рукописным оригиналом, что позволило выявить множество значимых расхождений и, соответственно, новых словоформ.

Несмотря на то, что сказитель С.С. Торбоков принципиально не соглашался исполнять эпос для записи на магнитофон, он все же сыграл выдающуюся роль в сохранении эпического наследия нижнекондомских шорцев, равно как и нижнекондомского говора кондомского диалекта шорского языка. В его рукописных записях на шорском языке (в значительной мере эти тексты также переведены им самим на русский язык) сохранилось по меньшей мере 45 текстов, каждый объемом от 4 до 9 тысяч стихотворных строк (подробно о составе архивных хранилищ с рукописями С.С. Торбокова см.: [17, с. 62–72, 505–514]). Публикаций, к сожалению, практически нет, что, по-видимому, определяется спецификой этих записей: за исключением трех первых самозаписей эпоса, во всех остальных шорских текстах Торбоков не проставлял знаки умлаута (для букв *ö* и *y*), а в переводах на русский язык часто давал лишь смысловой перевод фраз. Об эпосе «Кёк-Торчук», подготовленном к изданию Б.И. Токмашовым, было сказано выше, а еще один небольшой фрагмент сказания «Қаннаң чабыс Қан-Перген» с изложением сюжета эпоса, нормализованным шорским текстом с переводом на русский язык, примечаниями и комментариями был опубликован автором этой статьи [27, с. 50–137].

Из ранних публикаций на шорском языке большим объемом текстов общественно-политической направленности выделяется газета «Кызыл Шор», выходившая на шорском языке (в разное время и на кириллице, и на латинице) в Мысках в 1930–31 гг., Щегловске в 1931 г., Кузедеево в 1933–39 гг. и в Спасске с 1940 по 1941 г. В распоряжении автора были отсканированные номера газеты лишь за 1933 г., разбором которых пока пришлось ограничиться.

Художественной литературы на шорском языке практически не существует. Кроме повести «Шолбан» Ф.С. Чиспиякова и нескольких рассказов этого же автора, а также опубликованных во второй половине XX столетия бытовых рассказов А.И. Чудоякова и М.П. Амзорова [33] и других писателей и поэтов [34], есть несколько переводов с русского языка прозы М. Горького и А.С. Пушкина, выполненных Ф.С. Чиспия-

ковым и И.Я. Арбачаковым [35; 36]¹⁷. Из современных переводов можно назвать такие крупные работы как упомянутое выше Евангелие от Иоанна в переводе Г.В. Косточакова [11] и сказку Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес» (*Алисаның қайғаллығ черде полған чоруктары*) в переводе Л.Н. Арбачаковой [37].

И, наконец, еще один источник в виде письменных фиксаций фольклорных текстов – это тексты героического эпоса в самозаписи шорского сказителя В.Е. Таннагашева¹⁸ из личного архива автора. За время нашего общения со сказителем в 2002–2006 гг. было записано на шорском языке 32 текста (один эпос – повторно, то есть всего 31 сюжет), а еще 4 были записаны им до нашего знакомства, в 1999–2000 гг. Общий объем исходных записей – более 2 тыс. рукописных страниц. Пять из этих текстов были изданы в нормализованном виде на шорском языке с переводом на русский и еще семь – на шорском языке без перевода.

Устные тексты, использованные при работе над словарем (вторая группа источников), представлены аудио- и видеозаписями героического эпоса 1983, 1985, 1988, 2002, 2003 и 2006 гг. Подавляющее большинство их было сделано автором от сказителей – носителей нижнемрасского говора мрасского диалекта (8 текстов – от М.Е. Токмагашевой, 1 – от А.П. Напазакова, 1 – от М.К. Каучакова и 10 – от В.Е. Таннагашева) и один эпос был записан на среднем течении р. Мрас (от А.Н. Топакова). Общая продолжительность звучания текстов на шорском языке – около 40 часов.

Возможности корпусной лингвистики в работе над словарем

Анализ названных выше словарей, опубликованных и архивных материалов *de visu* с целью выявления лексики шорского языка и уточнения значения слов потребовал нескольких лет работы, причем для записей С.С. Торбокова, газеты «Кызыл Шор» и значительной части переводов литературы с русского языка эта работа еще не закончена.

¹⁷ Здесь указана не вся литература, в том числе и потому, что среди публикаций было довольно много общественно-политических или пропагандистских изданий. Вот как, например, писалось о планах издания шорской литературы в разделе «Хроника» в 1 номере журнала «Сибирские огни» за 1940 г.: «На шорском языке будет издано, кроме учебников и словарей, 15 книг: биография В. И. Ленина и И. В. Сталина, книга «Ленин и Сталин о комсомоле», программа и устав ВЛКСМ, книга о передовом шорском колхозе. Из художественных произведений выйдут на шорском языке: сборник рассказов Горького, «Капитанская дочка» Пушкина, басни Крылова, рассказы и стихи шорского писателя Ф. Чиспиякова и др.» ((б.а.) Что будет издано в 1940 году // Сибирские огни, 1940, №1, с. 157–158.)

¹⁸ Подробно о В.Е. Таннагашеве и его репертуаре см. [17].

Для упрощения и ускорения работы в 2011 году был инициирован проект создания интерактивного корпуса шорских текстов¹⁹. Данный проект выполнялся в рамках реализации программ «Корпусная лингвистика» (программа Президиума РАН, 2011–2014 гг.) и «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства РФ № 14.Y26.31.0014, 2017–2021 гг.), а позднее вне каких бы то ни было грантовых проектов. В настоящее время в корпусе размещены и доступны для анализа а) из фольклорных текстов – весь корпус рукописных самозаписей В.Е. Таннагашева, все 8 текстов, опубликованных В.В. Радловым, все 4 текста из публикации Г.Ф. Бабушкина, 1 опубликованный и 5 архивных текстов из записей Н.П. Дыренковой, одна легенда в записи Ф.Я. Апонькина, 2 текста на нижнекондомском говоре кондомского диалекта, а также часть расшифровок аудиозаписей 1980-х-2000-х гг., в частности, 4 текста из полевых записей от М.Е. Токмагашевой; б) из литературных текстов – повесть Ф.С. Чиспиякова «Шолбан», рассказ М.П. Амзорова «Аңчылардың пир чоруктары» и перевод «Капитанской дочери» А.С. Пушкина, выполненный И.Я. Арбачаковым. Все эти тексты были набраны в соответствии с оригиналом и затем нормализованы. В общей сложности в корпус было включено 68 текстов на шорском языке, в которых встречается около 40 тысяч словоформ. Создание корпуса позволило упростить работу по выявлению как словоформ (рис. 1), так и контекста словоупотребления (обе опции реализуются в корпусе автоматически), позволяющего видеть каждое слово с наиболее часто встречающимися левыми и правыми соседями (см. рис. 2) и отбирать примеры для словаря.

¹⁹ Сайт лингвистических корпусов языков малочисленных народов Сибири. Режим доступа: <https://corpora.iea.ras.ru> (дата обращения: 21.01.2026).

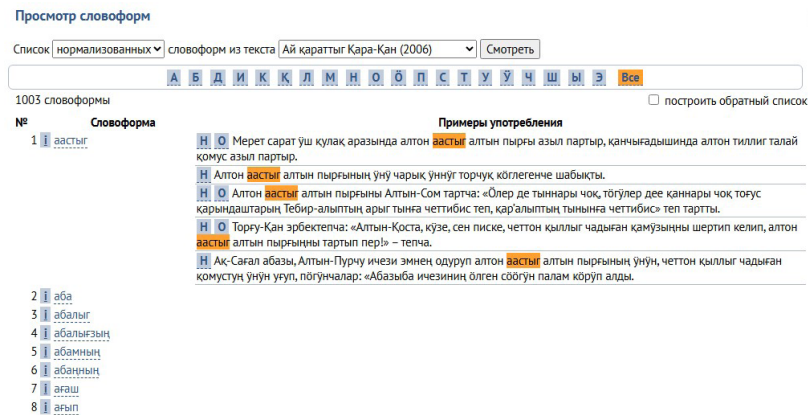

Рис. 1. Список нормализованных словоформ из текста «Ай қараттыг Қара-Қан» в самозаписи В.Е. Таннагашева

Fig. 1. List of normalized word forms from the text «Ay qarattyg Qara-Qan» in V.E. Tannagashev's self-recording

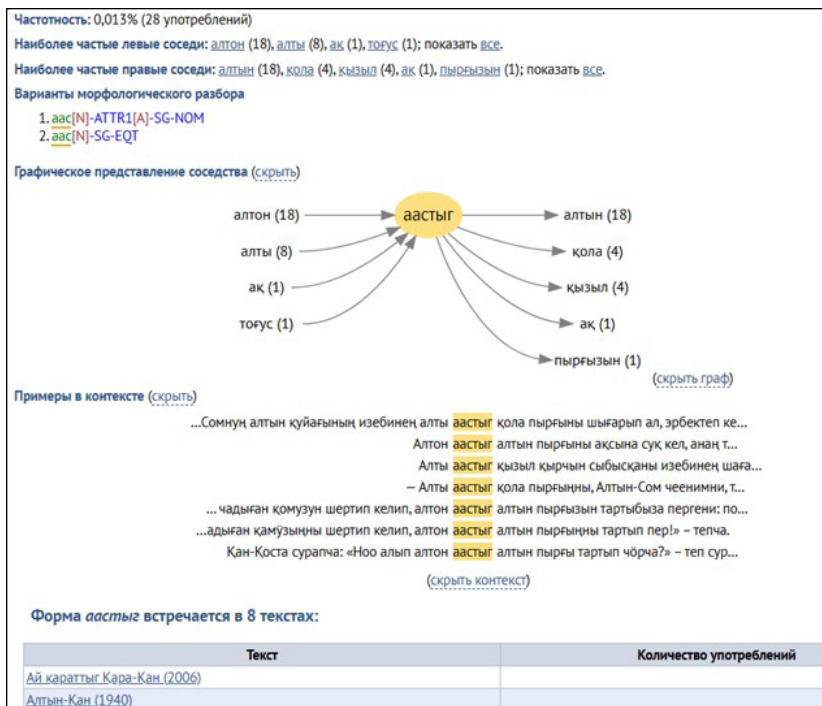

Рис. 2. Сведения о форме слова аастыг с графическим представлением соседства

Fig. 2. Information on the word form aastyg with a graphical representation of its collocations / co-occurrence patterns

Результаты и обсуждение

Начало собственно работы по составлению шорского словаря относится к 2021 г. В этот год при поддержке Фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации был создан единственный на сегодняшний день полнофункциональный интерактивный словарь шорского языка²⁰. Архитектура интерактивного словаря, равно как и вышеназванного корпуса, была разработана К.Г. Шаховцовым (в то время – сотрудника отдела Севера Института этнологии и антропологии РАН). На начальном этапе в наполнении словаря в работе принимал участие аспирант автора А. Пушин, взявший на себя работу по включению в словарь части ранее опубликованных лексем из словаря Н.Н. Курпешко-Таннагашевой и Ф.Я. Апонькина, а также ранее опубликованных автором статьи дополнений к этому словарю и примеров употребления некоторых слов из Евангелия от Иоанна и подбора историко-этнографических комментариев, главным образом из книги Л.П. Потапова «Очерки по истории Шории» [38] и примечаний к текстам, опубликованным в серии «Шорский героический эпос» [27; 28; 29].

Одной из значимых особенностей этого словаря является опция показа примеров использования шорских слов во фразах, иначе говоря, в контексте, в котором они встречаются в текстах, ранее включенных в интерактивный корпус шорских текстов. В словаре есть опция поиска слов как целиком, так и по начальным буквам, как на шорском языке, так и в переводах на русский (то есть, по сути, словарь двуедин – шорско-русский и русско-шорский), для всех существительных дана таблица склонения, и есть также опция просмотра синонимов. К концу проекта (декабрь 2021 г.) в словаре было порядка 5 тыс. шорских слов, а к моменту прекращения работы над электронной версией словаря в конце 2023 г. его объем был доведен автором до 7 тыс. слов.

После «выведения» из электронной версии словаря всех словарных статей в виде текстовых файлов в формате .odt и с автоматическими пометками в случаях, если «у машины» были вопросы к порядку значений слов и к отсутствию указаний на часть речи, вся дальнейшая работа со словарем в 2024–2026 гг. осуществлялась автором вручную. Выявлялась шорская лексика в опубликованных и архивных текстах, прежде всего в полевых записях автора; проводилась ее верификация путем перепроверки²¹ спектра значений по всем доступным источникам,

²⁰ Проект «Состык». Режим доступа: <https://sostyk.iea.ras.ru/sostyk/> (дата обращения: 21.01.2026).

²¹ Надеюсь, что публикуемый сейчас словарь позволит когда-нибудь организовать работу корректоров шорских текстов на должном уровне.

а также подбор примеров на шорском языке и перевод их на русский язык. Что касается перепроверки, то следует заметить, что это был один из самых важных и затратных по времени этапов работы. Следует также отметить, что составленный словарь не позволяет перевести абсолютно все, что можно встретить в опубликованных шорских текстах, прежде всего потому, что – в связи с отсутствием корректуры – практически все публикации изобилуют ошибками, даже не десятками, а сотнями. Таким образом, в словаре не будет таких «слов» как *қапштыра*, в котором оказалась лишняя «т», *чаггра*, в котором выпала «ы» (*чагыра*), *қықыл*, где «з» в интервокальном положении оказалась заменена на «к», *ылба/ылбан* (напр., в слове *таб-ылбанча*, которое следовало писать как *табылбаанча*), или же слов, в которых сплошь и рядом встречаются элементарные орфографические ошибки в тех случаях, где требуется удвоение согласных, напр. *сўтең* вместо *сўттең* и т.п. Представлялось бессмысленным включать в словарь весь встречающийся в литературе брак, в том числе и неуклюжие попытки создания «нового» в виде переводов нехарактерных для культуры шорцев терминов типа ‘зámок’ как *улуг здание* (букв. ‘большое здание’) и т.п.

По состоянию на момент сдачи в печать этой статьи объем словаря составляет 8 964 словарные статьи. Работа с текстами продолжается и есть уверенность в том, что этот объем в итоге будет бóльшим.

Структура словарных статей

После заглавного слова (оно выделено полужирным шрифтом) курсивом сокращенно указывается часть речи и, если это приложимо к данной лексеме, указание на то, что оно является диалектным. Применительно к глаголам, если необходимо, указывается залог. Далее приводится перевод слова на русский язык. В тех случаях, когда удавалось ранжировать значения слова по степени наибольшей употребимости (частотности), эти значения приводятся под номерами 1), 2), 3) и т.д. Близкие по смыслу переводы разделены запятыми, более далекие – точкой с запятой. Максимально возможное количество указываемых значений слова сопровождается примерами на шорском языке (они даются курсивом) и их переводом на русский язык. В тех случаях, где это было необходимо, вслед за переводом примера в скобках указывается источник, в котором данный пример был обнаружен. Подавляющее большинство примеров не имеет особых пометок (за исключением случаев извлечения их из эпических текстов (в таком случае дается пометка («из эпоса»)), поскольку они были извлечены из полевых материалов. Например, *саба нареч.* 1) мимо (чего-л.); 2) не в том направлении *ол чўгўрўп одурганда саба парчытқанда, палазы айтча: «Оң қол чанга чўгўрўп одур!»* ~

‘когда она бежала и (с дороги) сбивалась, ребенок ей говорил: «Направо беги!»’ (из эпоса).

Практически все приводимые в словаре примеры словоупотребления даны в том виде, который максимально соответствует современной орфографии шорского литературного языка, созданного на базе нижнемерасского говора мрасского диалекта шорского языка. Но есть и исключения. С учетом того, что в шорском разговорном языке уже в начале XX века фиксировалось ослабление (но не нарушение!) губной гармонии, в процессе создания литературной нормы для упрощения орфографии неоднократно предпринимались попытки закрепить это на письме: например, вместо слов с полной гармонией гласных типа *тўжўрўбўстў* или, скажем, *сўзўмнў*, *тўккўрўбўстў* и т.п., стали писать *тўжўрибисти*, *сўзўмни*, *тўккўрибисти* и т.п., осознанно ослабляя гармонию, начиная с третьего слога. Поскольку во второй половине XX в. ни периодики, ни художественной литературы на шорском языке (практически) не было, норма эта, по сути, так и не закрепились, во всяком случае, в публикациях на шорском языке 1990-х гг. и в последующие годы она соблюдалась весьма нерегулярно. В приводимых в словаре примерах, если они извлечены из опубликованных текстов, сохраняется написание оригинала. Это же касается и написания аффикса *-чатқан*, использующегося для образования глаголов настояще-прошедшего несовершенного времени. Сообразно произношению, он часто пишется как *-чыган*, *-чўган* и др. То есть вместо *парчатқан* можно встретить написание *парчыган*, вместо *кўрчатқан* – *кўрчўган* или *кўрчиган* и т.п. В примерах из опубликованных текстов, используемых в данном словаре, как и в предыдущем случае, сохраняется исходное, как в оригинале, написание.

Глаголы приводятся в форме основы (т.е. не *келерге*, *сурарга*, *эдерге* и т.п., а *келз*, *сураз*, *этз* и т.п.) с тем, чтобы пользователи словаря могли четче представлять себе все последующие возможные изменения слова в процессе спряжения, использования залоговых аффиксов и проч. В написании сложных глаголов в качестве основы была принята норма, предложенная в свое время Н.П. Дыренковой и поддержанная шорскими лингвистами Г.Ф. Бабушкиным и позже Э.Ф. Чиспияковым, то есть эти глаголы пишутся раздельно (например, *парып одур*, а не *парбодур*, *парб-одур* или *пар-бодур*; *пурул кел*, а не *пуру-лкел* и т.п.), что позволяет не исказить реальные основы этих слов и требует лишь усвоения правил чтения.

Для обозначения на письме звонкого велярного щелевого звука [ɣ], употребляющегося на конце слов и слогов с заднерядными (твердыми) гласными, в отличие от обычно встречающейся в текстах шорских

исследователей «ґ», используется простая «г», т.е. *арыг*, а не *арыг* и т.п., в полном соответствии с нормами орфографии шорского языка.

В тех случаях, когда речь идет об омонимах (словах с одинаковым звучанием, но различающихся по смыслу), эти слова даются как самостоятельные с указанием после них римских цифр I, II и т.д. Синонимы приводятся в конце словарной статьи после знака ➤. Например,

чажыт суц. I. ‘ровесник, сверстник’ ➤ *теңнеш*

чажыт суц. II. тайна ол *чажытты шақ по кўнге четтире пир кижии да навады (~уңнабады)! ~ ‘эту тайну до сих пор никто на свете не открыл!’ (из эпоса, н.-конд.)*

Как и в случае с орфографией, необходимая правка, если она, действительно, была нужна, вносилась автором также в перевод примеров на русский язык. В тех случаях, когда перевод примера, извлеченного из ранее опубликованной работы, существенно отличался от предлагаемого перевода (и был принципиально неверен), он приводится дополнительно наряду с предлагаемым переводом с указанием, что именно в таком виде он встречается в ранее опубликованном тексте.

В словарь включено довольно значительное число синонимов и диалектных вариантов тех или иных лексем. В целях экономии места полные словарные статьи в таких случаях не приводятся. Вместо этого после знака → дается отсылка к нормативному/литературному слову. Например, *пагыр суц.* → *пагры*.

Значимой особенностью словаря на фоне предыдущих попыток составления словарей шорского языка (за исключением, пожалуй, лишь словаря Радлова, который во многом служил образцом), стало наполнение словарных статей примерами из бытовой речи, эпических и иных фольклорных текстов, загадками, поговорками, пословицами, а также примерами из художественных и иных текстов. В тех случаях, когда речь шла об архаической лексике, в том числе той, что была ранее связана с ритуальными практиками, с названиями родовых подразделений шорцев и др., словарные статьи включали историко-этнографические комментарии. Например, *ома* суц. 1) ‘курган, ритуальная каменная насыпь’, 2) жилище подземных персонажей в эпосе *Кёк шөлдүң ужунда алты кучақ алышпас алтын ома турча. Алтын оманың алдында қырық кер ат мында турча* ~ ‘На краю зеленой степи золотая каменная насыпь-ома, такая, что в шесть обхватов не обхватить, стоит. Перед золотой омой сорок гнедых коней (здесь) стоят’ (из эпоса). Устаревшее слово. Обозначает «памятник» или в целом некое одноэтажное сооружение, связанное с погребально-поминальной обрядностью, типа среднеазиатского мазара. В других тюркских языках Саяно-Алтая, а также

в бурятском и монгольском *оба, оваа* – это жертвенник, обычно насыпaeмый из камней на горных перевалах.

Эти примеры, таким образом, позволяют увидеть слово не просто в языковом контексте (что важно и с точки зрения грамматики языка), но и в контексте шорской культуры, а в ряде случаев и более широко.

Заключение

Предпринятая работа по анализу существующих словарей шорского языка, выявлению источников для пополнения словаря и созданию, а также использованию электронных продуктов (корпуса текстов и словаря) в процессе работы над авторским словарем шорского языка показала, что:

1) в XX в. словарная работа велась неравномерно в разные периоды и в целом не целенаправленно, результатом чего стало отсутствие словарей, объем которых превышал бы пять тысяч единиц;

2) имеется значительный массив опубликованных и архивных текстов, равно как и аудиоматериалов, которые ранее не использовались в словарной работе;

3) создание интерактивного корпуса текстов в значительной мере ускоряет и в целом упрощает работу над словарем, позволяя при этом использовать практически неограниченное число примеров, которые дают возможность увидеть слово не просто в языковом контексте, но и в контексте шорской культуры.

Издание завершаемого шорско-русского словаря ни в коем случае не должно свидетельствовать о том, что в этой работе поставлена точка. Словарь, конечно же, нуждается в дополнениях и уточнениях. Ни три тысячи слов, как в словаре Курпешко-Таннагашевой и Апонькина, ни нынешние девять тысяч не исчерпывают лексического богатства шорского языка. Как в любом языке, пусть даже не имеющем развитой письменной литературы, в нем просто не может быть менее нескольких десятков тысяч слов. Хочется надеяться, что когда-то такой словарь появится.

Литература

1. Вербицкий В. *Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка*. Казань. 1884.

2. Радлов В.В. *Опыт словаря тюркских наречий = Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialekte*. Санкт-Петербург. 1893.

3. Старвулли М.Г., Филиппов С.С., Чистяков В.М., Янович С.В. *Русско-шорский словарь: шорлардын пажанчы школларынга*. Новосибирск: Новосибирск. обл. гос. изд. 1940.

4. Амзоров М.П., Шенцова И.В. *Русско-шорский разговорник. Қазақ-шор эрбектери*. Новокузнецк: Новокузнецкий гос. пединститут. 1992.
5. Судачаков М.Л., Чульжанов Г.Д., Косточаков Г.В. *Шорско-русский словарь*. Новокузнецк. 1992.
6. Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. *Шор қазақ пазоқ қазақ-шор үргедиг сөстүк. Шорско-русский и русско-шорский словарь*. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во. 1993.
7. Kurpeško-Tannagaşeva N.N., Akalın Ş.H. *Şor Sözlüğü*. Adana: Turkoloji Araştırmaları. 1995 (на тур.).
8. Функ Д.А. Заметки на полях шорско-русского словаря. *Народы Российской Северо-Востока и Сибири. Сибирский этнографический сборник*. 1999;(9):141–167.
9. Esipova A., Arbačakova L. Archaic vocabulary in Shor heroic epics. *Exploring the Eastern frontiers of Turkic*. Wiesbaden: Harrassowitz. 2006:19–40 (на англ.).
10. Есипова А.В., Арбачакова Л.Н. Возрожденные слова (по материалам шорских героических сказаний). *Вестник РГГУ*. 2009;(6):86–104.
11. Косточаков Г. *Евангелие от Иоанна в переводе на шорский язык с параллельным русским Синодальным переводом с приложением шорско-русского словаря*. Москва: Институт перевода Библии. 2011.
12. Амзоров М.П. *Грамматика шорского языка*. Новокузнецк. 1992.
13. Чиспияков Э.Ф. *Графика и орфография шорского языка: учебное пособие для студентов и преподавателей*. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во. 1992.
14. Дыренкова Н.П. *Грамматика шорского языка*. Москва; Ленинград. 1941.
15. Радлов В.В. *Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собранные В.В. Радловым. Ч. 1: Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев*. Санкт-Петербург. 1866.
16. *Шорский фольклор* / ред. Н.П. Дыренкова. Москва; Ленинград. 1940.
17. Функ Д.А. *Антропология героического эпоса. Крик, разрывающий дно вселенной*. Москва: Издательство «Культура». 2024.
18. Арбачакова Л.Н. *Алып Кускун. Шорское героическое сказание*. Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет». 2011.
19. *Духовная Шория. Шорский фольклор в записях и из архива профессора А.И. Чудоякова* / ред. Г.В. Косточаков. Кемерово: ИПП «Кузбасс». 2008.
20. *Сказания шорского кайчи В.Е. Таннагашева* / ред. Е.Н. Кузьмина. Новосибирск: РИЦ НГУ. 2014.
21. Токмашов Б.И. *Қыр-Чайзаң. Богатырское сказание кондомских шорцев*. Новокузнецк. 2018.

22. Токмашов Б.И. *Каан Оолак. Богатырское сказание кондомских шорцев*. Новокузнецк: Новокузнецкий полиграфкомбинат. 2009.

23. Токмашов Б. *Кёк-Торчук. Богатырское сказание кондомских шорцев*. Новокузнецк. 2018.

24. *Фольклор шорцев* / ред. Л.Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука. 2010.

25. *Шорские героические сказания* / ред. А.И. Чудоякова, Р.Б. Назаренко. Москва; Новосибирск: Наука. 1998.

26. *Шорские героические сказания: Кара Кан, Кара Сабак* / ред. Л.Н. Арбачакова. Москва: Институт перевода Библии. 2015.

27. *Шорский героический эпос. Т. 1* / ред. Д.А. Функ. Москва: ИЭА РАН. 2010; 2-е изд. Кемерово: ООО «Примула». 2010.

28. *Шорский героический эпос. Т. 3: Сыбазын-Олак. Выспоренная Алтын-Торгу. Кара-Хан (сказитель В.Е. Таннагашев)* / ред. Д.А. Функ. Кемерово: ООО «Примула». 2012.

29. *Шорский героический эпос. Т. 4: Шорские эпические сказания в записях В.В. Радлова* / ред. Д.А. Функ. Кемерово: ООО «Примула». 2013.

30. *Семь вечеров. Антология шорского эпоса* / ред. Д.А. Функ. Москва: ИЭА РАН. 2022.

31. *Шор ныбактары [Шорские сказки]* / ред. Г.Ф. Бабушкин паскан. Новосибирск: Новосибирский областной государственный издательство. 1940 (на шор.).

32. *Шорский героический эпос. Т. 5, ч. 1: Шорский эпос в самозаписях сказителя-кайчи В.Е. Таннагашева* / ред. Д.А. Функ. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2018.

33. Косточаков Г.В. *Ўлгер. Книга для чтения*. Кемерово: Кн. изд-во. 1995 (на шор.).

34. Чульжанова Л.И., Косточаков Г.В., Арбачакова Л.Н. *Чедыген: сборник произведений шорской литературы на шорском и русском языках*. Кемерово: Кузбассвузиздат. 2007.

35. Puškin A.S. *Talap alqan proizvedijeler*. Novosibirsk: OGIZ, [Зап.-Сиб. крайиздат]. 1936 (на шор.).

36. Пушкин А.С. *Капитаннынъ кызы* / ред. В.К. Тотышев. Новосибирск. 1941 (на шор.).

37. Кэрролл Л. *Приключения Алисы в Стране чудес: сказка. На шорском языке*. Кемерово: ОАО ИПП «Кузбасс». 2021.

38. Потапов Л.П. *Очерки по истории Шории*. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР. 1936.

References

1. Verbitskiy V. *Dictionary of the Altai and Aladag dialects of the Turkic language*. Kazan. 1884 (in Russian).

2. Radlov VV. *An attempt at a dictionary of the Turkic dialects* = *Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialekte*. Saint Petersburg. 1893 (in Russian, German).
3. Starvulli MG, Filippov SS, Chistyakov VM, Yanovich SV. *Russian-Shor dictionary: shorlardyn» pazhanchy shkollaryna*. Novosibirsk: Novosibirsk oblast state publishing house. 1940 (in Russian, Shor).
4. Amzorov MP, Shentsova IV. *Russian-Shor phrasebook. Qazaq-shor erbekteri*. Novokuznetsk: Novokuznetsk State Pedagogical Institute. 1992 (in Russian, Shor).
5. Sudachakov ML, Chulzhanov GD, Kostochakov GV. *Shor-Russian dictionary*. Novokuznetsk. 1992 (in Shor, Russian).
6. Kurpeshko-Tannagasheva NN, Aponkin FYa. *Shor qazaq pazoq qazaq-shor ürgedig söstük. Shor-Russian and Russian-Shor dictionary*. Kemerovo: Kemerovskoe kn. izd-vo. 1993 (in Shor, Russian).
7. Kurpeško-Tannagaşeva NN, Akalın ŞH. *Şor Sözlüğü*. Adana: Turkoloji Araştırmaları. 1995 (in Turkish, Shor).
8. Funk DA. *Notes in the margins of the Shor-Russian dictionary. Narodny Rossiyskogo Severa i Sibiri. Sibirskiy etnograficheskiy sbornik*. 1999;(9):141–167 (in Russian).
9. Esipova A, Arbačakova L. *Archaic vocabulary in Shor heroic epics*. In: Erdal M, Nevskaya I, eds. *Exploring the Eastern frontiers of Turkic*. Wiesbaden: Harrassowitz. 2006:19–40.
10. Esipova AV, Arbachakova LN. *Revived words (based on materials from Shor heroic epics)*. Vestnik RGGU. 2009;(6):86–104 (in Russian).
11. Kostochakov G. *The Gospel of John translated into the Shor language with a parallel Russian Synodal translation and a Shor-Russian dictionary*. Moscow: Institut perevoda Biblii. 2011 (in Shor, Russian).
12. Amzorov MP. *Grammar of the Shor language*. Novokuznetsk. 1992 (in Russian).
13. Chispiyakov EF. *Graphics and orthography of the Shor language: a textbook for students and teachers*. Kemerovo: Kemerovskoe kn. izd-vo. 1992 (in Russian).
14. Dyrenkova NP. *Grammar of the Shor language*. Moscow, Leningrad. 1941 (in Russian).
15. Radlov VV. *Samples of folk literature of the Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungarian steppe, collected by V.V. Radlov. Pt. 1: Sub-dialects of Altai: Altaians, Teleuts, Chernov Tatars, Lebedin Tatars, Shors and Sayans*. Saint Petersburg. 1866 (in Russian).
16. *Shor folklore* / ed. NP. Dyrenkova. Moscow; Leningrad. 1940 (in Russian, Shor).

17. Funk DA. *Anthropology of heroic epic. A scream tearing the bottom of the universe*. Moscow: Izdatelstvo “Kultura”. 2024 (in Russian).
18. Arbachakova LN. *Alyp Kuskun. Shor heroic epic*. Novosibirsk: ZAO IPP “Ofset”. 2011 (in Russian, Shor).
19. *Spiritual Shoria. Shor folklore in recordings and from the archive of Professor AI. Chudoyakov* / ed. GV. Kostochakov. Kemerovo: IPP “Kuzbass”. 2008 (in Russian, Shor).
20. *Tales of the Shor kaychi VE. Tannagashev* / ed. EN. Kuzmina. Novosibirsk: RIC NGU. 2014 (in Russian, Shor).
21. Tokmashov B. *Qyr-Chayzan. Heroic epic of the Kondoma Shors*. Novokuznetsk. 2018 (in Shor, Russian).
22. Tokmashov BI. *Kaan Oolak. Heroic epic of the Kondoma Shors*. Novokuznetsk: Novokuznetsk polygraph combine. 2009 (in Russian, Shor).
23. Tokmashov B. *Kök-Torchuk. Heroic epic of the Kondoma Shors*. Novokuznetsk. 2018 (in Shor, Russian).
24. *Folklore of the Shors* / ed. LN. Arbachakova. Novosibirsk: Nauka. 2010 (in Russian, Shor).
25. *Shor heroic epics* / ed. AI. Chudoyakov, RB Nazarenko. Moscow; Novosibirsk: Nauka. 1998 (in Russian, Shor).
26. *Shor heroic epics: Kara Kan, Kara Sabak* / ed. LN. Arbachakova. Moscow: Institut perevoda Biblii. 2015 (in Russian, Shor).
27. *Shor heroic epic. Vol. 1* / ed. DA. Funk. Moscow: IEA RAN. 2010; 2nd ed. Kemerovo: OOO “Primula”. 2010 (in Russian, Shor).
28. *Shor heroic epic. Vol. 3: Sybazyn-Olak. Vysporennaya Altyn-Torgu. Kara-Khan (narrator VE Tannagashev)* / ed. DA. Funk. Kemerovo: OOO “Primula”. 2012 (in Russian, Shor).
29. *Shor heroic epic. Vol. 4: Shor epic tales in the records of VV Radlov* / ed. DA. Funk. Kemerovo: OOO “Primula”. 2013 (in Russian, Shor).
30. *Seven evenings. Anthology of Shor epic* / ed. DA. Funk. Moscow: IEA RAN. 2022 (in Russian, Shor).
31. *Shor nybaktary [Shor tales]* / GF. Babushkin paskan. Novosibirsk: Novosibirsk regional state publishing house. 1940 (in Shor).
32. *Shor heroic epic. Vol. 5, Pt. 1: Shor epic in the self-recordings of the storyteller-kaychi VE. Tannagashev* / ed. DA. Funk. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. 2018 (in Russian, Shor).
33. Kostochakov GV. *Ülger. Reading book*. Kemerovo: Kn. izd-vo. 1995 (in Shor).
34. Chulzhanova LI, Kostochakov GV, Arbachakova LN. *Chedygen: collection of works of Shor literature in the Shor and Russian languages*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 2007 (in Russian, Shor).

35. Puşkin AS. *Talap alqan proizvedijeler*. Novosibirsk: OGIZ, [Zap.-Sib. kraiizdat]. 1936 (in Shor).
36. Pushkin AS. *Kapitannyn" kzyzy [The Captain's Daughter]* / ed. VK. Totyshev. Novosibirsk. 1941 (in Shor).
37. Carroll L. *Alice's Adventures in Wonderland: fairy tale. In the Shor language*. Kemerovo: OAO IPP "Kuzbass". 2021 (in Shor).
38. Potapov LP. *Essays on the history of Shoria*. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR. 1936 (in Russian).

Об авторе

ФУНК Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией социокультурной антропологии, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4310-5924>, WoS ResearcherID: O-2102-2013, Scopus Author ID: 57201823980, Elibrary AuthorID: 73302, SPIN: 1327-7134, e-mail: d_funk@iea.ras.ru

About the author

Dmitriy A. FUNK – Dr. Sci. (Anthropology), Professor, Head, Laboratory of Sociocultural Anthropology, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4310-5924>, WoS ResearcherID: O-2102-2013, Scopus Author ID: 57201823980, Elibrary AuthorID: 73302, SPIN: 1327-7134, e-mail: d_funk@iea.ras.ru

Конфликт интересов

Автор Функ Д.А. является членом редакционной коллегии журнала «Арктика XXI век». Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью

Conflict of interests

The author Funk D.A. is a member of editorial board of the journal "Arctic XXI Century". The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article

Поступила в редакцию / Submitted 02.02.2026

Поступила после рецензирования / Revised 16.03.2026

Принята к публикации / Accepted 23.03.2026

**АРКТИКА XXI ВЕК
ARCTIC XXI CENTURY**

**Научный журнал
Том 14 №1 2026**

Главный редактор *Н. В. Малышева*
Заместитель главного редактора *Л. С. Заморщикова*
Ответственный секретарь *А. В. Тимофеева*
Технический редактор *А. П. Васильева*
Компьютерная верстка *Л. М. Винокурова*
Дизайн обложки *С. С. Павлов*
Фото обложки *Н. Н. Слепцова*

При использовании материалов журнала ссылка на источник является обязательной

Печать цифровая. Подписано в печать 27.03.2026
Формат 70х100/16. Печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 13,75. Тираж 25 экз. Заказ № 63
Дата выхода в свет 31.03.2026
Цена свободная

Издательский дом Северо-Восточного федерального университета
Адрес типографии: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-88190 от 16 сентября 2024 г.
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

**ARKTIKA XXI VEK
ARCTIC XXI CENTURY**

**Academic periodical
Vol. 14 No. 1 2026**

Editor-in-Chief: *Ninel V. Malysheva*
Deputy Editor-in-Chief: *Liudmila S. Zamorshchikova*
Executive editor: *Aitalina V. Timofeeva*
Technical editor: *Alina P. Vasileva*
Computer design: *Lira M. Vinokurova*
Cover design: *Stepan S. Pavlov*
Cover photo: *Nina N. Sleptsova*

Any use of the journal's materials must be accompanied by a mandatory reference to the source

Digital printing. Submitted for printing on March 27, 2026
Format: 70×100/16. Print sheets: 13.5. Authorial quires: 13.75. Circulation: 25 copies. Order No. 63
Publication date: March 31, 2026

Publishing House of NEFU
Address: 58 Belinskogo St., Yakutsk, Russia, 677000

Accreditation certificate ПИ № ФС77-88190 on September, 16, 2024 by the Federal Service for
Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)